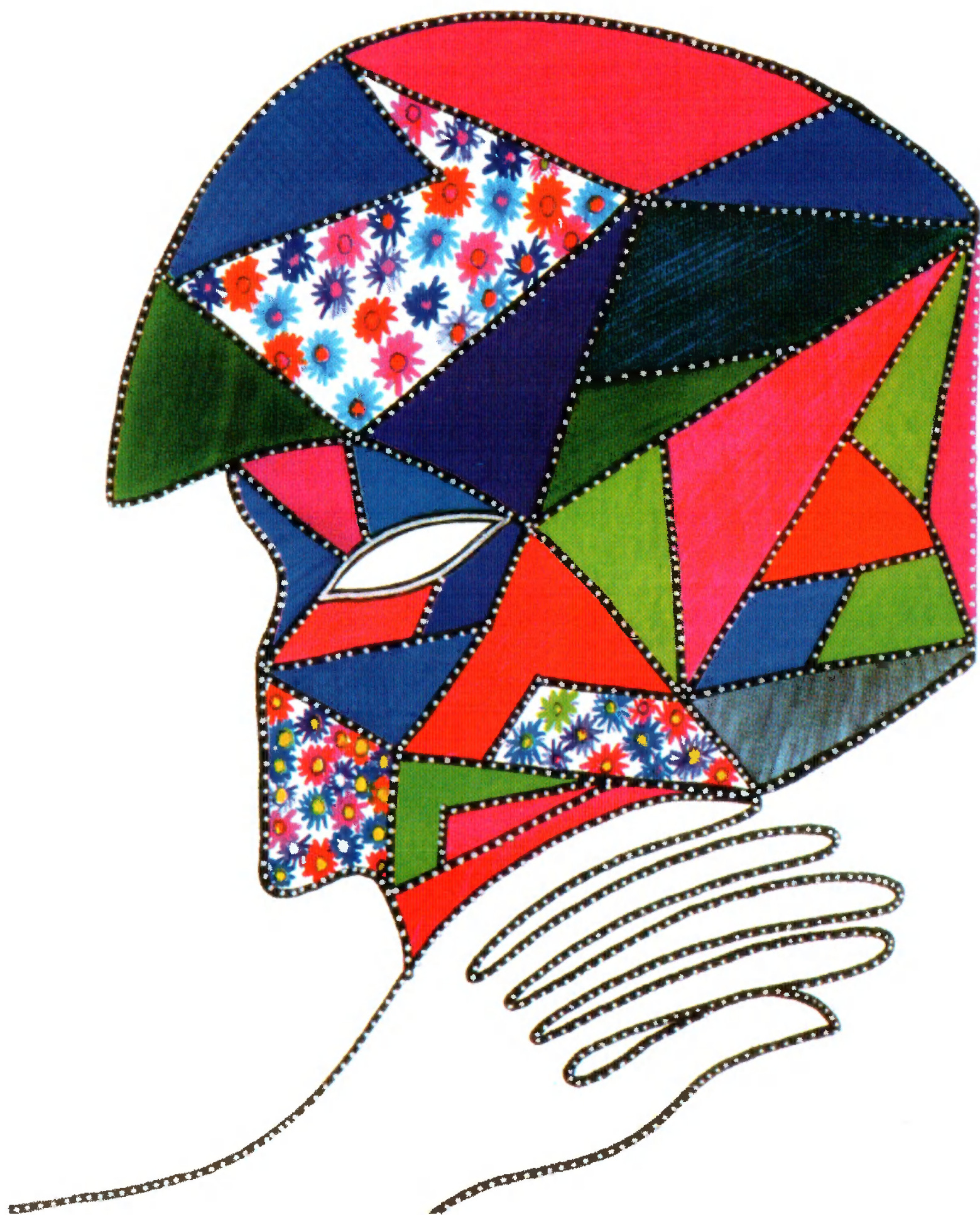

Юнна Мориц

ТАКИМ ОБРАЗОМ

Юнна Мориц

ТАКИМ ОБРАЗОМ

Стихотворения

Санкт-Петербург
ООО « ДИАМАНТ »
ООО « ЗОЛОТОЙ ВЕК »
2001

УДК 81.2
ББК 84.Р
М79

Книга опубликована в авторском оформлении,
пунктуации, орфографии и редакции.

Мориц Юнна

М79 Таким образом. Стихотворения. – СПб., ООО «Диамант», ООО «Золотой Век» 2001. – 248 с., ил.

ISBN 5-88155-444-2

Новая книга стихов Юнны Мориц, лауреата премий «Триумф» (Россия) и «Золотая роза» (Италия), одного из лучших поэтов современности, впервые представляет ее читателю и как великолепного художника. Пронзительная, редкая по откровенности лирика иллюстрирована репродукциями графических произведений Поэта, многие из репродукций сделаны в цвете.

УДК 81.2
ББК 84.Р

© Мориц Ю. П., текст и иллюстрации, 2001
© Крупа Юрий, фото, 1999
© ООО «Диамант», художественное
оформление, 2001

ISBN 5-88155-444-2

***Вчера я пела
в переходе***

В бумажной руке — бумажная чашка,
кипятка кофейный окрас.

Лицу эпохи нужна подтяжка
и пересадка глаз.

Бумажная чашка с бумажной ручкой —
с двумя на одном боку.

Придут хирурги зеленой кучкой —
облицевать башку.

Придут хирурги, дадут наркозу,
другое лицо пришьют, —
глаза, конечно, в другую позу
дернут — как парашют.

Потом придет мордодел с палитрой,
для маски расплавит воск.
Но в глазах — все то же кино и титры,
которые крутит мозг.

В бумажной тарелке — бумажный окунь
или бумажный гусь.

Лицо поправляет бумажный локон
и крутит бумажный ус.

1992

ПЛАВАЮЩИЙ СЛЕД

Вчера я пела в переходе
и там картину продала
из песни, что поют в народе,
когда закусят удила.

Ее купил моряк со шхуны,
приплывшей из далеких стран
по воздуху, где множит луны
в дрожащем зеркале туман.

С картиной, купленной у песни,
он растворился, заплатив
улыбкой, что была — хоть тресни —
такой же вечной, как мотив.

И окончательная тайна
с грехом, расплывчатым как тушь,
была всемирна и китайна
в том переходе душ и стуж,

где остается плавать выдох —
мотив воздушного следа,
и подменяют вход и выход
друг друга в ритме *нет* и *да*.

1997

ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО

Развязывал ленточки, бантики,
шелковые шнурки,
веяли пылью антики
сандалии ее, чулки.

Она трудилась на улице,
где ноги растут из глаз,
где нагло и сладко щурятся,
торгуя цветами ласк.

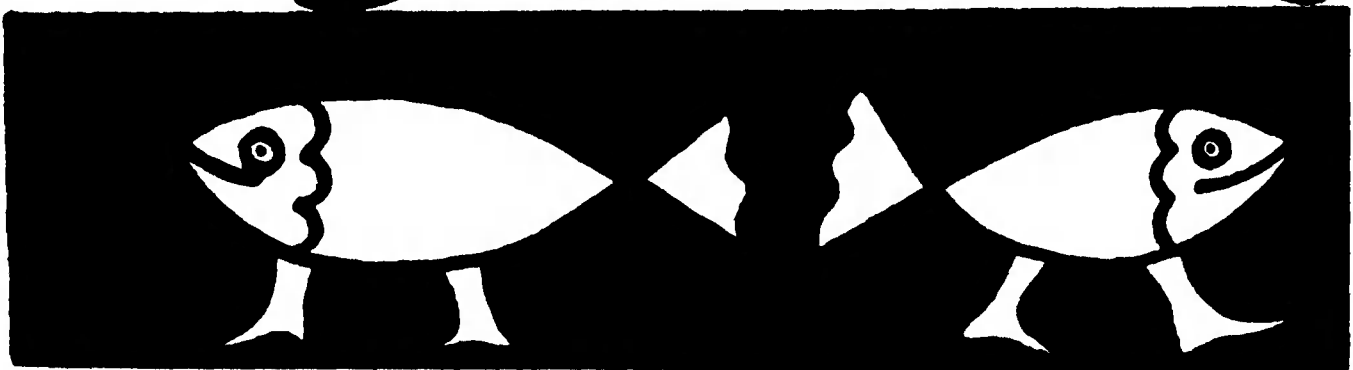
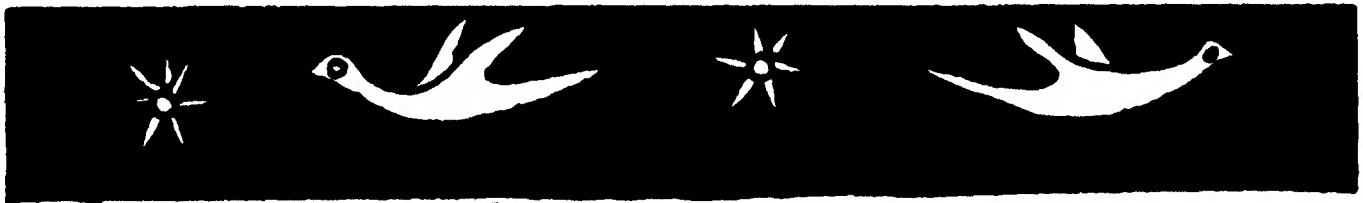
Она торговала мелкими
цветами лугов, лесов,
но ласки не грезят мерками,
пригодными для весов.

Букетики на завязке,
пьяные словно речь,
ландышевые ласки,
ласточки тайных встреч...

Вся она легче пуха
в памяти проплыла,
стекляшку вдевая в ухо,
кусочек цветной стекла,

цветочек стекла простого,
близкие лепестки,
близость того простора,
где звезды слезам близки.

1997

* * *

Ты — девочка Господа Бога,
ты — Господа Бога дитя,
ты — песня, дорога и ветер,
и счастлива, только летя —
как ветер, дорога и песня,
как песня и ветер дорог,
как песня дороги и ветра,
который в дорогах продрог.

И дорого счастье полета,
и незачем ветру-судьбе
доказывать с помощью фото,
что крылья твои при тебе,
и солнца на них позолота,
и ночи серебряный свет...
и песни пронзительной нота —
твой самый прекрасный портрет.

1997

~

ПУЩА-ВОДИЦА

А в десять лет была я старше — и намного.
Мне открывали страшные секреты,
и я жила без матери в лесу,
была там пуца и была водица,
водица-пуца, гуца и берлога,
и в той водице лунным пламенем согреты
русалки к мельничному плыли колесу,
за ними пылью водяной вилась дорога,
дощатый мост скрипел и гнулся от кареты,
а в той карете — черти ели колбасу.
И клала голову ко мне на подоконник
траву жующая бессонная корова
с рогами и со взором василиска,
хвостом обмахивая звезды за окном,
где было кладбище, и в нем — дитя-покойник,
поскольку наше поколение нездорово
и с детства к смерти подходило слишком близко,
и даже в детстве — много ближе, чем потом.
А я была намного старше в десять лет,
чем в шестьдесят, в сто шестьдесят, в шестьсот и дале,
уже тогда я знала все, что здесь случится,
и весь клубок преображений, превращений
развернут был, мой предваряя след,
росла там пуца и плыла водица,
водица-пуца, рыба, зверь и птица,
на тридцать коек — шестьдесят сандалий,
и в дни довольно редких посещений
ко мне из деревянного трамвая,
с платочком яблоч, с легкостью от Бога,
выпрыгивала мать, совсем малютка,
ее была я старше — и намного.

1997

ПОЛУЧЕНИЕ РИМА

Волчица кормила младенцев, ее молоко
вхлёбывалось туда, где растёт.

После лактации ей становилось по-волчьи легко,
был язык, он вылизывал дочиста — и никаких нечистот,
пеленок, корыт, истерик... Нищета — это плод ума.

На родину воплощений — путь один — через волчий голод.
Когда они ее высосали и стали бегать вокруг холма,
один другого убил, — Рим получился, город.

1991

Столы съедая после пира,
дружина жалуется Богу,
что разбежались рабы, —
ни хлеба, ни вина, ни сыра,
морозец ногу бьет о ногу,
похмелье тяжело... Зов трубы
утробен, ратники угрюмы,
на воеводу зубы точат
и снегом кормят лошадей.
А воевода полон думы,
она о том, что Бог не хочет
закуску делать для людей.

1993

Музыка, лунный свет,
море у стен...
Некому слать привет —
край опустел.

Кладбищ цветут кусты.
Где криминал?..
Все времена чисты —
как времена.

Если остался здесь
кто-нибудь жив, —
бабочкой стал он весь,
чист и нелжив.

Крылья в золотой пыли,
лета слюда,
зверской мечты в лице
нету следа.

Кто-то завел часы,
по которым цветет лимон.
Все времена чисты —
после времен.

1997

Мою судьбу примерил кто-то,
она понравилась кому-то,
как шляпка или пиджачок, —
и в ней снимаются на фото,
моей суровой нитью круто
сюжеты шьют. Но я — молчок!..

Бывало, в гибельные годы
весьма стучали эти гады
на мой соленый язычок,
моей судьбой, моим уделом
страшили, занимаясь делом
пользительным. Но я — молчок...

И мыслимо ли в светском лоске
таскать судьбы такой обноски,
когда ты весь — в лучах броня
и свой же в доску меж певцами
побед, известных мертвецами
великими?.. Но — чур меня!

Но — чур меня, скажу я смело,
мне жить еще не надоело...
Да пусть их вертится волчок
по нити, по моей суровой,
пусть этой хвастают обновой, —
старья не жаль мне!.. Я — молчок!

За эту мудрость золотую
судьба мне Розу Золотую
немедля дарит — дивный знак
взаимности!.. Судьба-то в силе
и любит, чтоб ее хвалили,
но я — молчок, я знаю — как!..

1996

* * *

С жесткими блестками платье
на черных шелковых лямках.
Она лежит на кровати,
топкой как сумрак в замках.

Летит карета причесок
в тучах небес весенних.
Действительности набросок
виснет на опасеньях.

Этой печали рыбка
переплывает воздух
вечно, прозрачно, зыбко.
Кто — кроме нас — на звездах?..

Она покидает зданье
одинокества в десять башен.
Ей назначил свиданье
композитор гречневой каши,

его чистая лирика — способ
ввести в обман соглядатая,
будто любая особь
есть время, отдельно взятое.

1997

СОНЕТ

Тот скотский хутор, вряд ли был он хуже,
чем этот... Взяли первые места
мы всё на той же выставке скота
и оказались в той же свинской луже.

Случился новый поворот винта —
и внутренность развернута снаружи,
она — лишь прежде свернутая туже
все та же, та же скотская мечта,

все тот же визг, и хрюканье, и рык,
и тьяканье, и блянье, и ржанье
над содержаньем ведер и корыт,

и к живодерне дрожкое бежанье,
и зависть к тем же скотским хуторам,
где хлев просторней и дешевле хлам.

1996

САЛОМЕЯ

Рассвета серое, мокрое полотно,
круглые сутки дождь, и еще не топят,
сумерки — утром, днем... к четырем — темно,
рыбак золотую рыбку в кино торопит,
дома нет электричества, также вода не течет, —
это на линии где-то прошла моргуша,
стоит золотая рыбка у зеркала со свечой —
красится после душа.

В разбитом корыте будильник звенит, рыбак
дает по часам старухе глоток микстуры —
ведь на старуху повесили всех собак
художественной литературы, —
теперь у нее трясучка имени Паркинсона,
а золотая рыбка становится все капризней,
разбитое видя корыто, которое нарисовано
на последней странице жизни.

1996

ВОШЬ ЭНД ГОУ

Передвигаемся перебежками.
Праздник — на улице Мелкой Вши.
Колбасе — свобода! Пора, не мешкая,
двух Медведиц продать ковши.

Продолжение мирного диалога,
стабилизирован в горле нож,
и вариантов не так уж много —
между «Вошь энд гоу» и «Гоу энд вошь».

1996

Все мерзости, которые про вас
твердил ублюдок, потакая бреду,
предстали жуткой правдой без прикрас,
как только дали вам сыграть победу
и этот фарс — холуйствуя, дерзать,
лизать курдюк и блеять перед кассой.
Нет, мне язык не страшно развязать,
но страшно захлебнуться рвотной массой,
одушевляя тряпки ваших лиц,
отжатых в орден грязного ведра,
со всех экранов и со всех страниц
от них несет помоями добра,
любви, надежды на животный страх,
от коего — смирен и незлобив —
ягненок чует братьев на кострах
и дремлет, запах дыма возлюбив.
Когда очнется потерявший речь,
утративший сознание зверь народа,
с одной извилиной сумеет он извлечь
один урок, жестокий как природа.
И мерзости, которые про вас
он лапами размажет на пространстве,
приобретут мифический окрас
в своем неукротимом постоянстве.

1996

Не знает Лермонтов, что так теперь не пишут
в приличном обществе... С европейским вкусом люди
не содрогаются и воздух не колышут,
в какой-то мысли превратясь орудье.
Так не ведут себя темно и мрачно,
чтоб не смешить родимое Бермудье,
не брызжут желчью, свойственной зануде
и психу, страсть которого безбрачна,
а жизнь конечна... Снегом воздух вышит,
за всем — дыра неведенья сквозная.
Так не ведут себя и так теперь не пишут,
не носят этого, но Лермонтов не знает,
что этого не носят, — столь несносны
подобный стиль и скрежет оборотов,
что это носят лишь дубы, и сосны,
и несколько несносных идиотов.
Оно потешно, старомодно, зябко —
носиться, этой манией пылая:
однако же поэзия — не тряпка,
чтоб модной быть, чего и вам желаю.

1995

Вялотекущая сказка,
текут крокодильи слезки,
набок съезжает маска,
улыбки кривой обноски,
дышит в лицо развязка
века и карнавала,
набок съезжает краска,
которая покрывала
волосы, губы, щеки,
ногти, события, речи,
набок съезжают щелки
глаз, оплывают свечи, —
еще раздают подарки,
кубки, колонны, статуи,
но мельче почтовой марки
всё это вместе взятое.

1995

КОМЕДИЯ ВЗАИМНОГО УЗНАНИЯ

— Вчера меня на улице узнали
в Париже, в Риме, в Лондоне, в Мадриде,
в Аддис-Абебе, в Рио-де-Жанейро,
в Караганде, в Нью-Йорке, на Майорке
и далее везде — узнали в морге,
узнали в катафалке и в гробу,
а там народу — более, чем было,
венки цветов, корзины и букеты,
и музыка, и все меня узнали,
потом на почте узнавали все!..

Такая чара, вроде пирамиды, —
узилище взаимного узнанья
для узников, союзников и муз.
Союз ВЧЕМУЗ — ВЧЕРА МЕНЯ УЗНАЛИ.
Швейцар у входа, получив свое,
гундосит в рупор:
— Дамы с господами,
к нам на обед пожаловал Гомер,
его лицо, конечно, всем знакомо.

- Гомер, ты — как?
- Всё так же.
- Всё же — так!..

1994

ПАРОЛЬ

...в этом смысле их победили, потому что сменился пароль: когда они спать уходили, он был, например, «трали-вали», но, когда их вдруг разбудили, он был уже «гоп-ца-цуца», и на вопрос «Кто идет?» они, не успев проснуться, такой ответ выдавали, что их в ответ убивали, но проблемы еще бывали, недоумки плодятся, как моль, поэтому раз в неделю, когда они спать уходили, их способности умственные ставили на контроль: например, пароль «гоп-ца-цуца» менялся на «гоп-со-смыком», «гоп-со-смыком» — на «белый ангел», «белый ангел» — на «мы не лыком шиты», и в этом духе, такие вот перемены стали обыкновенны, и уже на вопрос «Кто идет?» они отвечали улыбкой, блуждающей на крокодиле, из которого — чемоданы, обувь, галантерея, потому что пароль сменился, когда его разбудили.

1996

Ночь на исходе лета,
щели забиты мраком,
дождь, как разболтанная карета,
с грохотом катится по оврагам.
Занавесила окна вода.
В карете дышит, мерцая,
облаками закутанная звезда —
не вижу ее лица я, —
только биенье за толстой тьмой,
только ритм, остальное — мнимо.
Так виднелась комета прошлой зимой —
только при взгляде мимо,
когда в хрусталик вовлечена
вся книга небес текучих,
где дышит вести величина,
сжимаясь и разжимаясь в тучах.
Только при взгляде мимо,
и ты этот знаешь взгляд,
льнувший неодолимо
к силам, простертым над.

1996

Меня от сливок общества тошнит!..
В особенности — от культурных сливок,
от сливок, взбитых сливками культуры
для сливок общества.
Не тот обмен веществ,
не достаёт какого-то фермента,
чтоб насладиться и переварить
такое замечательное блюдо
могла и я — как лучшие умы.

Сырую рыбу ела на Ямале,
сырой картофель на осеннем поле,
крапивный суп и щи из топора
в подвале на Урале.
Хлеб с горчицей,
паслён и брюкву, ела промокашку,
и терпкие зелёные сливки,
и яблочки, промёрзшие в лесу, —
и хоть бы что!..

А тут, когда настало
такое удивительное время
и всё, что хочешь, всюду продаётся —
моря и горы, реки и леса,
лицо, одежда, небеса, продукты,
включая сливки общества, — тошнит
меня как раз от этих самых сливок,
чудесно взбитых...
Да и то сказать,
от тошноты прекрасней всех мелисса.

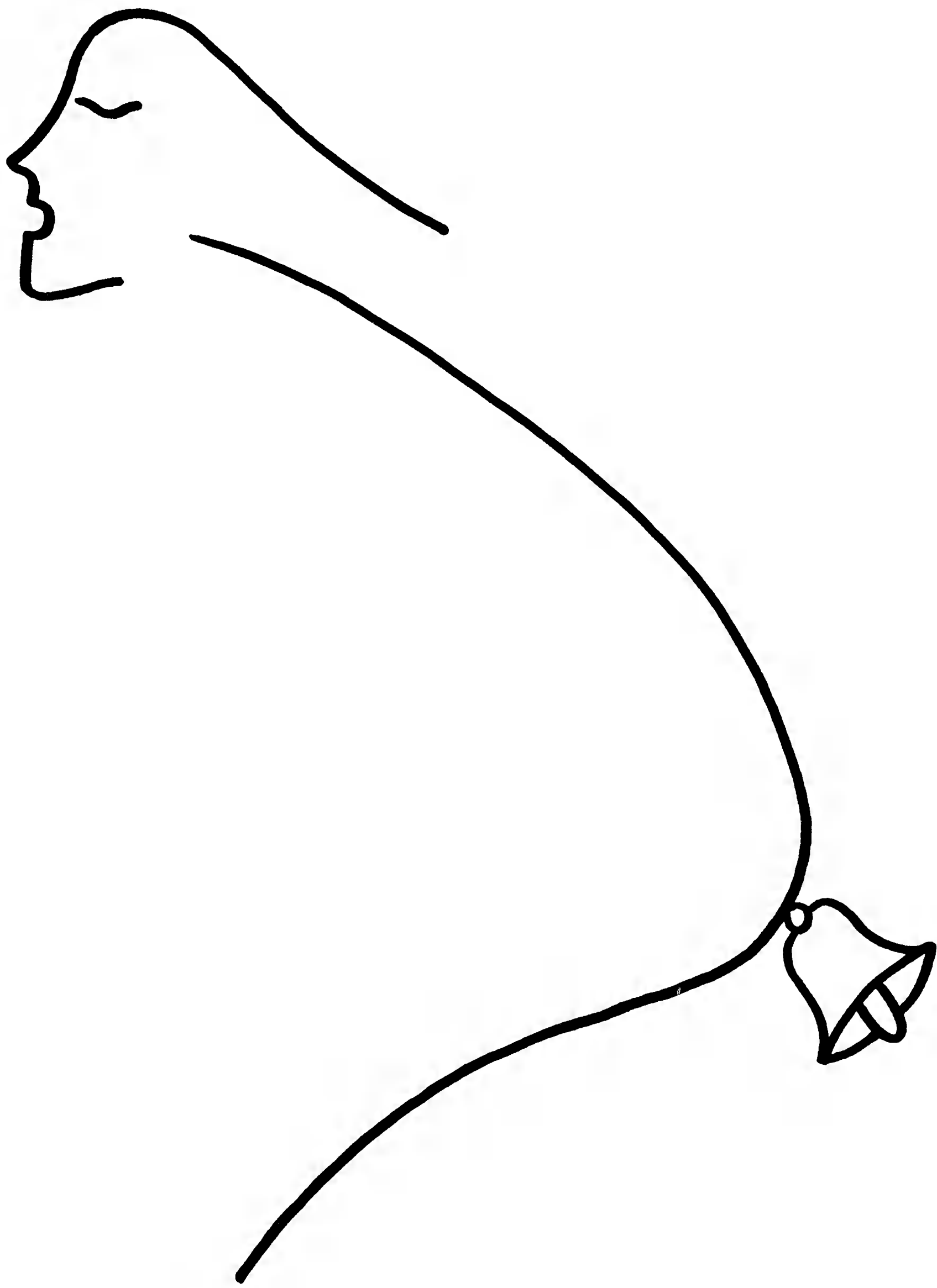
1998

СЛАВНЫЙ ВОРОН

Не была, не состояла,
не входила, не владею,
на иглу похвал не сяду
и от клея не балдею,
на котором свора с вором,
липких масок ерунда, —
я кладу на них с прибором,
как сказал бы славный Ворон,
возопивший «Никогда!».

Никогда в толпе геройской
не была я девкой свойской,
не была царицей Савской
и принцессою Савойской,
не болела этим вздором,
не искрила провода, —
я кладу на них с прибором,
как сказал бы славный Ворон,
возопивший «Никогда!».

Торговать отваги салом
в час, когда его навалом?!
Нет уж, лучше трус отпетый
пусть зовется храбрым малым,
и пылает метеором,
и сияет, как звезда, —
я кладу на них с прибором,
как сказал бы славный Ворон,
возопивший «Никогда!».

Пусть ворует правду время —
жаль, что раньше не украло!..
Пусть ворованную правду
делят те, кому все мало,
пусть едят хоть с помидором,
не имеячи стыда, —
я кладу на них с прибором,
как сказал бы славный Ворон,
возопивший «Никогда!».

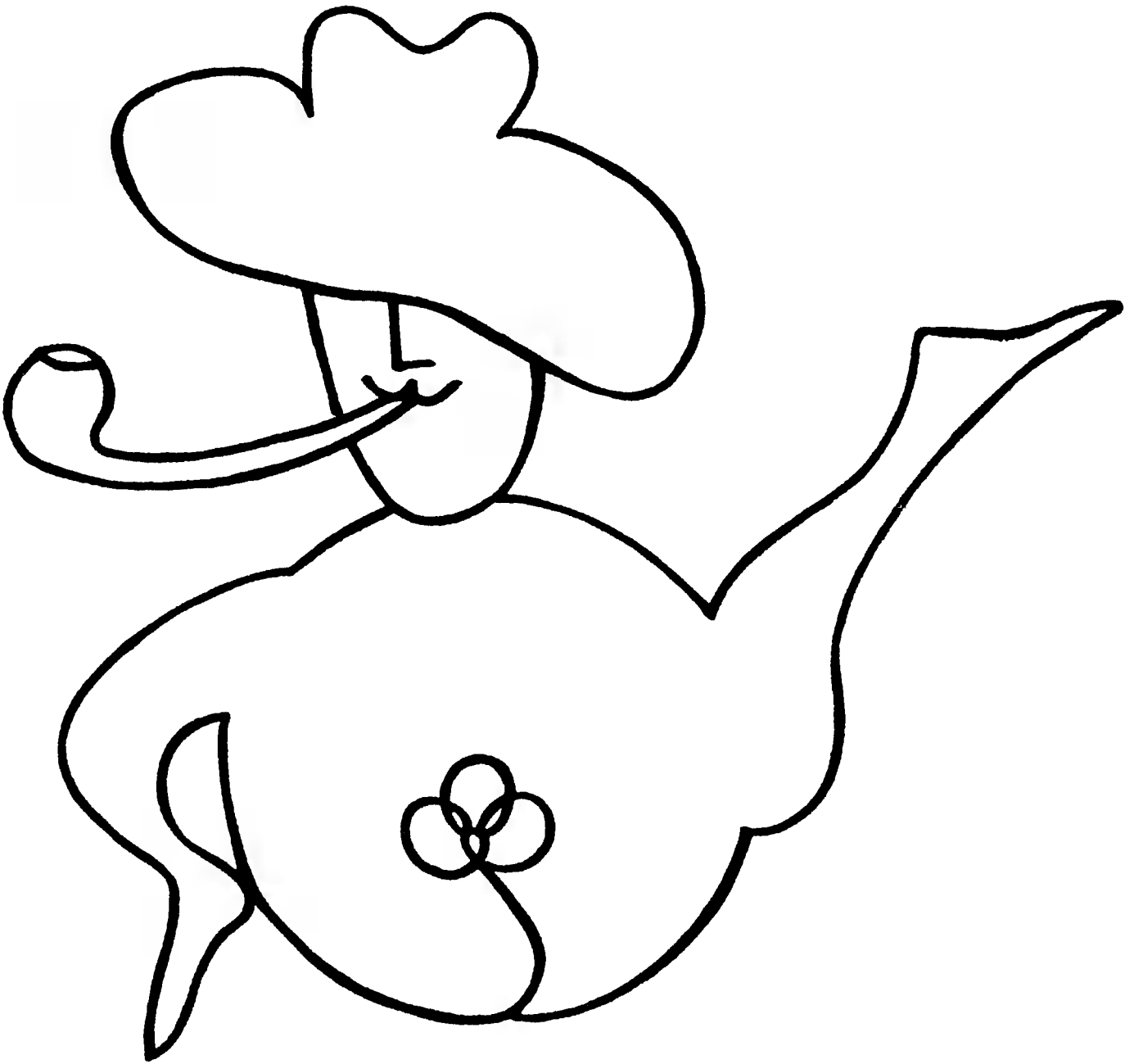
1997

Воруй, малюсенький, воруй,
воруй по мелочи у многих,
прикинься нищим и пируй
на всех разбойничьих дорогах,
с улыбкой детской суетись,
глотаю злобы ком железный,
а тот, при ком ты был статист,
опять солирует над бездной,
но звук на время отключен,
здесь барахлит аппаратура,
лет через двадцать что почем
узнает публика — ведь дура,
теперь такие фраера
ее кидают без напряжения,
что впору брать ей веера
и зад обмахивать варяга.
Воруй, вористый ангелок,
вористой пользуйся минутой,
поток пока не уволок
ее, как щепку в пене лютой.
Никто из нас не доживет,
быть может, до подобных премий,
но эту щепку дожует
ворующее правду время.

1997

СВЕЖИЕ НОВОСТИ

Ван Гог — ужасный человек,
и Гоголь — жуткий человек,
Э. По и О. Уайльд — кошмарны,
а Федор Д. — не описать!
Но в среду объявили новость,
что Пабло П. — гораздо хуже,
чем все мы думали, и даже
он хуже Сальвадора Д.
Мы доживем еще до лучших
времен, когда узнаем точно,
что Томас М. — большой поганец,
такой же, как Марина Ц.
и Осип М... И восхитимся:
«Подумать только! Вы слышали?
Вот это да! Облом с отпадом,
отпад с улетом, полный кайф!»
(Так далее и в том же духе,
на том же языке свежайшем,
а главное — уже свободном
сейчас, как прежде никогда!)
И сразу станет легче жить,
приливы сил начнутся вдруг,
народы за руки возьмутся,
друг друга резать прекратят,
и полетят послы навстречу
послам, чтоб славно обменяться
произведениями злодеев
обменом честным — всех на всех!

1997

В сером воздухе рассвета
первый катится трамвай,
листьев пламя льется с веток,
слышен дождь, собачий лай,
в подворотне свист погони —
чьи-то ноги с головой
растворяются на фоне
моросилки дождевой...
Почтальон звонит за дверью,
телефонят из Твери,
между дверью я и Тверью
пролетаю метра три,
журавля задев рукою
и сквозь утренний туман
отраженные рекою
жизни правду и обман.

1996

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Гляжу в тэлеящик: из задницы голой
орудие пытки торчит,
права человека не взяты Анголой,
а также другими на щит,
на фермера ночью напали садисты,
убили семью и свинью,
летят самолеты голландской редиски,
«колдую, гадаю, женю»,
господ господа вызывают на стрелку,
мертвец оживился, но пьян,
главе заместитель накакал в тарелку,
козе подарили баян,
таможня изъяла слона с крокодилом,
старик изнасиловал мать,
вагон изумрудов удрал с бригадиром —
его не успели поймать,
Ван Гога нашли у ефрейтора в койке,
картину вернули вдове,
курящий младенец лежал на помойке
и продан в страну или в две,
до полной стабильности — самая малость:
уж красок полно для волос!
Как мало еврея в России осталось,
как много жида развелось...
Ко мне воробей залетел из Кореи
в окно среди зимнего дня,
клюет из ладони, дрожа и робея,
он тоже, он тоже — родня, —
как мало в России осталось еврея,
как мало осталось меня...

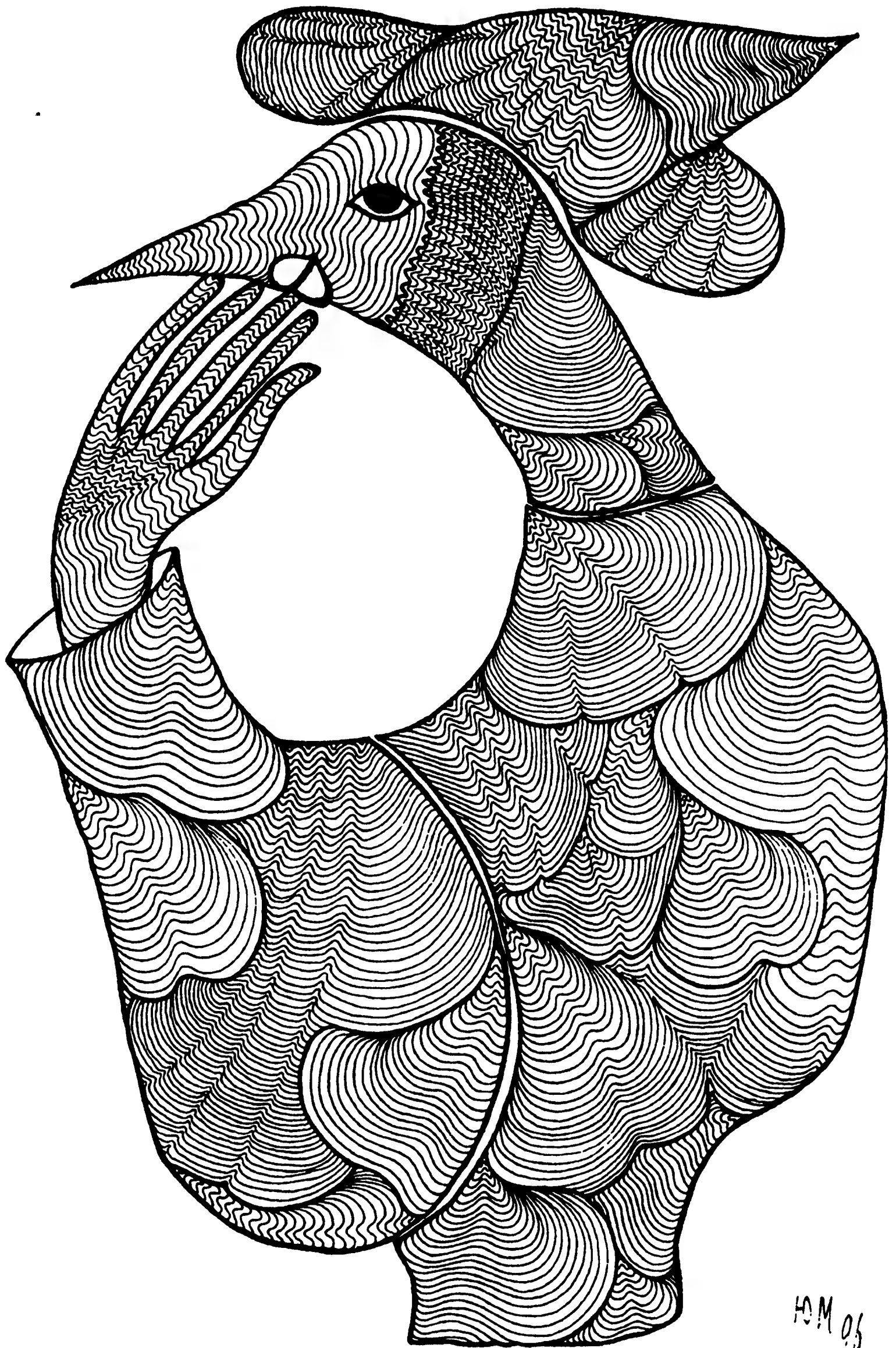
1995

СТАРИК И ДЕВА

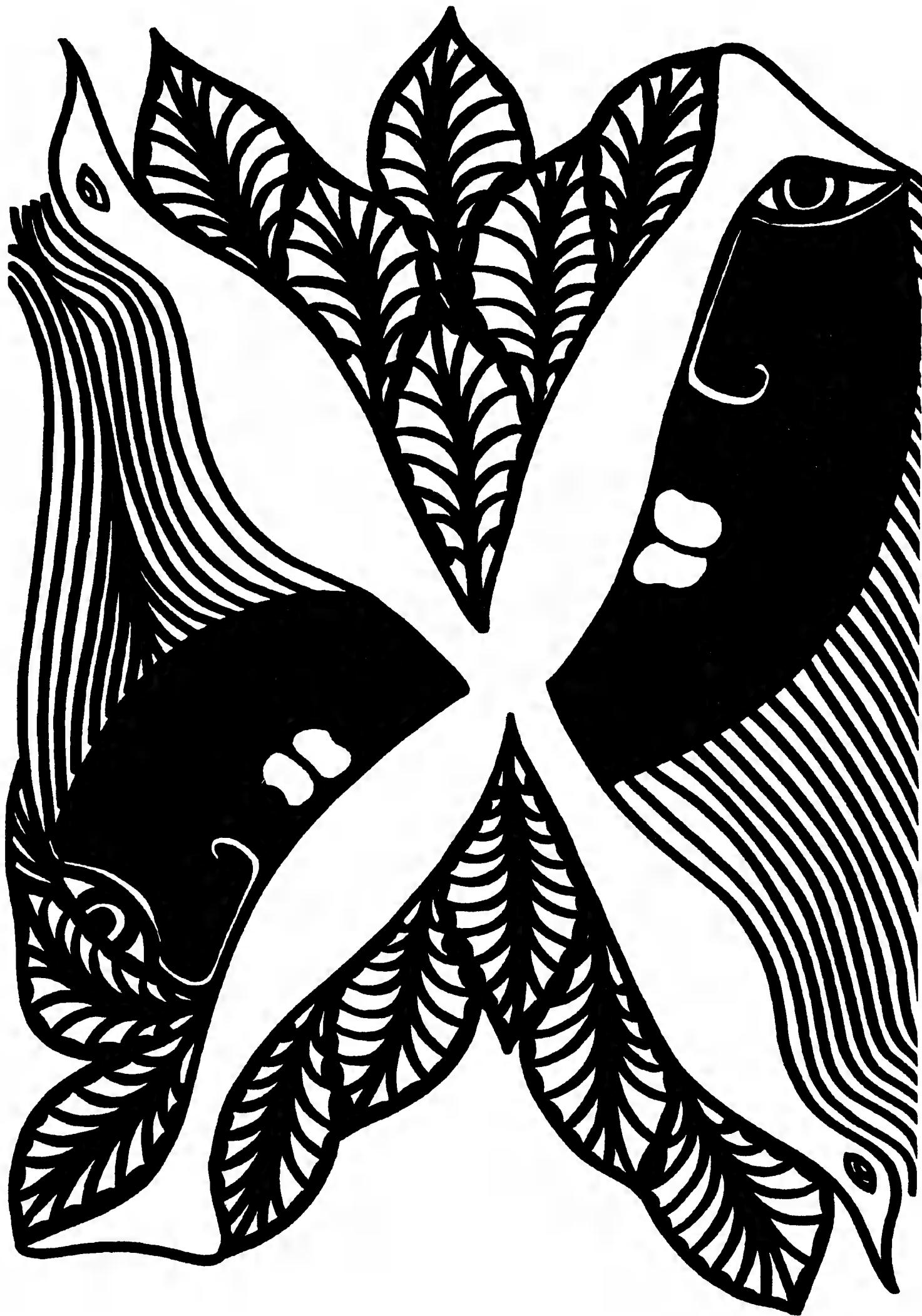
На покрывале шелковом старик
ласкает деву шелковую. Город
над ним смеется, но Господь велик
и любит всех, поскольку сам не молод
простор земли, загаженной весьма
и битвами растерзанной, однако
любовь к земле (пусть узкой, как тесьма)
не вызывает хохота... Собака
не знает, есть ли возраст таковой,
когда над ней смеются, что любима.
Лишь человек расчислил головой —
кому и сколько, непреодолимо
его не старость гробит, а черта,
которую легко пересекает
лишь гений, презирающий места
скопления мнений... Деву он ласкает
на покрывале шелковом, жасмин
его сверкает внутреннему взору.
Печально, что старухи царства Мин
смерть предпочтут подобному позору.

1996

Так много дней
среди теней
нездешней белизны,
среди огней,
где всех бедней
старьевщик новизны,
что по утрам,
по вечерам,
как ветер по дворам,
поет в проем:
«Старье берем!» —
и ловит новый хлам,
и свой улов
поверх голов
перебирает там,
где вечно свежей новизной
нам остается лишь сквозной
мотив — тирим-пам-пам,
ля-ля, тирим-пам-пам!..

1994

Дрожащие губы
и скрежет плаща —
друг другу не любы
мы больше. Прощай!

Огнем небосвода
изгублена нить.
Такая свобода,
что хочется выть.

Такое веселье,
что с пьяных колес,
как поезд в ущелье,
иду под откос.

Такие поминки,
что, Боже ты мой,
как будто мы оба
на снимке с каймой.

Неправедно, парень,
ты делишь ломоть:
верни мою душу,
возьми мою плоть!

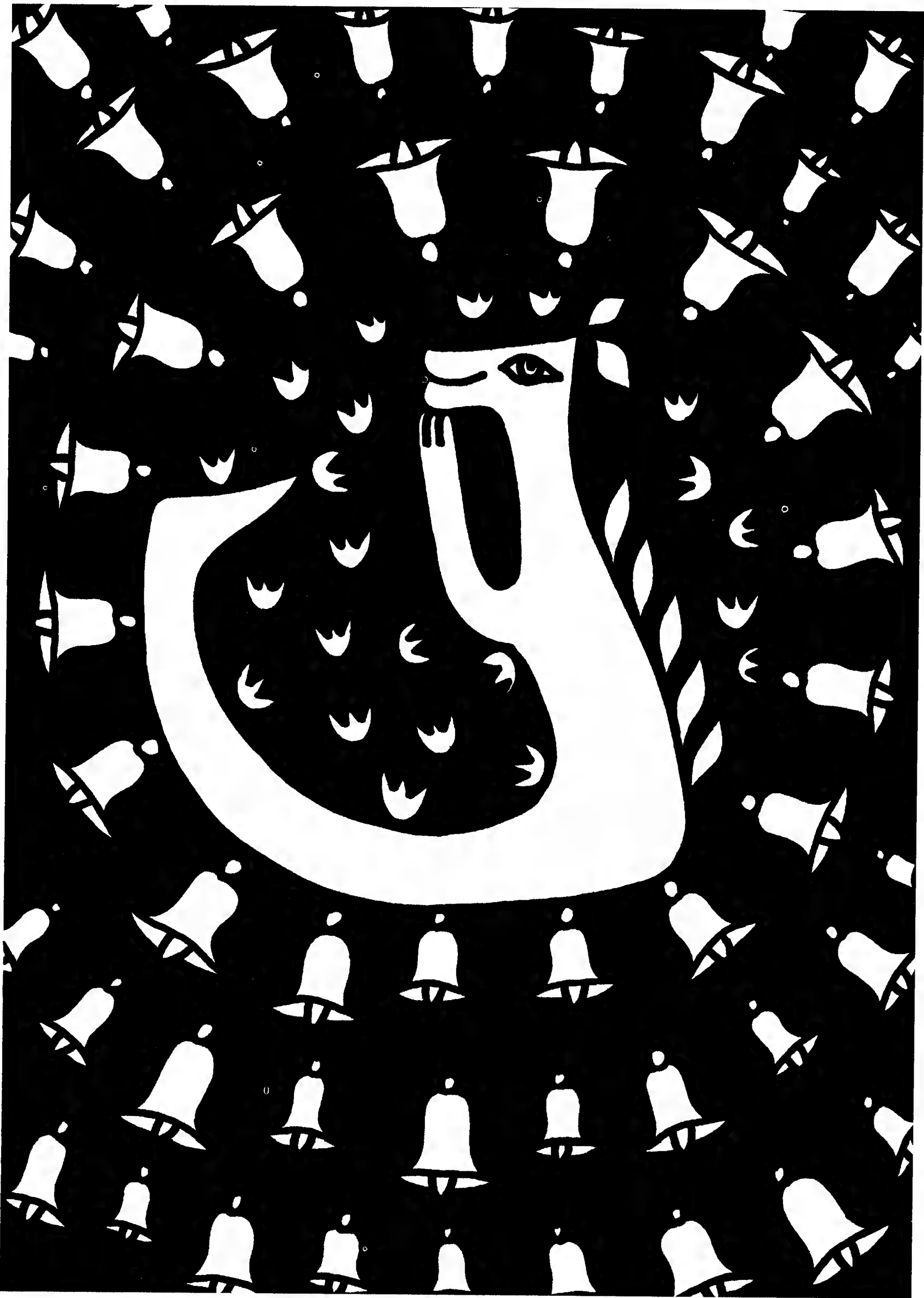
1991

ПИСЬМО

В Москве — сезон мероприятий,
раздача нищеты и благ,
концерт восторгов и проклятий,
орда голодная собак
и сытость пёсских людоедов —
у них мордасы белых крыс
(один, хозяйкой пообедав,
младенца на закуску сгрыз),
один художник растаможен
и возвращается сюда,
другой — как нож карманный сложен
и весь уедет навсегда,
в подъезде с револьвером киллер
свою с работы жертву ждет
и смотрит у вахтера триллер,
что в телеящике идет.
Вот катят вагонетки денег
для знатных старцев и старух,
чтоб не был среди них изменник,
имеющий небравый дух.
А я письмо — в морозный ящик,
железный жжется козырек,
на пальце — самый настоящий
обмороженья пузырек.
Получишь ты, моя отрада,
письмо в далекой стороне, —
не траться, не звони, не надо,
а лучше нацарапай мне —
хоть на обрывке ветра гулком
свою мелодию тоски
по рисовальнице с окурком,
чье сердце рвется на куски.

1996

...жил девятьсот лет,
 имел восемьсот жен,
 сорок тысяч детей,
 триста дворцов с прибамбасами,
 армию, флот, рабов,
 золота двести тонн,
 сто покоренных племен,
 шпионов один миллион,
 наложниц один миллион —
 и одну распутную девку.

К столетнему сопляку
 попал он однажды в плен,
 лишился племен, рабов,
 армии, флота, золота,
 трехсот дворцов с прибамбасами,
 верблюдов с боеприпасами,
 был проклят детьми и женами,
 друзьями и приближенными,
 наложницами, шпионами,
 верными прежде массаами,
 но — не распутной девкой.

Когда же он стал гоним,
 она побрела за ним —
 безо всякого там говоренья,
 отставая шагов на десять,
 напевая какую-то глупость,
 собирая цветы, коренья,
 травы, плоды, колючки,
 не оглядываясь назад —
 на триста дворцов с прибамбасами,
 на родину с кипарисами...
 Ну что с нее взять, с debilки,
 с этой распутной девки
 с птичкой на макушке,
 с бабочкой на затылке?..

1996

* * *

Поэзию большого стиля
шмонают все кому не лень, —
ей контрабанду не простили
великолепья в черный день.

Но пуще славы и простора,
что весь увит ее плющом, —
ей не простили вход, который
для посторонних воспрещен.

Уже и Гитлера простили
и по убитым не грустят.
Поэзию большого стиля
посмертно, может быть, простят —

за то, что не тому дала,
когда давалкою была.

1997

ЛОГОТИП

Я знаю, знаю этот логотип,
когда боксер боксеру перед боем
орет и лыбится: «Покойник! Ты — покойник!
Ты — мясо!.. Вот я сделаю тебя!»
В таких я случаях копмарен, как покойник,
гляжу поверх и сквозь. Один удар
я шлю, сплясав обманный танец битвы,
всего один — в обманной пляске нервов,
и тут победа наступает быстро.
Ведь он же сам сказал, что я — покойник,
и наделил потусторонней силой,
покойнику не страшно ничего,
но сам он страшен... Тут имеет место
черта, которую лишь надо преступить
во имя истины «В начале было Слово»,
и, преступив черту, содеять нечто,
покойнику известное. Ежу
понятно, что слова имеют свойство
вселяться и вселять, мы — во Вселенной.
Используй это, если вдруг услышишь
когда-нибудь «Покойник! Ты — покойник!»
в свой адрес от кого-то. Вот и все.

1997

АНТИЧНЫЙ КОТ

Старинный стол, старинный стул,
старинные часы,
передо мной лежит Катулл
невиданной красы.

Диван старинный у окна,
античный кот в усах,
висит античная луна
в античных небесах.

Кота старинные очки
сверкают на носу,
ему античные бычки
в томате я несу,

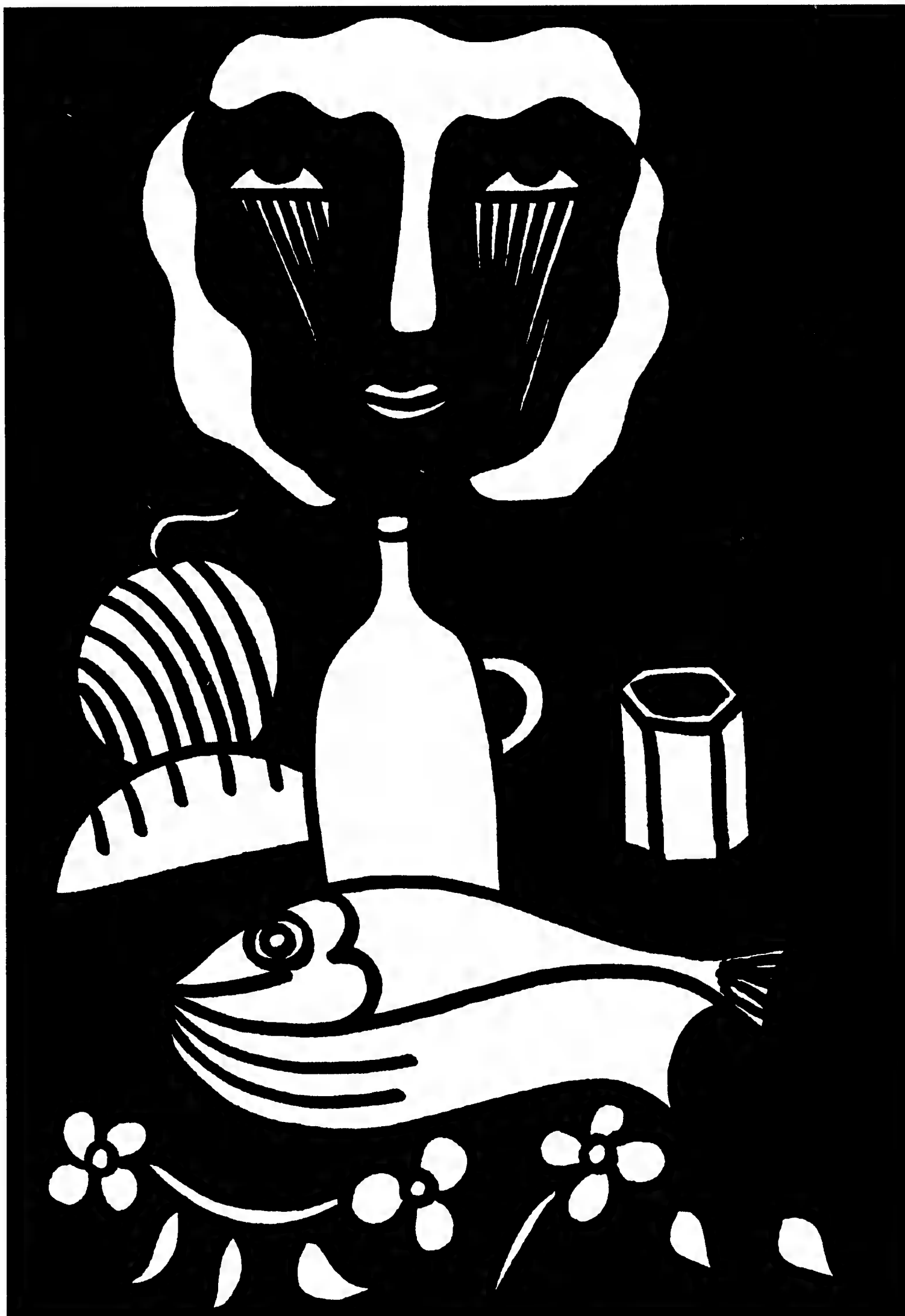
картошка дышит стариной,
над ней старинный пар —
такой вот ужин неземной
мне продал антиквар.

Но говорю я: «Ах, ты черт! —
античному коту. —
Опять на кухне кран течет
и брызжет на плиту.

Конечно, я — большой аскет,
но есть всему предел!
Вот позову котов букет
я для старинных дел!»

А кот античный говорит
мне в духе старины:
«Пускай огнем оно горит,
уедем из страны!

Дерьмом тут скоро будет течь
любой на свете кран,
а на земле, о том и речь,
так много дивных стран!..»

И, вспомнив, на каком пиру
и кто тут правит бал,
старинный чемодан беру
и кран — чтоб он пропал!!!

«Холера! — говорю коту. —
Хлеб захвати ржаной».
«Валера! — говорю. — Катулл!
Поехали со мной!»

А он: «Совсем сошла с ума!
Уедешь, а потом
стихи твои же задарма
воткнут в античный том.

Уж я с других взираю сфер,
а ты бери свое!»
И так ведь задарма, Валер,
кругом — одно ворьё,

свинья под дубом вековым,
скоты! Да ну их на...
Из лап их вырваться живым —
вот счастье, старина!

Жизнь драгоценная моя
дороже всех наград,
включая должность соловья
на фабрике рулад.

...Старинный снег, старинный лед,
старинный табачок.
Уж мы пойдем, античный кот,
в античный кабачок!

1997

С МОЛНИЕЙ МЕЖ ЛОПАТОК

Памяти Раисы Максимилиановны Немчинской

Малюсенькая воздушная акробатка
носила грим из японских глаз.
Младенческая кроватка
была бы ей в самый раз.

Пахло в ее цирковом вагончике
слонами, тиграми — кем хотите,
и во весь подоконник светились флакончики
с благовоньями Нефертити.

Она работала кометой Галлея,
то есть без лонжи — как все кометы,
полагая, что так она будет целее,
чем другие летающие предметы.

На ней была серебристая маечка
с молнией меж лопаток.
Огромный атлет говорил ей: «Раечка,
моя девочка!..» Шел ей седьмой десяток.

Малюсенькая воздушная акробатка
становилась к нему спиной,
он расстегивал молнию, тяжело и сладко
вдыхая, как слон надувной.

Они шутили так весело, она шепелявила,
он блески снимал у нее с переносицы.
...Однажды ее на лету расплавало
то, что легче всего на лету переносится.

1996

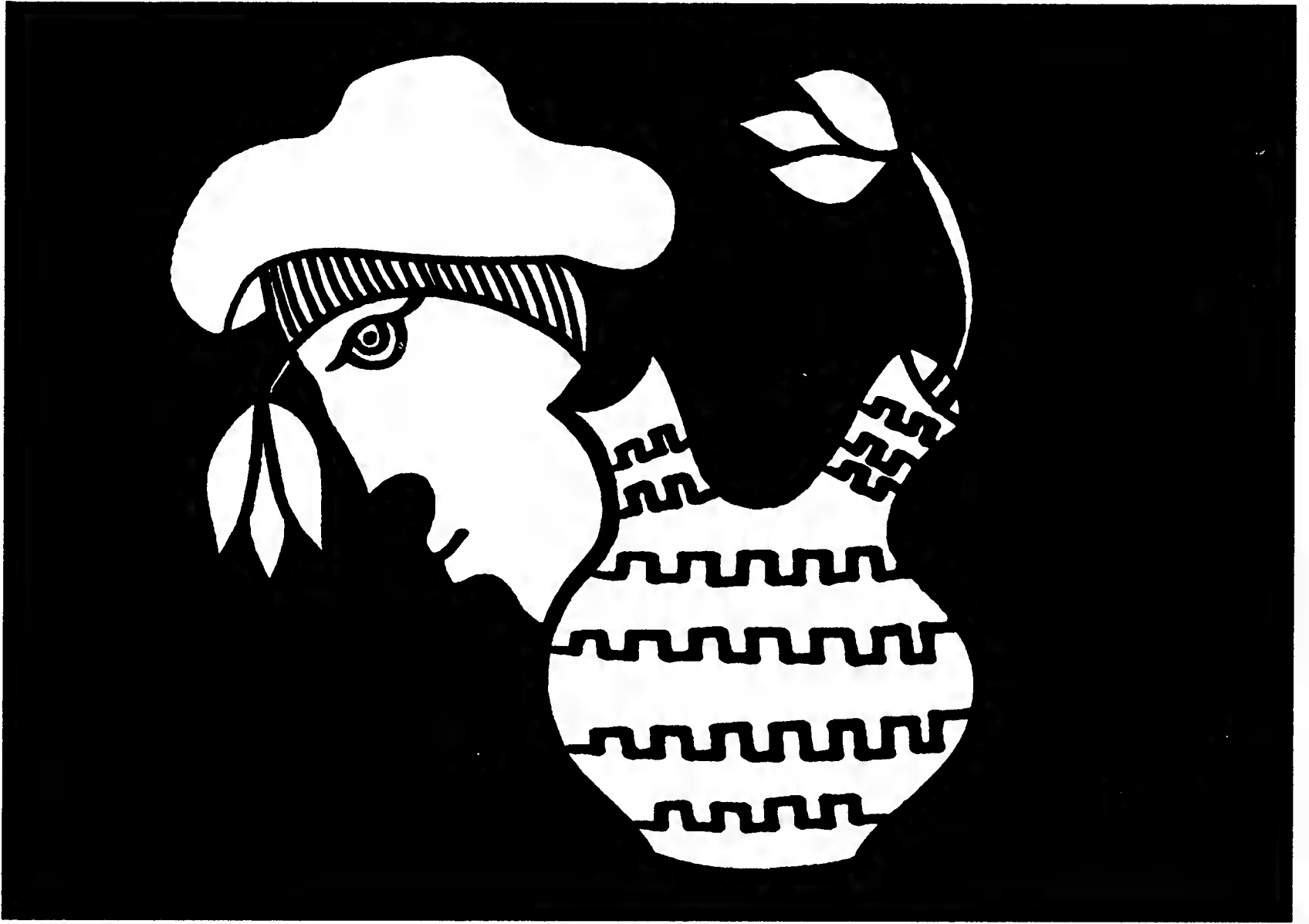
10M

Сегодня или никогда
мы встретимся случайно в баре,
где слуги вместе пьют и баре
литературного труда,
весьма паршивая еда,
и варят кофе в самоваре —
так при Хайяме, при Омаре
не поступали никогда!

Бывало, в древние года
такие люди здесь хромали,
такие трескались эмали, —
питалась *та еще* среда,
среди которой борода
была одеждой, вроде шали,
ей даже валенки мешали,
в нее домой бралась еда!
Но в поступательном кошмаре
все рассосалось без следа.

Теперь там — безупречность льда,
и устриц писк, и трали-вали
всемирно знаменитой швали,
она крошится, как слюда, —
весь мир крошится, как слюда!..
Сегодня или никогда
мы встретимся случайно в паре
случайных слов. И на бульваре,
потом, когда всплывет звезда
у Господа в хрустальном шаре,
улыбка будет молода.

1996

В небо гляжу по утрам —
серая мгла моросит,
туча, как тряпка, висит,
галка орёт...

Яблок возьму килограмм,
хлеба возьму я кирпич,
надо бы челку подстричь
лет на пятнадцать вперед.

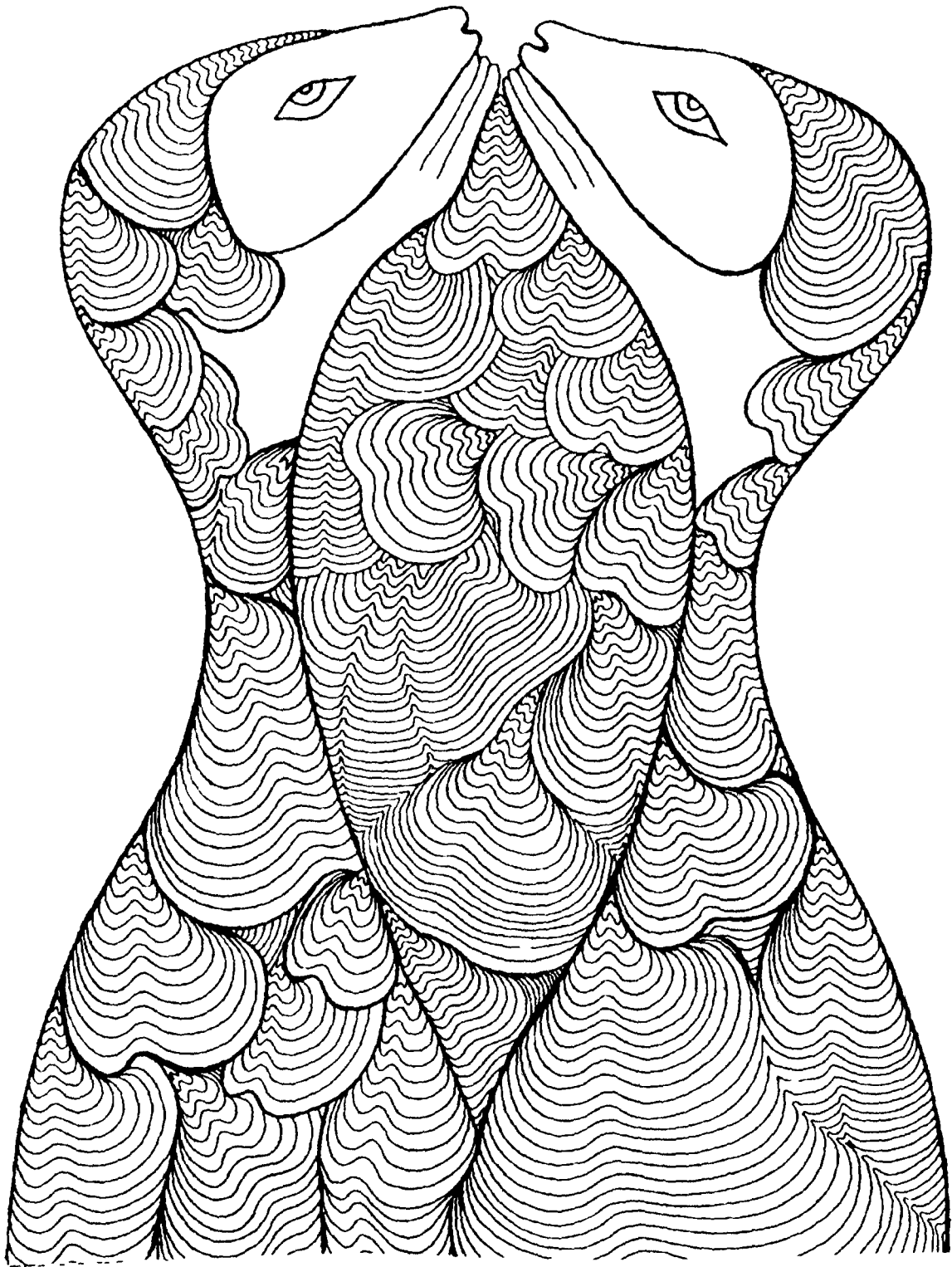
Пони в мой лезет карман,
ключ достает от дверей,
чтобы открыть поскорей
ящик с письмом —
я закрутила роман,
ждет меня в Африке слон,
трон, балдахин и тюбан,
ужин с послом.

Буду я долго лететь,
плыть и бежать в этот край,
бросив сырой наш сарай
утром дождливым.

Думаю, надо бы впредь
слоников не обижать.

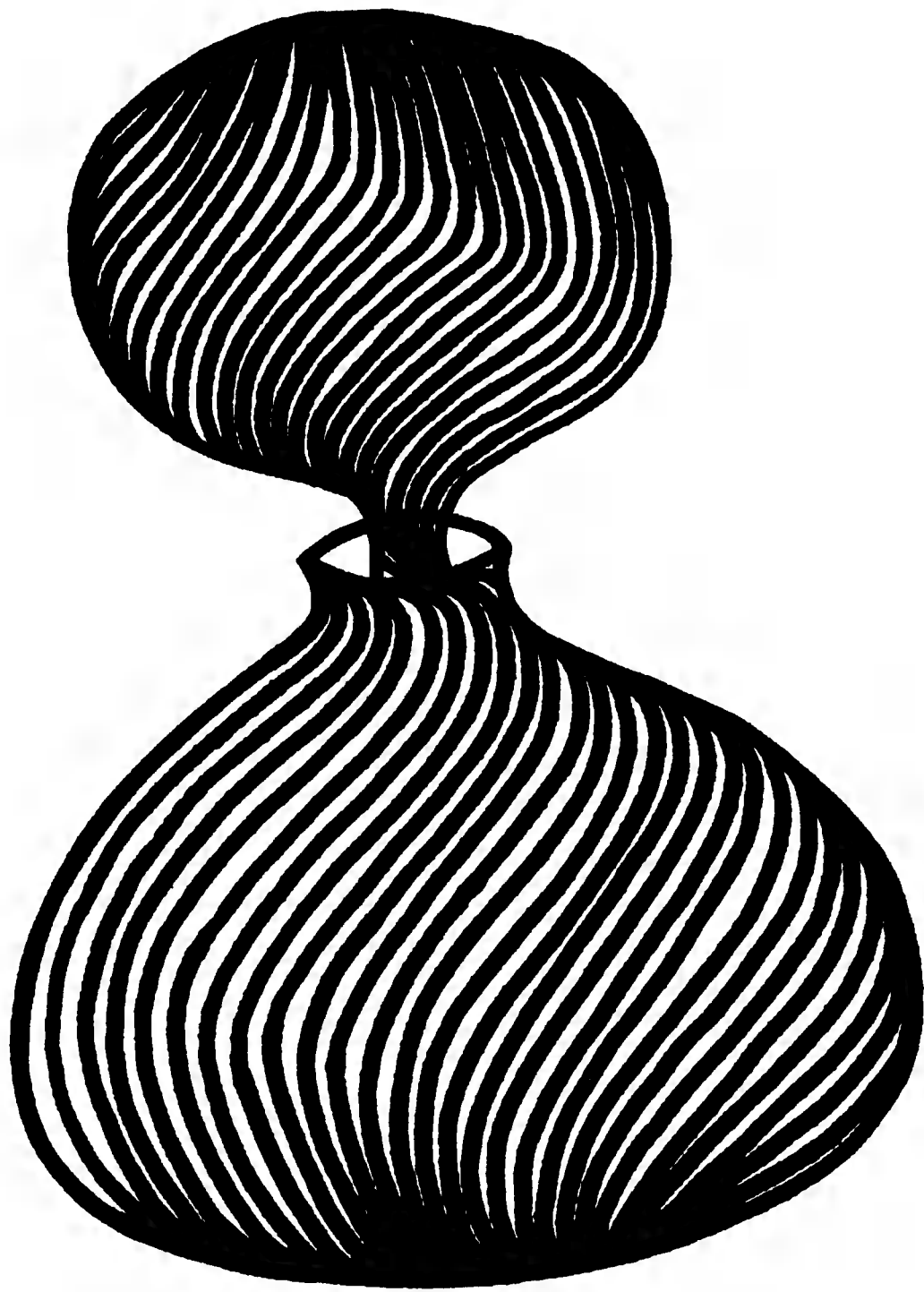
Слоника там я рожу —
будет счастливым!..

1997

Бу и Гря

DM
98

* * *

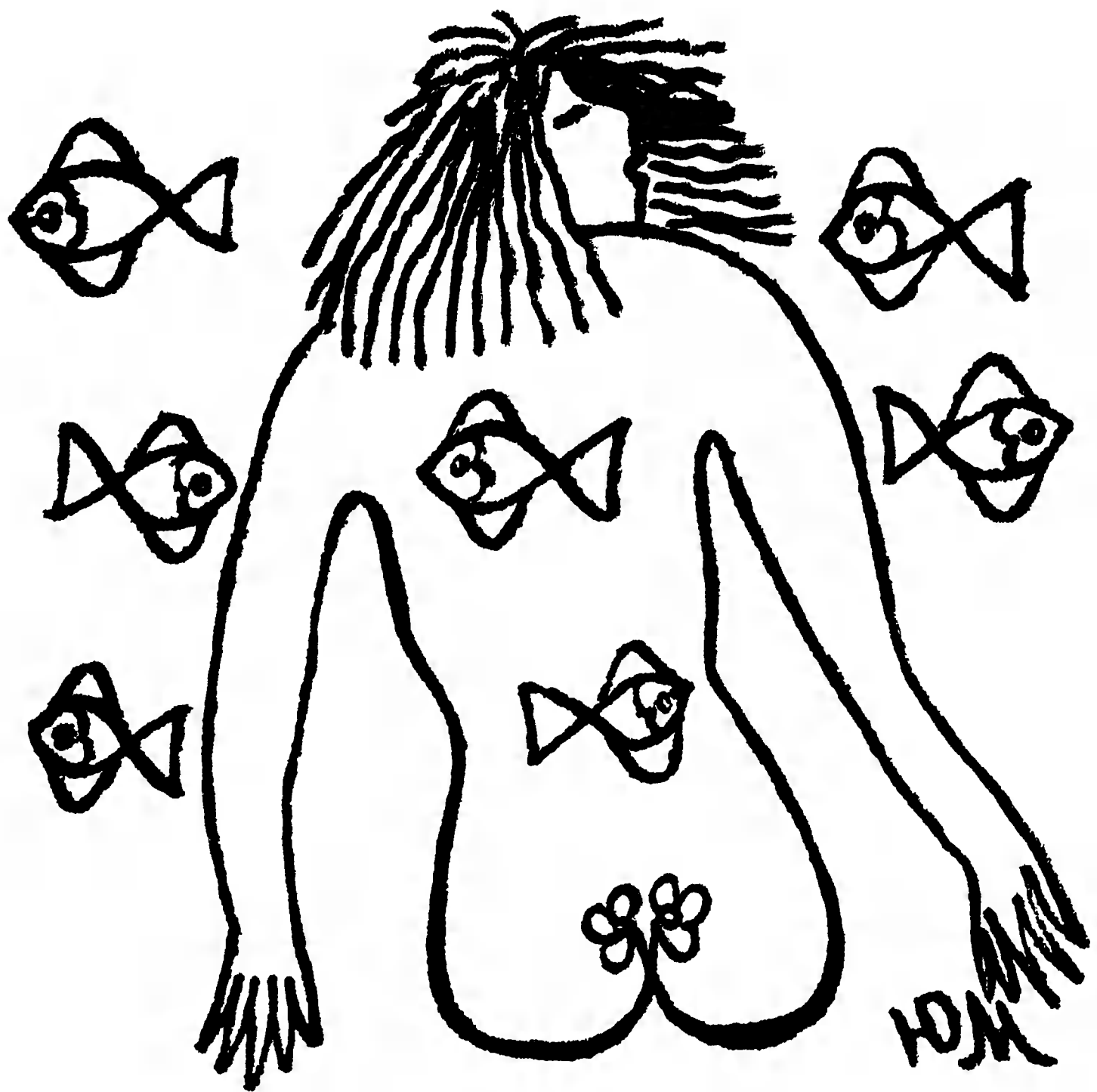
Снег пролетел, пролетела птица,
пролетело мгновение ока.

Я не такая тупица,
чтоб не понять намёка.

В нижние глядя дворы,
вижу ходьбу истории, —
с ведрами крови идут маляры
освежать забор территории.

Зима — это место ссылки Овидия,
где жалобы в ящик летят ледяной...
Как же давно я моря не видела,
а была ведь его любимой женой.

1995

Какое счастье — в воду лечь,
и превратиться в рыбку,
и с боку на бок перетечь
в дурацкую улыбку!..
Идет рассвет — гаситель свеч
и снов. Прервав молчанье,
нигдешность обретает речь
и музыки мычанье.
— Вы где сегодня?..
— А нигде.
Места моих присутствий —
в Нигдешности и в Никуде,
в расцвете и распутстве
садов нигдешных, в них — о, да! —
нигдешние созданья.
Вездешность — не моя среда,
простите, обитанья:
там трутся маски о крыльцо
и ловят воздух ртом.
А у меня — везде лицо,
и голое при том.

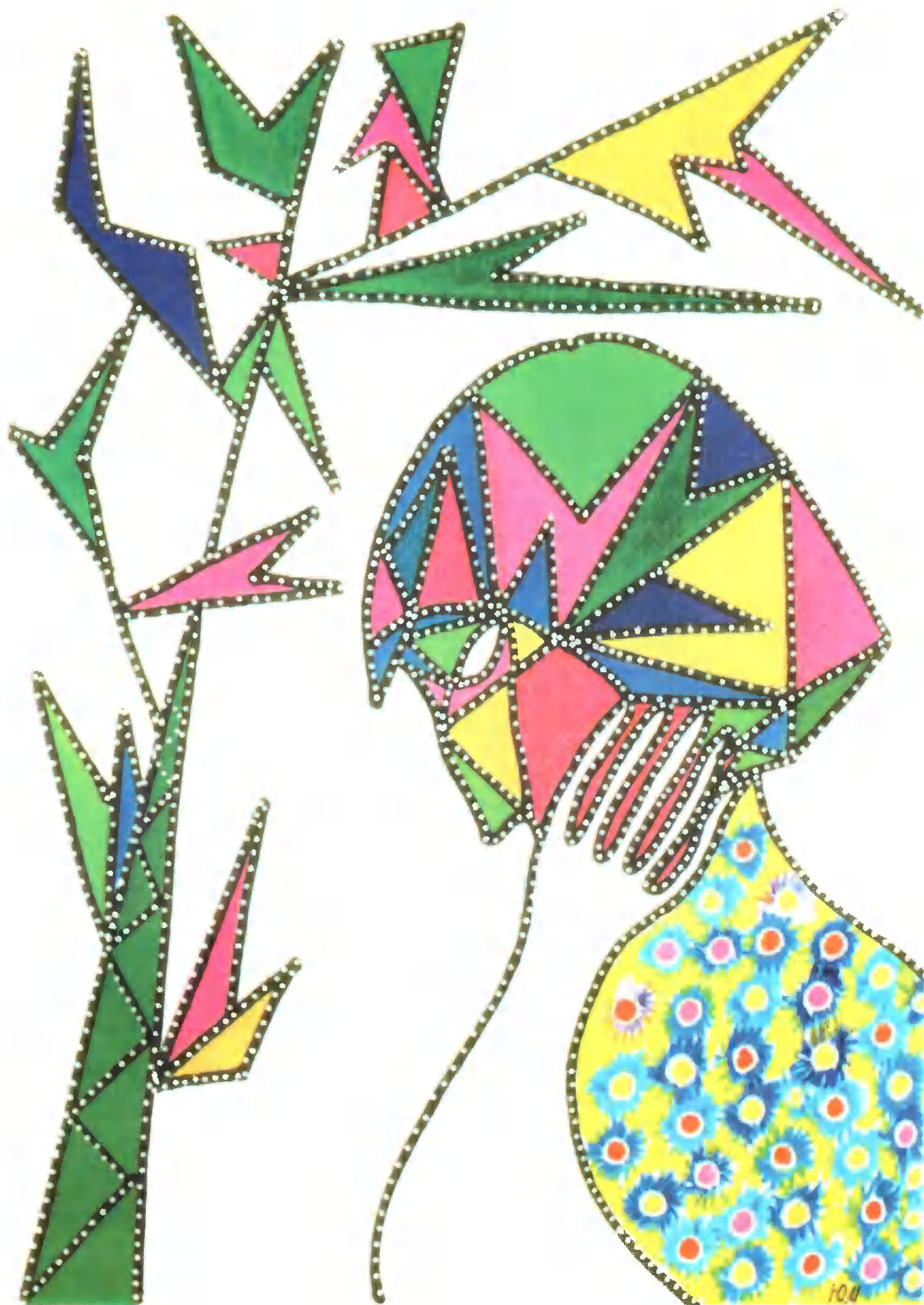
1995

СПЯЩАЯ ПТИЦА

На эти звезды плыть, читая книгу света
в пустыне водяной, шатаемой волной,
на мачте птица спит, в ее головке спето
три лета, три весны, глаза под пеленой
так закатились вглубь, зашли в такие выси,
что, если бы не дрожь сердечка, боже мой,
кто знал бы, что жива не в переносном смысле,
не в писанине слов, не в бликах за кормой
сознания, где в слезах и в разноцветных блестках
волнуется простор, извилистый как мозг, —
спи, маленькая, спи в соленых крыльях жестких,
их делал не Дедал, и держит их не воск,
их невозможно снять, от них не оторваться —
хоть мясом станет плоть и, поднабрав пера,
дикарка и дикарь костюмы резерваций
начнут производить, а также веера, —
спи, маленькая, спи, твой путь так страшно долог,
в причинности твоей нет мусора обид,
ты светишься насквозь — как птица и осколок
цветного витража, в котором птица спит.
И там, где нет времен, твое перо искрится
в летящих зеркалах неисчислимых лун,
мы все туда плывем — зеркально повториться,
как тени на воде, как тени тайных струн,
спи, маленькая, спи на мачте, на сосновой,
держись за карандаш из хвойного бревна,
у ветра он в руках, он ветра стал основой,
расписывая путь, где я тебе равна.

1996

* * *

Синий снег,
зеленая луна,
черная ограда —
цветы из чугуна.

Господи, не надо
чудовищных друзей,
чья преданность — как подвиг
и подвигов музей.

Я не хочу их подвигов собранью
принадлежать!..
Я так невелика,
что предпочту лежать
в горшке с геранью —
в земле, достаточной для одного цветка.

1996

КАФКАЗ

Какой там у Кафки — кафказ?..
Кафказ — это наши кафказы,
кафказменной жизни оргазмы,
кафказней кафказменных спазмы,
где кафкает казней показ.

У Кафки кафказ — как наркоз,
в сравнении с нашим кафказом,
он просто мозгов перекося
под гения творческим газом,

он весь обезболен в аду
кафказменных казней, терзаний,
которые в нас и войдут
кафказом его предсказаний.

Кафказ подо мною... О, Франц,
кафказно лицо твоё, Кафка, —
но здесь у нас кафкает кран
кровавый, и страшная давка,

и кафкает жизни кафказм,
и наши кафказменны лица, —
о том, чтобы эта кафказнь
откафкала, надо молиться.

1994

НОЧЬ ВЕТРА

Лопнули провода, воет железо, жечь,
двери, как звери, рванули прочь, треснули фонари,
свет прекратился и с ним вода, что за погода, хочется есть,
нет электричества, свечку бери — яйца на ней вари.
Сандали скрипят о воздушный трап,
ветер не слаб и вселенский храп.
Дунуло, плюнуло, понеслось, тряпки дорог — на рог
ярости, выброс утробных пен,
жалость угробил побег с колен,
всякую жалость угробил план
ветра, которому смертный вздрог —
всего лишь упадок стен,
сандали скрипят о воздушный трап,
ветер не слаб и вселенский храп
вывернутых болтов, балок, балконов, блуз,
всех не высадишь на Луну, требуется дев. на раб. —
вот я и требуюсь, мне везет, ночному цветку сумасшедших муз,
сандали скрипят о воздушный трап,
ветер не слаб и вселенский храп.

1995

Уксус винный, флакон гранёный,
авокадо скользкие гнезда,
в испарине за колонной
плакатно кривляются звезды,

их гримированный пот
пахнет раздачей слонов,
пороховая бочка —
этим запахом движется весь пароход,
в смысле пороха — весь он и есть пароход,
славная будет ночка,

пороходство до лучших в маразме дней,
до такой жизнерадостной пороходимости,
что потоп становится все сильнее
вещью первой необходимости.

Спи, голубка, почтарка, вестница,
хватит дымом глаза терзать, —
хорошо бы повеситься
на три месяца,
чтобы с куревом завязать.

1994

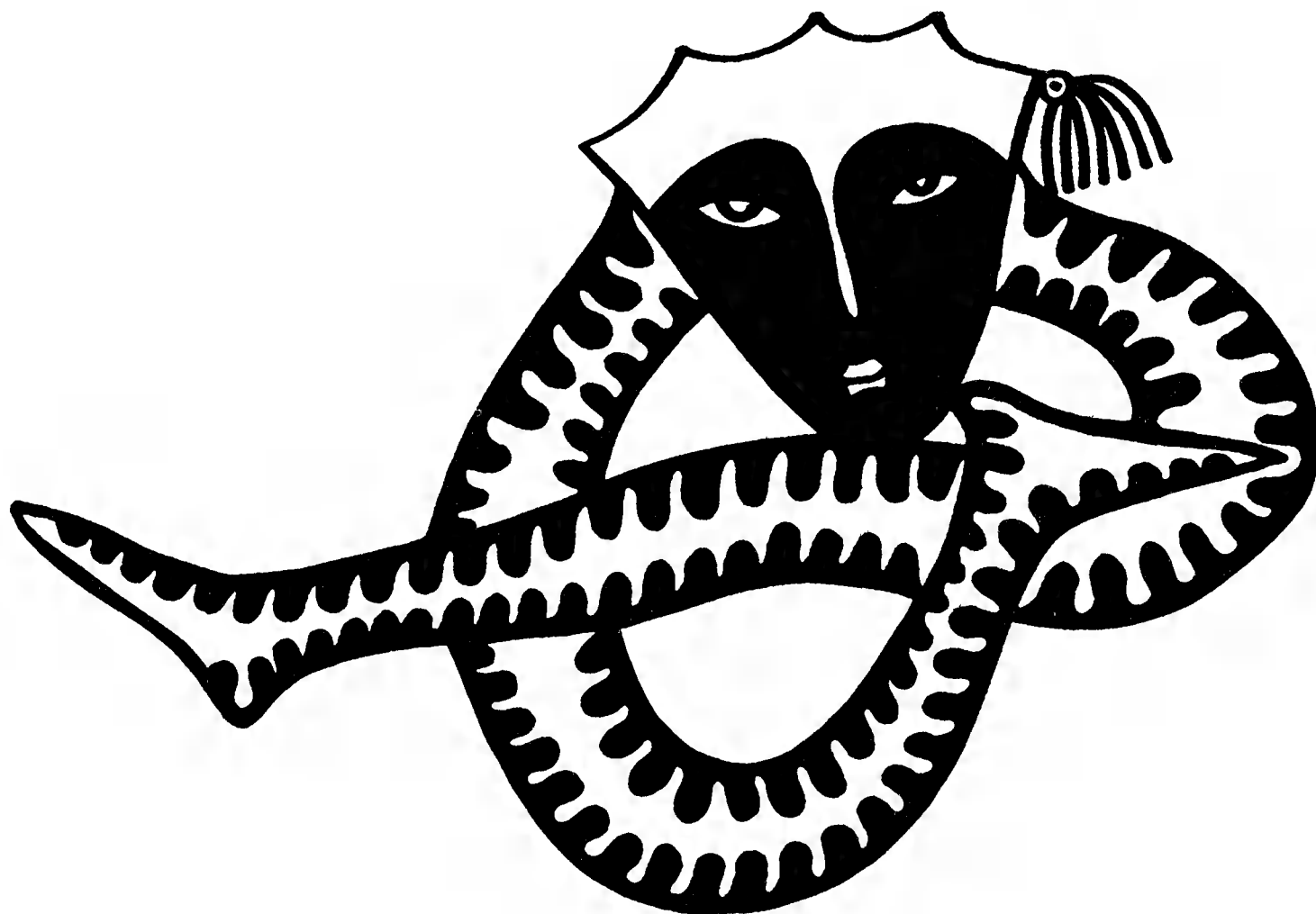
ВТОРНИК

Народ по улице идет, как по канату,
под снегом — лед, круглей опавших яблок.
Вот гражданин, подобно самокату,
промчался мимо и свалился на бок,

бедро сломалось, едет он в палату
лежать с мечтой — как всунуть ногу в тапок?..
А день так свеж, и Лунную сонату
в училище играет пара лапок,

и где еще гармонию отыщем,
как не вокруг, не здесь, не в эти миги,
когда такие переломы, сдвиги,
расцвет религий и презренья к нищим,
и плюс к тому вакансия шута —
она опасна, если не пуста.

1994

HO M
99

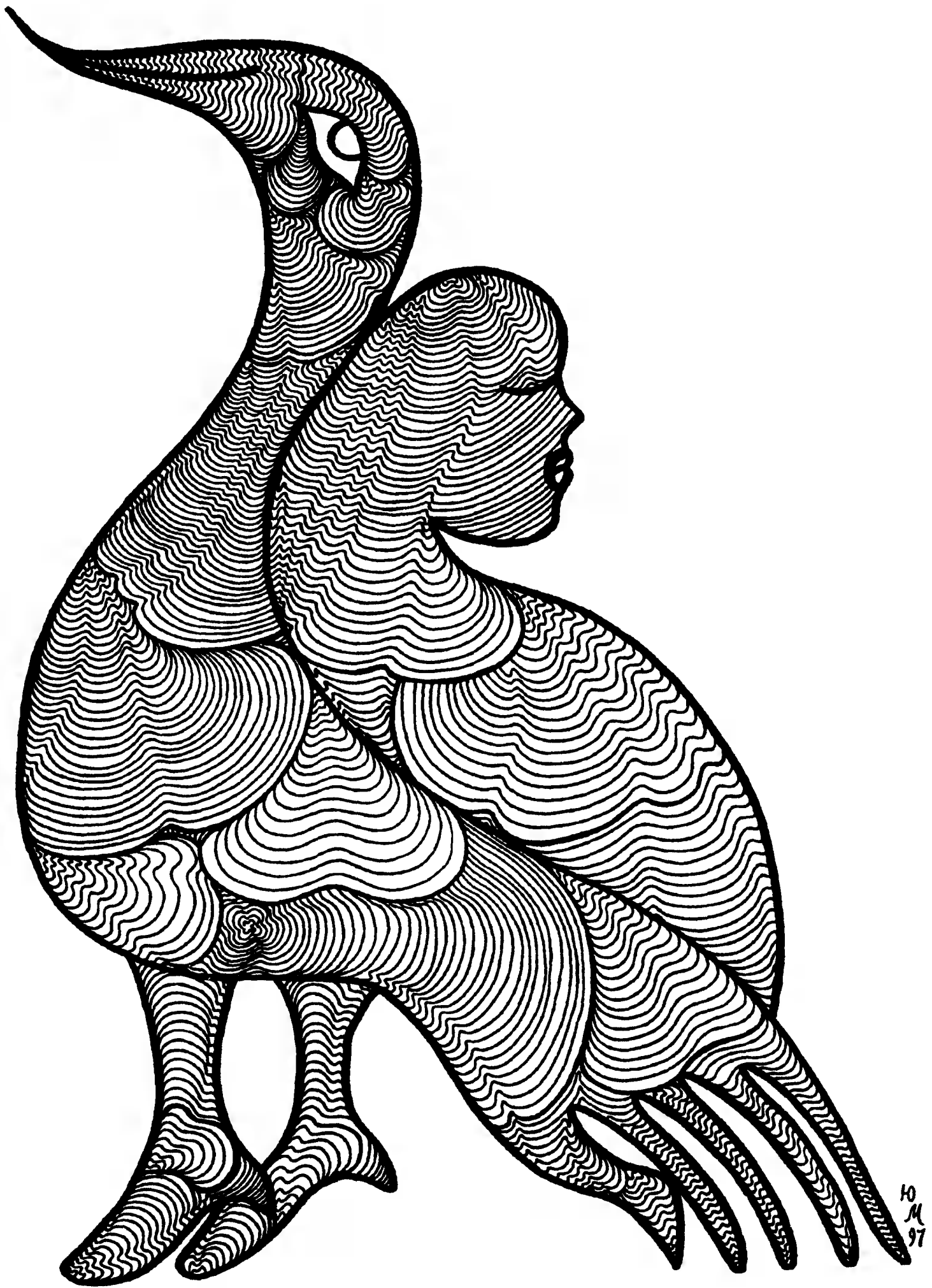
ПИСЬМО

Стужа теперь такая, что стала прозрачной птица,
сидя на голой ветке в голом прозрачном льду.
Тем, кто еще не имеет, предлагают поторопиться
и поймать непременно в новом году
со склада в Москве, возможны большие скидки,
о результатах розыгрыша узнаете в тот же день,
абсолютно мощный колдун, молодильные яблоки, яйца, напитки,
а также сигнализация — чтоб не украли тень.

Мебель имеет ножки, двери имеют ручки,
стены имеют уши, а ноги растут из ушей
у многих весьма прелестниц, чьи юбки, трусы и штучки
спасают стихи от засухи, увы, мозговых траншей,
имеющих место быть в районе победы пирровой...
организация срочно купит здоровый иммунитет,
требуется: вечная молодость, квартиры с пятью сортирами,
мозги эмбриона, плиточник, секретарша — желат. бездет.,
переводчик-водопроводчик, оптимизаторские эмоции,
переписка с вампиром (эротика ротика, пол и характер в гробу), —
продается: веер, Вермеер, конвейер, старинные лоции,
руководство по выживанию и надежды на светлое бу...

Я бы купила глобус, крупный, старинный, в обруче,
он жил бы со мною рядом, ходил бы вокруг оси,
точка на нем плыла бы — далёкость твоя и облачки
моей тоски, улыбающейся... Радость моя, носи
с легкостью, с наслаждением отвагу свою и робость,
тайну и ветер странствий в гриве, густой как свет, —
я, прозрачная птица, на ветке вмерзаю в глобус,
который бы я купила, да воздуха здесь уж нет.

1995

На всю глубину морскую,
на последней из тысяч миль —
я так по тебе тоскую,
что вытираю пыль.

Льются из рук предметы,
бьющиеся о дно,
боюсь тебя, как кометы
боялось дитя одно,

а я карманными там фонариками
светила во все места,
где в небе вращала шариками
страшная красота,

страшное наслаждение
было из моря рыб
видеть ее рождение
в облаке на разрыв,

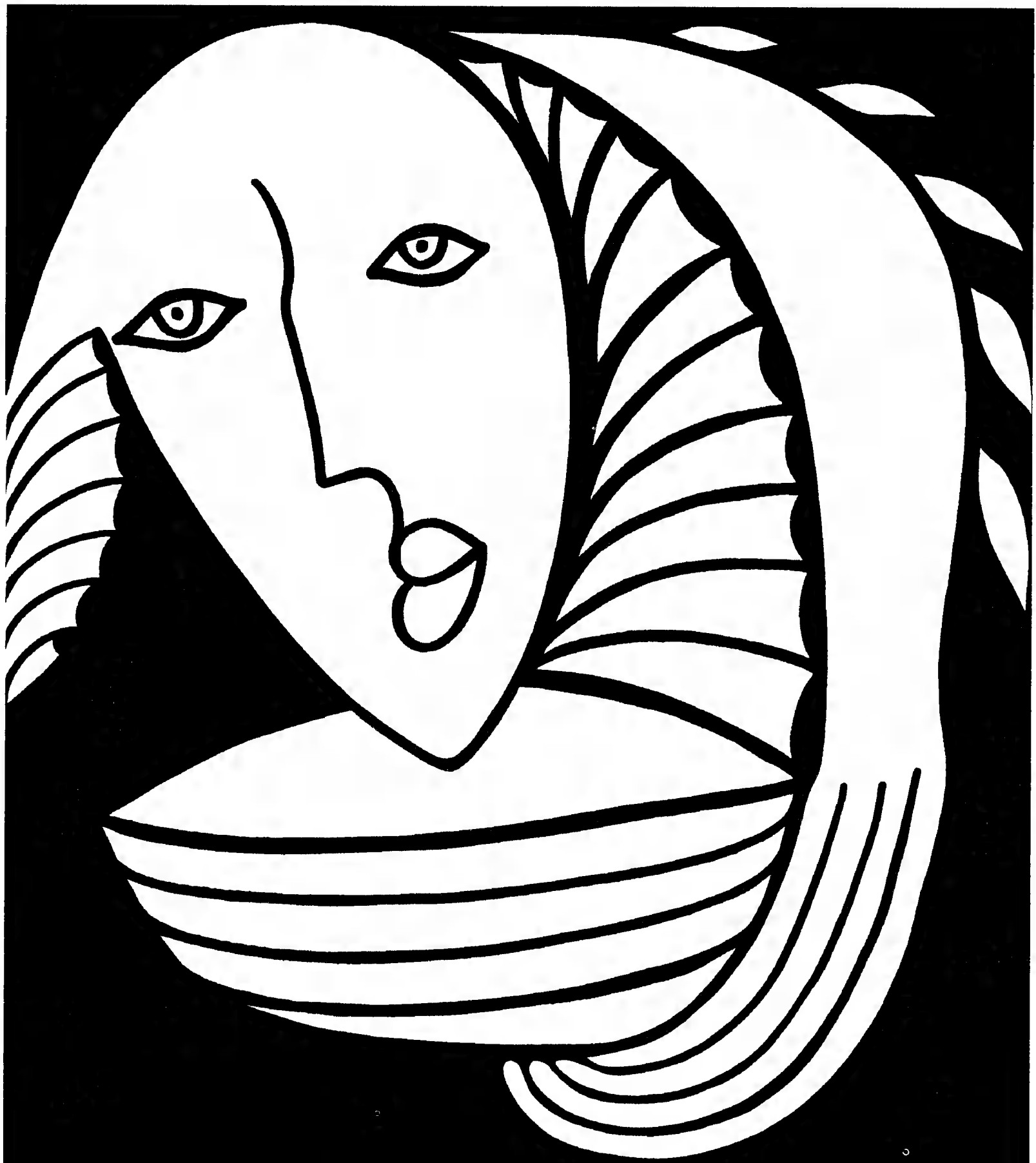
страшная там платанами
овладевала дрожь,
когда огненными фонтанами
лился там звездный дождь, —

я плохо на этот случай
загадала просвет в судьбе,
у других получилось лучше —
больше думали о себе.

На всю глубину морскую,
на последней из тысяч миль —
я так по тебе тоскую,
что превращаюсь в пыль,

в коралловый дна осадок,
в коралловый корм кусту,
в этих костей и складок
страшную красоту.

1995

Толкающая лодки

ЮМ

ПРО НОГУ, КОТОРАЯ ХОДИТ В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Иду, иду, и думаю, идумаю, в сандалиях идумаю во сне
по золотому нежному песку, где роза Зверева лежит —
вся роза, чайности необычайной,
и весь он пишет розу и песок под розой, мимо
я вся идумаю с улыбкой и в панаме из, кажется, капустного
листа...

Три разбудильника визжат, и телефон, и двери с почтальоном.

Ломка ритма, ритмоломка это делает, ломка сердца —
ломом в рёбра, просыпаюсь, вылетаю отовсюду,
а кругом — ходят в ногу со временем, на особенной Ноге,
надо отрицать, для каждого времени — новая Нога,
от старой отрубился — новая растёт, видит ногу времени
и ходит с ней в ногу, и нога времени видит эту Ногу,
эту временогу, видит временога много временог, а я — без!..

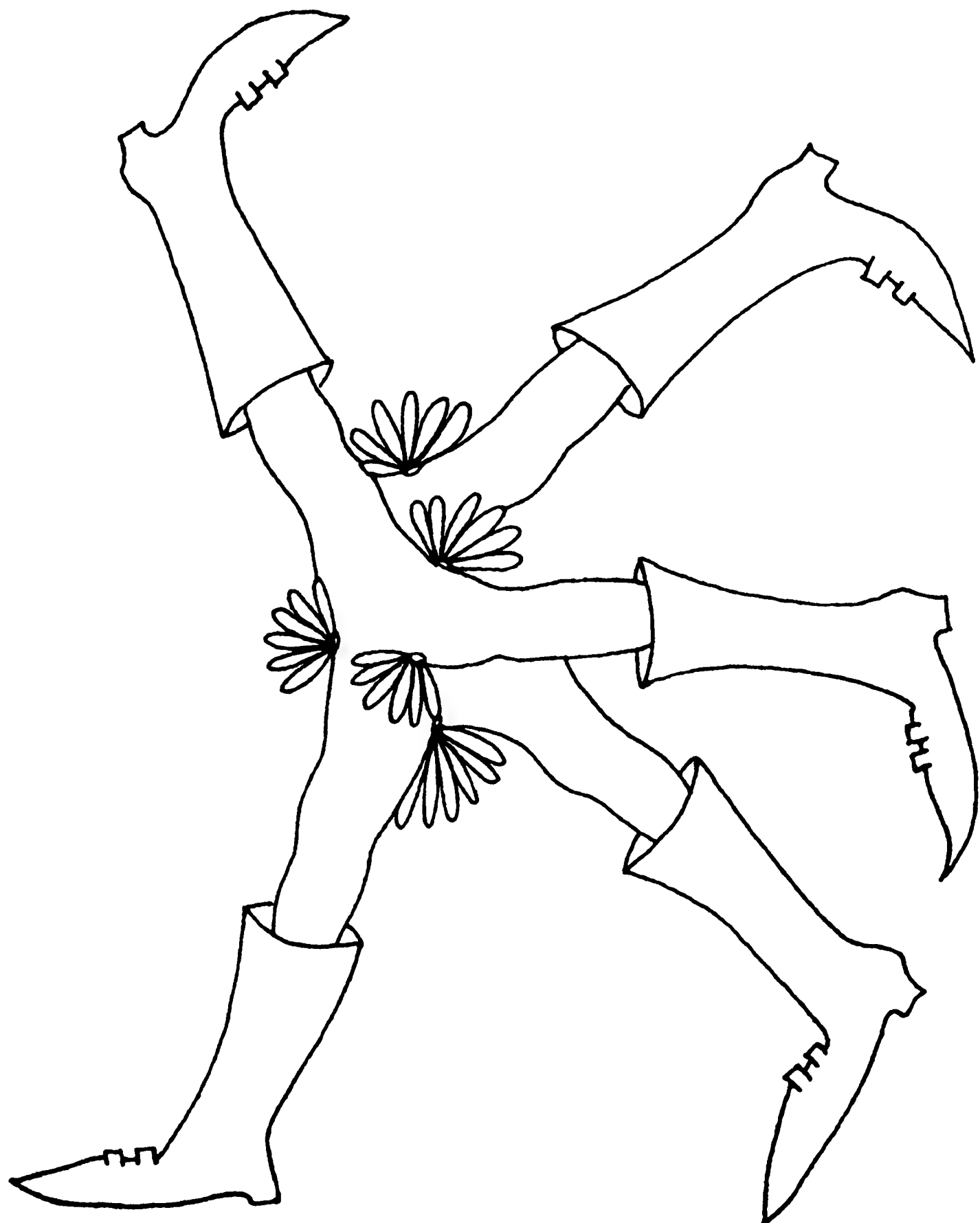
Сижу, отрицаю номер тридцать восемь с высоким подъемом.

Вот она уже стоит,
вот она уже идет,
вот она уже летит,
выступает, как балет,
получает бриллиант,
возвращается в отель,
засыпает на боку —
и разбивается во сне,

где я в сандалиях идумаю по нежному песку, а время испесочилось,
на э т о м песке лежит вся роза — чайности необычайной, мимо
идумаю отчайности в слезах, в отчайности слезах — если хотите.

Просыпаюсь, где видят глаза на спине, что мальчик вернулся
и дверь открывает Ногой, которая ходит в ногу со временем,
до этого он от пяти отрубился — такой временогий,
идумаю мимо, идумаю, вся улыбаясь ему по дороге в купальню,
божественный мальчик, такой изумительный, весь драгоценный, —
и возле воды высыпаю песок из сандалий.

1995

Тише, тише, язычок — мой приятель,
ты распущен — я не в маске, как другие,
рот захлопнем на крючок, поглядим-ка
в от мороженные глазки чародеев.
Алле-оп, аплодисмент, зайцы в шляпе,
фокус-покус, карты-фарты, везуха —
гляньте сбоку-с, там пнырялы по карманам
грабят граждан в тот момент ненаглядный,
когда птичка вылетает из уха,
остальное — сила духа, поскольку
человек рожден для счастья, как птица
для полета, язычок мой, для полета,
а зачем это птичке для полета —
лично ей — такая гадость, как деньги, —
вроде птичьего помёта на купальник...

1995

НЕКОТОРЫЙ МОМЕНТ

Мы сидим с тобой у реки,
по реке плывут парики,
перманент плывет, перманент,
чёлки, чубчики, волны лент...

На песке сидит музыкант,
головой глядит на закат,
гладит струнный он инструмент,
ловит некоторый момент.

Мамонт облачный пролетел,
в небе множество дивных тел,
там такое порой несут —
нас бы мигом за это в суд!

С удовольствием в небеса
я гляжу полтора часа, —
вот какая, на самом деле,
у меня теперь полоса...

1995

Есть особая пытка именами,
уж не знаешь, твоя ли это личность,
или слухи базарного попиба,
или задница, везомая слонами, —

это самое едет на носилках,
в такт качаясь под пыльным балдахином, —
люди падают там, где их застало,
и на лицах лежат, как на подстилках.

В этой позе разглядывая прелесть,
они видят неслыханное диво
и слонов, на которых имя едет, —
а бывает, что и выскочит челюсть,

эту выскочку поставят на место
близлежащей рукой дребезжащей,
и в затмение неловкого жеста
звоны льет под молоточками челеста *,

и на лицах лежат, как на подстилках,
в этой позе разглядывая имя
и слонов, на которых имя едет,
улыбаясь глазам на затылках.

1995

* Челеста (от латинского слова «небесный») — музыкальный инструмент, напоминающий по внешнему виду пианино, но вместо струн — стальные пластинки, по которым ударяют деревянные молоточки, обтянутые войлоком, звук — нежное пение серебристых колокольчиков.

10M

Хотя расщепляется атом
и общество нравы пасет —
народ выражается матом,
большинших достигая высот.

Но ужас отдельных моментов
осилит лишь этот язык,
простейший набор инструментов
используя жизни впритык.

И там, где сверкают алмазы,
метафор его филигрань, —
там ваши манерные фразы
кошмарней, чем грязная брань.

И небу молитесь, ребята,
что мы не настолько грешны,
чтоб не были с помощью мата
хоть изредка мы спасены

от более страшных деяний,
страданий, схождений с ума, —
пусть этот словарь состояний
продолжит цензура сама...

1995

ЮМ

АНТИЧНОЕ БЛЯМ

Сына прекрасно родить, чтобы в танке сгорел за свободные, блям,
их таланты,
за страшную их красоту, писанину фигни философской,
за пафос и пифос,
за их озарения, блям, по части кампаний военных,
трофеев и пленных,
зажариться в танке — за нефть и за банки, за скотские пьянки элиты,
за, блям, их оргазмы, фантазмы, харизмы, маразмы, туризмы —
полечь на гражданке,
о, счастье, об этом я круглые сутки мечтала еще в эсэсэре!
Дитя, торопись, а не то умереть опоздаешь за их процветанье, —
уже не хватает гробов, чтобы все улеглись,
пострелявшись за их интересы,
за их kleptomaniю, блям, графоманию, премии, мумии, феню,
конгрессы,
за эти мозги элитарные, тарные зги живоглотских династий,
за яйца — блям, Фаберже, за бутик, за антик, за раскрутку, блям,
фракций и фрикций,
мальчик, пись-пись, торопись превратиться в обрубок, в огарок,
в придурка!..
Как можно отсюда бежать, если надо рожать воеванцев,
а, блям, не засранцев,
которые мчатся на запад, спасая детей, как большую там, блям,
драгоценность?..
К себе я полна отвращения, блям, нет мне прощенья —
что плоть не мужчинья,
что, блям, не сражаюсь и не разрожаюсь пять раз в пятилетку
и чаще, —
лет бы с пяти посылать бы детей воевать за такую огромную
гениев стаю,
которая, блям, завелась и творит, блям, свою чумовую шекспирню,
кафказню,
дворец содроганий, — а что мне тут шлаться с единственной
жизнью?..

1995

Кто-то утопил кого-то в чем-то,
не хотел, но вышло так само, —
много ли тут надо для экспромта,
если все готово для всего?..

Не берусь нигде я за перила,
вблизи глядеть не хочется совсем,
легкость обрела и оперила
и теперь летаю надо всем.

Лучше видеть с птичьего полета
славные дела больших людей.
Рядом — два летают идиота,
а внизу — грузовики идей.

Кто летает — очень мало ест-то
и поет не только головой,
рифма — не единственное место,
где имеем признак половой:

женская она или мужская —
это глазом видно, как в кино,
даже дети знают — где какая,
даже мне еще не все равно.

И такие глупости, о боже,
вместе с рифмой западают вглубь,
что ее поэтому, похоже,
те не любят, кто не так уж глуп...

Вон труба, румяная как дама,
и лицо у ней из кирпича,
дым идет, а жизнь — такая драма,
где все время поздно звать врача.

1995

HOM

БЕЗ ПРИКРАС

Мое волнение — на пределе,
волнуюсь я при всяком деле,
дрожу, как лист, а всех-то дел —
достичь волнения предел.
Кому нужна такая пакость?..
Дела выходят сикось-накось,
трепещут сердце, рукава,
и вся трепещет голова,
и лодки номер тридцать восемь,
и все, что мы снаружи носим,
и все, что носится внутри,
трепещут окна, ключ в двери,
кофейник, стены, роза в банке,
словарь под задом обезьянки,
моя бы воля — взять бы нож
и перерезать эту дрожь,
перекусить ее железом —
и резвым стать головорезом.

1995

ДВОРЕЦ БУФЕТОВ

Есть хорошие старушки, неплохие старички,
их ряды передовые брали кассу втихаря,
когда массы трудовые и другие дурачки
жили будущим, грядущим — светлым Бу, цветущим Гря,
Бу и Гря, буигря, жутким пламенем горя.

Но старушки есть плохие и плохие старички,
не сумели хряпнуть кассу их отсталые ряды,
они обществу мешают делать новые скачки
в Гря и Бу и будят силы Государственной еды, —
Гря и Бу, гриибу, они видели в гробу.

Вот старушка золотая дарит родине буфет,
дарит ей Дворец Буфетов эта родина не зря!..
А старушка вот плохая вспоминает вкус конфет,
всем назло не подыхая, чтоб испортить Бу и Гря,
Бу и Гря, буигря, жилы яростью бугря.

Но старушки золотые, золотые старички —
они вечно молодые и плюют через губу,
когда всякие отбросы пялят злобные зрачки,
некультурно угрожая мрачным Гря и жутким Бу,
Гря и Бу, гриибу, сидит ворон на дубу.

Сидит ворон сине-черный, весь ни толстый, ни худой,
и, как всякий тип ученый, он играет на трубе,
а под ним — Дворец Буфетов с Государственной едой,
где старушки золотые в светлом Г и светлом Б
шлют на всех других старушек свои мысли в КГБ.

1995

СКОЛЬЗКАЯ НОЧЬ

Фонари под глазами века,
двое путников — пес и калека,
два Алеко в стране гололедицы,
по земле не идетя, а едетя...
В подворотне — жених и невеста,
целуются в скользкое место,
в небе скользко и две Медведицы,
скользкий шепот о днях отъезда,
по земле не идетя, а едетя,
вещи быстро выйдут из моды,
счет на дни теперь, не на годы,
счет на страны теперь, на грузы, —
место скользкое покидая,
скользкий шелк раздарить Китая —
раздарить на прощанье блузы,
губы скользкие пахнут ромом,
после поезда плыть паромом —
аж два «О-О» наплывают в плюзы!..
Ветер странствий — он дышит нами,
я-то чувствую временами,
что кончаюсь, как кислород,
превращаюсь в такую легкость,
что, прощаясь, берут в далёкость,
в ласточкин перелёт.

1995

Есть роскошь, не доступная деньгам,
алмазам, изумрудам, жемчугам,
здоровым силам, силам нездоровым,
венкам лавровым, золотым мозгам.

Она не клюнет также на слезу
отчаянья в трупобистом низу, —
и столь же беспристрастно едет поезд
через корову, мясника или козу.

Захват земли, галактики захват,
галлюцинаций психокомбинат —
сам черт не обнаружит эту роскошь
ни в поле зренья, ни под ним, ни над.

А без нее живая плоть — лишь мясо,
а слава — трюк, мероприятие, касса,
а жар свободы — тиф сыпной словес,
и дышат все — как сельдь на дне баркаса.

Есть роскошь, есть, которой нет цены.
И в тех глазах, где протекают сны,
ее известен вкус любой водичке —
хоть посреди небес, хоть у стены.

Но шелкопряд не знает слова «шелк»,
и в том незнание я-то знаю толк,
чтоб для тебя, любовь, на этом месте
слова исчезли, а мотив не смолк.

1995

МАНДОЛИНЩИЦА

Вот палитра и мольберт,
вот пол-литра и Альберт
в пыльной шляпе, на коне...
Мандолинщица в окне,
она — рыжая лиса,
ее подлая краса
держит глазки посреди
мандолины на груди,
а на груди угольков
сумрак, розовый с боков,
дышит, блики наплескав
мандолинщице — в рукав,
кавалеру на коне —
в душу, видимую мне,
а коню — в одно из лиц,
достающих дно криниц,
а мне — в раму из ресниц.

1995

РЕЧКА ВО МГЛУ

Жил-был поэт, которого нет
в живых по ряду причин,
характер кошмарный,
век легендарный,
женщины в роли мужчин.

Дал ему Бог
так много, как мог, —
больше, чем можно мечтать,
но перед свиньями
губками синими
бисер любил он метать.

Мало того,
что в центре всего
быть этот гений хотел, —
жил еще идол,
которому выдал
он состояние дел —

то есть ума,
по какому сама
плачет тюрьма и сума,
если поэты пишут портреты
идола в куче дерьма.

Был бы поэт нормален — так нет,
качал он права и ворчал,
вечные жалобы,
а не мешало бы
выбрать укромный причал,

домик в глуши, где нет ни души
в живых по ряду причин,
грядки картофеля,
пение профиля
женщины в роли мужчин,

печка в углу, речка во мглу,
жизнь бесконечно длинна,
бочка терпения,
точка кипения —
выдрана, удалена,

бы в рот бы воды,
бы замел бы следы,
бы залег бы на дно глубоко...
беды избежал бы,
стихов нарожал бы,
бы козье бы пил молоко,

бы идол бы в гроб,
в чеснок и укроп —
в египетских мумий бальзам,
поэт неубитый бы стал знаменитый бы,
в это не веря глазам,

новый костюм бы
в самый тюм-тюм бы,
тысячу новых личин
бы дали поэту, которого нету
в живых по ряду причин...

Стая — сильна,
недобитым — хана:
их добивает она.
Каждая нация есть интонация.
Жизнь — бесконечно одна.

1996

ОСОБЫЙ ДУХ

Не равен человек режиму,
не равен также он трусам,
ботинкам, варежкам, зажиму,
пришпиленному к волосам,
всему не равен он при этом —
посуде, мебели, еде,
своим портретам, сигаретам,
тыр-пыр и далее везде...

Искусство не равно режиму,
как не равно оно трусам,
ботинкам, варежкам, зажиму,
пришпиленному к волосам, —
как не равно оно при этом
посуде, мебели, еде,
своим портретам, сигаретам,
тыр-пыр и далее везде...

Но всякому режиму равен
особый дух — и он неглуп,
весьма противен — тем и славен,
его стыдятся, прячут вглубь,
казнят, пытаются, но питают,
и он в пытательной среде
в житейском море обитает
как клад, утопленный в воде.

В особый час его поднимают,
дыша триумфами разрух, —
он весело кромсает землю,
он мстит за всё, особый дух,
и, упоенный кровью нови,
он вышибает страх и стыд,
и, если в чем-то он виновен,
его история простит.

Блажен, кто этим духом крепок,
и, в этом духе отличась,
он всякого режима — слепок
и равен целому как часть,
трусам он равен и штиблетам,
посуде, мебели, еде,
своим портретам, сигаретам,
тыр-пыр и далее везде...

1994

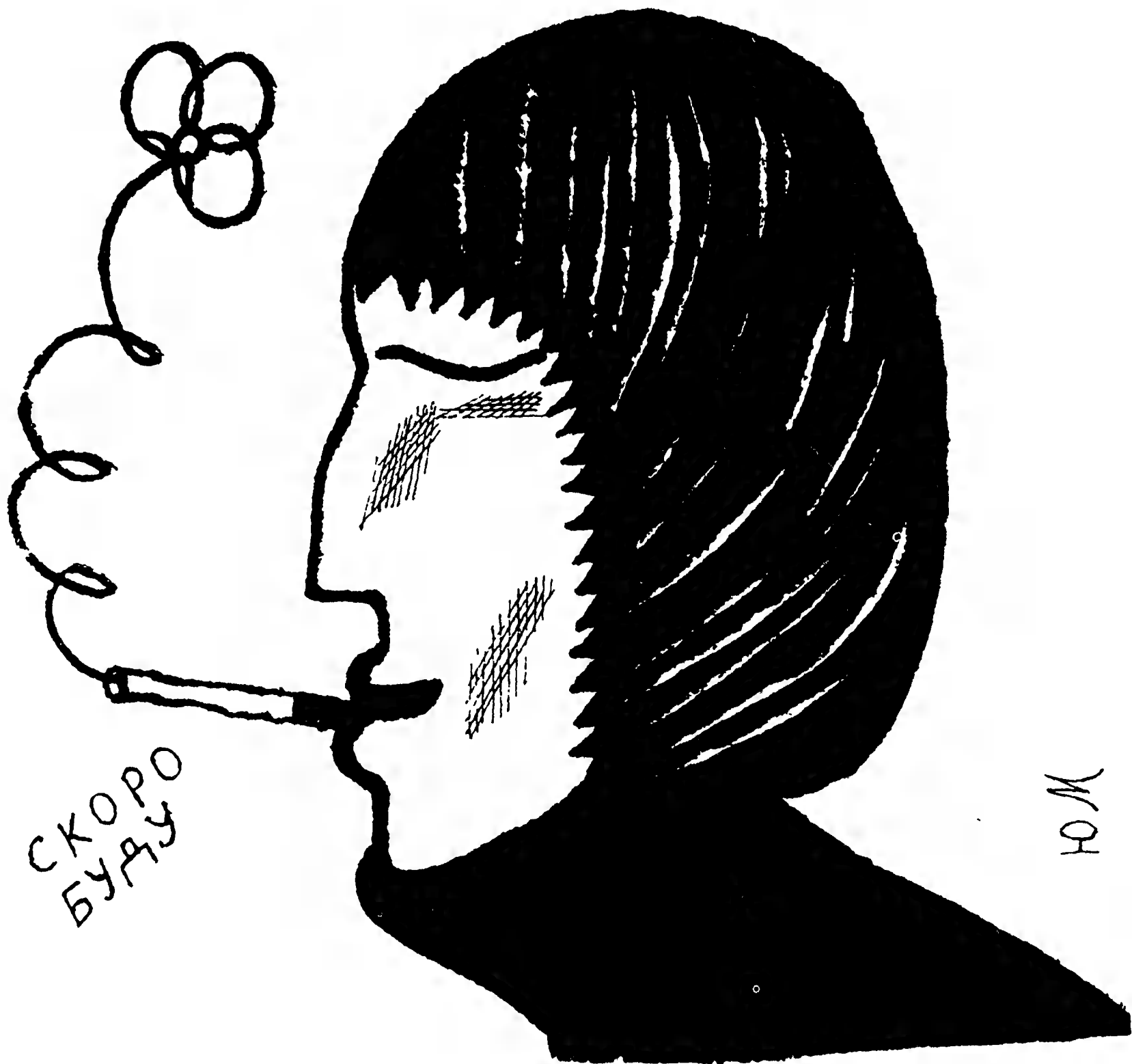
10.11.94

РЕПЛИНГ

Когда все время хочется иного
и неизвестно — именно чего:
под поезд кинуться, сыграть ли в подкидного
иль в колокол шарахнуть вечевой!..
А все кончается опять приемом пицци,
помывкой, телеящиком, спаньем,
покупкой барахла и мебелищи,
враньем по мелочевке день за днем,
открытием, что живешь повеселее
зарезанных, убитых, психбольных,
безногих, горбунов и бармалеев,
рожающих детей без выходных...
Когда все время у попа собака
была, была, он всю ее любил,
и за кусок он всю ее убил,
и надпись написал такого класса,
что вновь и вновь съедает сука мясо,
и сто, и двести раз в течение часа
любя он убивает целиком...
Тогда-то, в силу сказанного выше,
скорей влюбись, не дай поехать крыше,
залей оптимизацию в два бака
и не ходи под поезд босиком, —
тогда вернется прошлогодний снег
и, сукин сын, ты будешь человек.

1995

СКОРО
БУДУ

ЮМ

СЕРЕНАДА

Скажи мне гадость,
моя радость.
Сломай мне челюсть,
моя прелесть.
Пальни мне в голову из дула,
чтобы ее с подушки сдуло.
Навесь удава мне на шею,
когда я в бане хорошею.
Налей в шампанское мне яду,
когда пою я серенаду.
Бревном распополамь хребтину,
когда рисую я картину.
Гони пантеру из вольера,
когда целую кавалера.
Включи, не зажигая, газ —
я закурю — и весь рассказ!
С балкона урони кирпич,
когда пойду я челку стричь.
Подсунь мне под ноги тайком
трубу, что хлещет кипятком,
или троллейбуса ступень,
чтоб я обуглилась, как пень,
под током, бьющим в мокрый день.
И хорошо бы двинуть поезд,
чтоб я под ним была по пояс.
Неплохо также и докласть,
что я не так любила власть,
как ты любил и твоя милка, —
авось прибьёт меня казнилка...
И хорошо бы в идеале —
твои бы вши меня сожрали,
а ты бы вышиб гонорар
за мемуар большой морали.
Чудесно — в гроб меня улечь!
Твоя мечта, о том и речь,
должна цвести, ронять кирпич,
когда иду я челку стричь.

Ах, ты мой зайчик, друг поэтый,
сто лет живи с мечтою этой,
не мрачен будь и не болей, —
с такой мечтою жить светлей,
налей мне кофе с мышьяком,
с мечтой о чем-нибудь таком...
Я выпью за твое здоровье,
а ты прикинься дураком.

1996

Ничто ни на ком не кончается здесь.
Поколение — мельчайший срок.
Со всякой позы сдувает спесь
времени ветерок.
Ничто не кончается здесь ни на ком,
но кажется кой-кому,
что, если он кончит молоть языком,
наступит конец всему —
и лично на нем, ни на ком другом,
все кончится с этим веком.
Но кончается только ничто на ником,
никакое кончается на никаком —
и отнюдь не кончается нечто на неком.

1995

* * *

Друзей не превращайте в слуг,
а жен друзей — в служанок,
чтоб не крошили вас, как лук,
и вид ваш не был жалок.

Не позволяйте для гостей
вас подавать на ужин —
как блюдо свежих новостей
и умственных жемчужин.

Душа — такой чудесный луг,
где есть зима и лето,
но коммунальных нет услуг,
а также туалета.

Мы потеряли букву ять
и это пережили...
Ходите в Африку гулять,
чтоб с вами львы дружили.

1996

* * *

Это — не состоянье дел,
это уже — расстоянье тел,
вод хоровод, растворенье суш,
тихое расцветверенье душ,

слов обходные маневры,
обитанья другая среда,
успокаиваются нервы
при мысли, что навсегда.

В воздухе снег качается
жизни моей и гóрода.
Время мое кончается,
пять минут — уже дорого.

1996

Голая в шляпе с полями

ЦВЕТОЧНИЦА

Малюсенький цветочек тоски,
неприхотливое такое растение,
пускает ростки
в средостенье,
состоит из мерцающих точек —
как воздух тревоги,
когда просыпаешься дома
и домой не находишь дороги,
всё чужое, до в горле кома,
близких нет никого,
а с этими я не знакома
и не хочется, не до того,
до лампочки всё, до фени,
сами катайтесь к китайцам, к туркам,
кусок доски
кладу на колени,
на кусок доски —
бумаги куски,
рисую окурком
жизни причину,
женщину и мужчину
в цветочках тоски.

1993

* * *

Вышла в сад, которого нет,
в дождь, который везде,
лягушка на красный закатный свет
путешествует по воде,
вся она — сердца дрожь
в мешочке зеленых кож,
всасыванье тревог
из воздушных облак
в красных дождях и светах,
вздувается и опадает
кожаный мокрый бок —
бездонно глубок,
а спинка ее в слезах,
зеркальная спинка
вся в мокрых глазах,
в искрах закатных свеч.
То, что во мне голодает,
у нее отнимает речь.

1992

БЕЛЫЙ ПОРТРЕТ

За окнами бродят четыре танка.
Больного ребенка тошнит от каши.
Осталась банка голландской гуаши,
белой, как сливки или сметанка.
От новой рубашки была картонка
где-то здесь, на письменном... Залью чернилами.
Белый портрет напишу ребенка,
дитя позабавлю своими силами:
чернильные глазки, чернильный рот,
на щеках — лепестки петрушки.
Отрок на танке ест бутерброд.
Молоко на портрете белеет в кружке,
птица и конь — на белом плече,
птица в шляпе, а конь в пальто,
портрет — это более чем
и мало ли что...

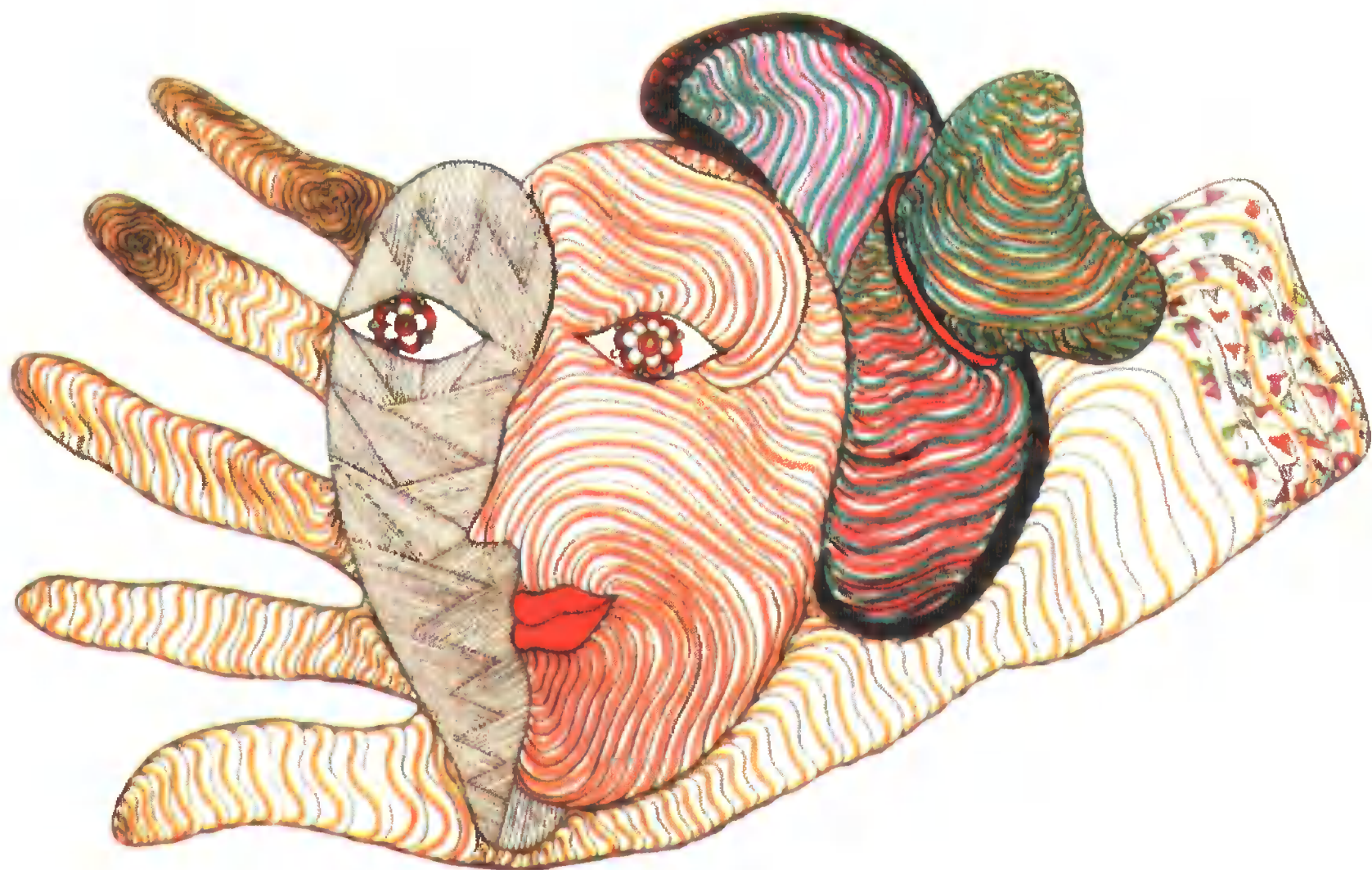
1993

Российский хлеб на хлеб японский,
норвежский снег на итальянский снег
не переводятся, испанская волна
на греческую, яблоки Полтавы
не переводятся на яблоки Шанхая,
ни облака, ни сумерки, ни реки,
ни одинокость, ни вдвоем блаженство —
ничто из этого не переневадимо,
из невода не переплынет в невод,
в особенности, ежели язык —
единственное, что соединяет
дитя и мать, соседа и соседа,
жену и мужа, морехода и монаха,
затасканные ритмы говоренья
и новизну скребка по сковородке,
и мысль о том, что в некотором роде
язык — одна на всех соединяня.
Но, Боже упаси, переводить
все то, что нам подсунут перевидеть
и затолкают в уши, —
на язык соединяни, на язык поступков,
единственный язык для перевода
кровавой клюквы посреди болот,
где бегают фронты и фронтозавры,
неимоверный высунув язык —
язык собаки наших Баскервилей.

1993

10/11/98

Здесь всё — воображения игра:
богатство, нищенство, победа, поражение, —
и в мышеловке мечется гора,
и все концы имеют продолженье.
У скуки — слишком чёрная икра,
деликатес аборта, изверженье
на блин... Когда в глазах — кошмар нутра,
ещё страшней — лица омоложение,
натяжка кож на барабан манер.
Износ воображенья — вот что горе,
а не глаза в мешках. Секундомер —
воображенья мир, а там в фаворе
старик Гомер, морщинистый, как море,
морщинистое, как старик Гомер.

1993

Снег бросается с крыш, всю ночь грохоча
о ржавую жесть желобов.

Из-под ватника белый халат врача
шелестит меж фонарных столбов.

На холщовых носилках сугроб несут,
качаясь, как пламя свеч.

В четверть пятого лопается сосуд,
по которому льется речь.

Я люблю тебя только за то, что жив,
и более ни за что.

Снег бросается с крыши, замком сложив
многорукое решето,
сквозь которое брызжет сверканье, дрожь.

Руки сложив замком,
я люблю тебя только за то, что ложь
отнимается с языком, —
только за то, что через постель
свобода бежит, какмышь,
в стране, где срывается жизнь с петель
и снег бросается с крыш.

1994

Анатомия тайных ходов
подземна, чугунна, резинна, бетонна,
канальна, трубчата, крысна, мышина,
клокочет клоака, музы, орфеи, мусор, трофеи —
прорвали трубу и хлещут. Мотор доводя до стога,
их всасывает, захлебываясь,
сосательная машина.

В переулках — кишки развороченных коммуникаций,
кирпичная пустота, голые стены, окопы,
хирургия домов, из которых выскребли
население и все остальное — полы, потолки,
лестницы, двери, соленья, варенья, укропы...

В голые дыры окон
влетают органы размноженья акаций
эпохи поц-модернизменной Азеопы.

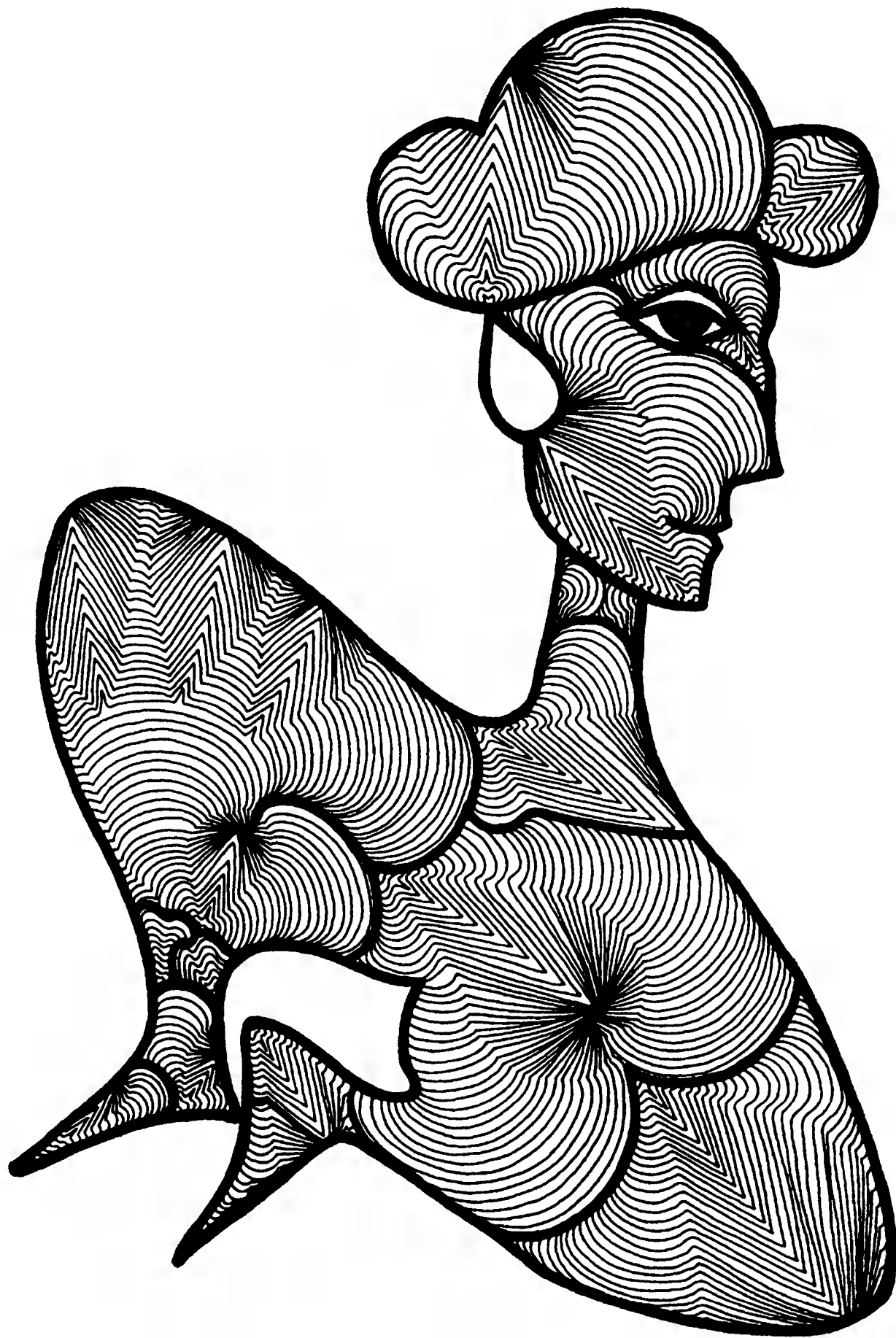
Теперь я стихи сочиняю в спотыкач, в расковырку,
как веник из новых фенек, —
чтобы, не дай Господь, их не запели,
бесплатно приватизируя для горячих и теплых встреч.
Мало того, что поют похабно
и никаких мне не платят денег,

так еще ведь и притворяются, что не знают, о чем речь!
Окна развалин всасывают красный сквозняк заката
со свистом, в таких колизеях заводится патефон
после войны, индийской гробницы, багдадского вора,
и девочкам делают первых детей ребята
из ремесленного, спортивного и солдатского хора.

...В общем, конечно, в мозгах взорвалась граната,
крепко растет сурепка в земле коридора
на Сретенке, украинцы на стройке довольны греком,
который платит рублями,
охрана сидит в шалмане через дорогу.

Страна похожа на голую в шляпе с полями...

1994

W. J.

Мышленья образ если есть,
от мародеров спасу нет,
они желают приобрести
сей обольстительный предмет,
влагать его в свои мозги
для получения плодов,
но даже танцы без ноги
таких не требуют трудов,
как засандаливать в желе
извилин, дремлющих в тепле,
жизнеопасное орудье
чужого образа мышле...
Который просто — ленья мышь,
мышь ленья... Если повезет
и ты ее уговоришь,
она тебя перегрызёт.

1992

* * *

- Опоздали! Отстали!
- Куда? От кого?
- На сколько веков?
- Тут наши не проходили на Псков?

— Опоздали! О, поздали, поздали,
позда...

- Как мы жили в такой опозде?..
- Почему нас так опоздили?
- Идут ли из опозды туды поезда?

Выход отсюда где?

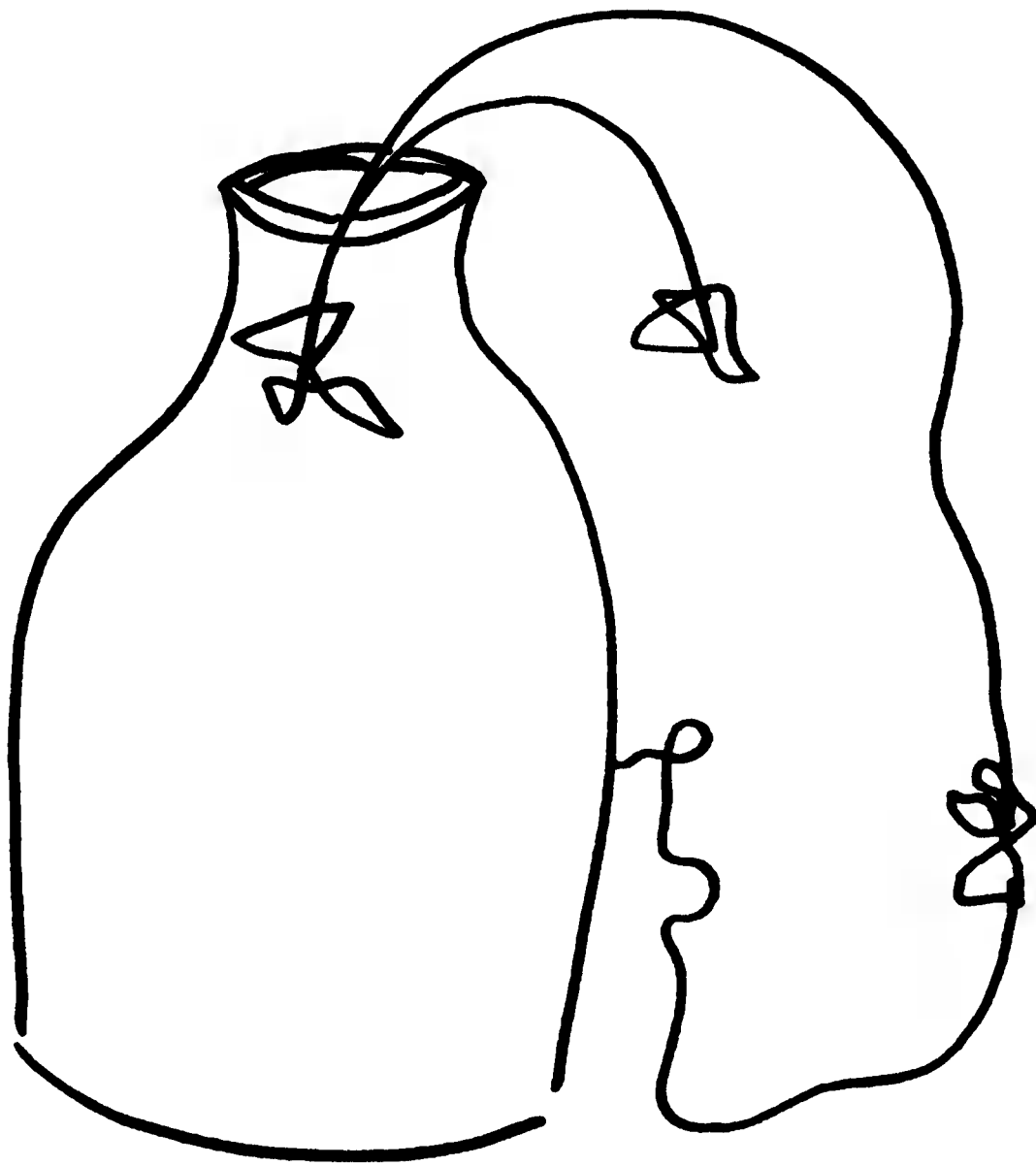
- Тут наши не проходили на Пушкина?..
- А на Гоголя не проходили?..

1994

* * *

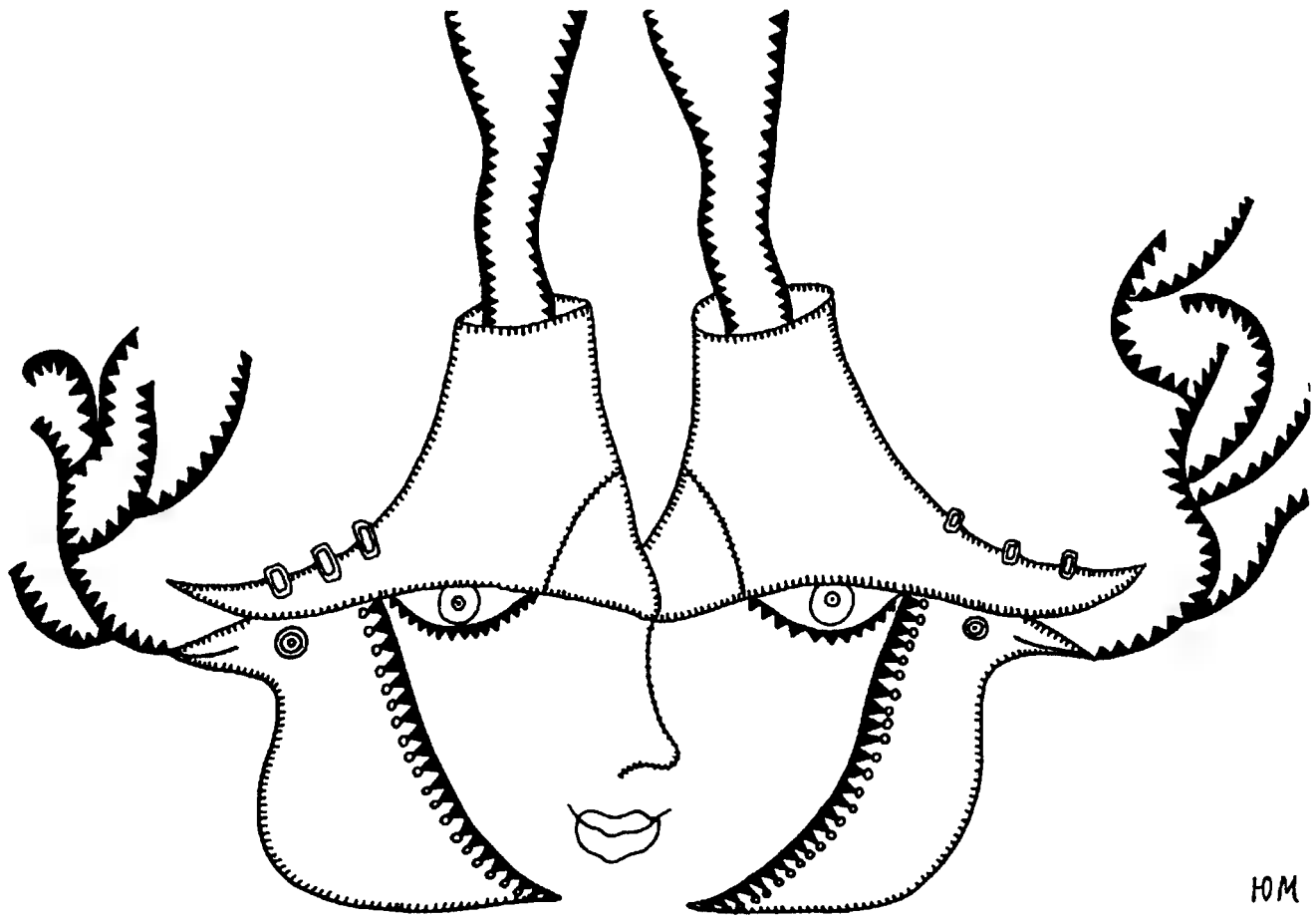
Катались, кутались, и — в общем — не хотелось...
А там лилась огромная река.
И собственная лодка, и ребенок,
и времени колодец... Но пока
ответа ждешь, как лета соловей,
пересыхает то, над чем улыбка
все это делает.
Пока ответа ждешь,
пересыхает
и под мостом, и глубже,
глубже горла.
Идешь по дну — ах, вот оно какое —
сухие волны, трещины, песок
в часах, в глазах, и глубже.
Много глубже —
река становится навязчивой идеей,
она течет в листве и в облаках,
и часто рукава ее струятся
сквозь окна, стены, некие страницы,
и в рукавах ее струятся руки,
и засыпаешь — только чтоб лилось
серебряное русло, над которым
преобладает то, над чем улыбка
все это делает...

1994

Она сказала: все висит на волоске,
а в лучшем случае несется по волнам,
а в худшем — из песка и на песке,
до ветра первого... Судьба ворвется к нам
значенья опрокидывать добра
и зла, крушить привычку, в этом смысле
мы, как вода, повиснем без ведра
в один прекрасный день на коромысле, —
опоры нет, защиты — никакой,
заранее готовиться — нелепость,
нет равновесья, призрachen покой,
где в должный час любая рухнет крепость,
ничто не возвратится — ни фасоль
в стручок, ни в землю ствол, который спилен, —
но, если силу не утратит соль,
все остальное как-нибудь осилим.

1993

HOM

НОГА

Вышли мы из плена,
всюду — заграница,
море по колено,
все живут богато.
В этих куцах рая
бродят наши лица —
как Нога живая
убитого солдата.

Всюду загляденье,
ярмарка, таверна, —
пляйся, нос не вешай,
мы — одна цитата,
мы — произведение
поэта Моргенштерна *
о шагающей Ноге,
чудом уцелевшей,
о гуляющей Ноге
убитого солдата.

Наши дети сыты
нищею свободой,
все свободы биты
меченой колодой,
это — мусор ветра,
ног у ветра много,
каждая — крылата.
Дали нам дорогу,
полную свободу —
как шагающей Ноге
убитого солдата.

1993

* Кристиан Моргенштерн (1871—1914), немецкий поэт, написал «Песни висельника».

НОВОЕ МЫШЛЕ...

Два — не больше — небесных проё
меж домами и ржавчиной труб,
лай овчарок, дождливая дрё,
объявления о выдаче круп,
справок трупных, табачных изде,
тьма в подъездах и зверь на ловца,
ренессанс казино и борде,
кровь шакала в мозгах продавца
наших бедствий, опрятных в сравне
с тем корытом, где жрачка элит.
Что мне нравится в этой стране —
я б сказала, да муж не велит.
...За стеною целуются дво,
одного я на свет родила, —
будет крыша над их голово,
когда вынесут наши тела.

1992

ПОСЛАНИЕ АНТИЧНИКУ

Мудрых спасет огород или садовый участок,
если грядущей зимой голод устроят вожди.
Счастлив, кто — прежде свобод — землю успел озаборить,
тяпку и грабли обрести, также навоз и дрова.
В случае — вырубят свет, газ, отопление и воду,
очень иметь хорошо дачу и даже сарай,
можно там печку топить, воду носить из колодца,
дачами крепко дружить, вместе ложиться в постель.
Но — не у всех еще есть то, что уже расхватили.
Мышки сидят под землей, клубни тюльпанов едят.
Голод меня научил живопись делать окурком, —
сладостно тем обладать, что выпадает, как сон.
Дивные вещи пишу, прелести дымчатый ветер,
тоже голодный, ведь ест, лижет глаза мне, а там —
что?.. Кроме соли, каштанов, пламени?.. Кое-что кроме.
Образ Смятенья там был, и Бегства, и Натиска образ...
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1993

КРАДКИМ КУРСОМ ЛИТЕРАДУРЫ

Жаль человекoв, которые прячут вещицы прелестные вместо того, чтобы их предъявить понимающей публике...

Комплекс кастрации.

Все у нас есть наконец! — и Эдип твою мать, и орудье инцеста, и к провокации вкус, и Пров у акации...

Раньше, бывало, придет катакомб из котельной,
с произведеньями на коромысле,
а идейно-художественный козел говорит ему: слабовато, гораздо слабей, чем у Пушкина, Репина, Глинки,
вы — слабоватор по взлету мысли,
вы — темноватор, язык не рус, языкатор маразма, —

так и записывал эти концепты, концoм подцепляя мгновенья,
творческий член катакомбы, сам катакомб, дитя подземелья,
где с трубами спят трубадуры,
А всё, что по трубам течет и в трубу вылетает, потом возвращается —
безо всякого благоговенья! —
крадким курсом литерaдуры.

1994

ХОЛСТ

На зеленых холмах Испании —
белые мельницы, белые козы,
она их видит из окон спальни,
когда ест лепесток от чайной розы.
Муж ее — мальчик лет шестисот,
сын ее — псих и пасет народы,
рыжую гриву она несет,
как дождь золотой, чепуху природы.
Шафранная грудка ее в корсет
еще не отправилась. Определенно
люблю прилагательные, их свет
в глаголах стоит, чтоб зеленело зеленое,
белело белое, звенело звонкое,
ластилось ласточкино,
воробьиное воробьилось...
В глазах ее — лампочки,
он сделал их выпукло.
Что-то бьющееся, видит она, разбилось,
но за тысячу лет ни капли не вытекло.

1992

ТЕАТРАЛЬНАЯ КОНФЕТА

Вошли опахала с рабынями
обоего пола мужского.
Актер, молодой как старуха,
и пьеса «большого прикола».
На заднике было духовное
от шума вблизи городского.
Вошли опахала с рабынями
обоего женского пола.
Духовное было на заднике,
и было оно на переднике,
и конь это делал на всаднике
в античной любви заповеднике,
в оливковом смысле и в масле,
чтоб не было больно и сухо,
где амфоры, полные камфоры,
загажены армией духа,
мерзейшей из армий, грязнейшей...
Коня сочетающий с гейшей,
в истоме, в тряпье анатомий,
играет свое трали-вали,
качает права древнегрека,
тоска греководная, греко-
падение: — Смерть вызывали?..

1993

Вот она — чудесная машина,
сделанная выходцами из
топи блат, где клюква и крушина
вещества обменивают вниз.

При машине крутятся умельцы,
самородки состоят при ней,
все их предки были погорельцы,
все потомки дожили до дней.

А машина жрет бензин и масло,
иногда питается крупой,
чтобы наша красота не гасла,
протекая в трубы на убой.

Потому как всех спасет от скверны
только нашей красоты размер,
девочку из маленькой таверны
положил в машину инженер, —

вся таверна ей кричит: «Глотайся,
но не дай себя переварить!»
Инженер похож на пол китайца,
о машине — что и говорить?!

1992

ВЫРЕЗКА

Сидит президиум глубокий
из четырех рядов больших,
в ряду — пятнадцать красных кресел,
мужских — тринадцать, женских — два.
Передо мною эти лица
висят на галстуках цветных,
сидят, как овощи на грядке,
как огурцы в воротничках.
А к ним спиною выдвигенец
читает речь лицом ко мне,
одет он в светлую трибуну,
а плечи — в синем пиджаке.

— Соединенные шайтаны, —
ребенок, глядя, говорит.
— А вот и нет! Они — Европа.
— Соединенные шайтаны
Европы, — говорит ребенок.

В президиуме крайний слева
мерзейший дремлет человек,
его фамилия из фруктов,
лицо — помойное ведро,
ведро помойное с изюмом
его фамилия с лицом.
Сказать могла бы я и больше,
но нету жизни запасной...

1991

ПЕЙЗАЖ

Немного соуса, бобов и базилика,
овечий сыр, бутылка пыльная вина.
Убитый спит лицом в траву. Одна улика
над ним летает и со всех сторон видна, —
в её глазах, в зеркальных крылышках бесстрастных
текут наплывы отражений, маски слов,
с лица слетающих за миг до капель красных,
до чёрных солнц на тверди вечных снов.
Одна и та ж воздухоплавает стрекозка,
убитый в ней с убийцей совмещён —
как пламя с ямкой тающего воска
во мраке, вход в который воспрещён.
Листва олив переливается на склоне
в текучих сумерках божественной поры.
От Александра Македонского зловонье
идёт, развешивая трупы как шары.

1993

Времени ветер метет людей.
На слуху — чемодан и гроб.
Харизматические хари вождей
друг другу целятся в лоб.
Искусство шутом в раскоряку жрет
на карнавале банд,
зная, что это и есть перёд
через зад удаленных гланд.
Талант, который передовик
в полном перёде звезд,
всех способен передавить
за кассу и деньги в рост.
Кто теперь сочиняет стихи, твою мать?..
Выпавший из гнезда пизофреник.
Большой, настоящий поэт издавать
должен сборники денег.

1992

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

Воткнули спицу
в Синюю птицу —
вытекла вся,
намокли бинокли,
перья текут и впадают, —
текущий момент револьвюции
жидкого органа,
много течет политног, политрук,
моцарты поц-реализма,
в луже снаружи —
дефекация, фрикция, партизаны, акация,
на виселице, сося пороса,
оральная самоигральная
ситуация, эсэсэрекция
поц-модерна,
в морге пиликает рация Зорге,
из вытекло Синей птицы —
трупчатый мох языка,
фараона сушеного дикция,
мумия речи.

1993

Еще не вечер... Мы еще покинем
кофейню, где поплачет кое-кто,
когда мы голос больше не поднимем, —
еще не вечер... Звонкой пустотой
еще нагрянет наше вымиранье,
оно еще прокормит кой-кого,
и кой-какой легенды завиранье
нас распомадит всех до одного.
Но ведь еще не вечер, трали-вали,
еще грешим, еще не пуст бокал,
еще не всех из нас в гробу видали
в холодном белом саване похвал.
Еще не вечер... Мы еще покинем...
Волчат, которым снится наша кость,
мы так еще на комплексах заклиним,
что истреблядь их будет волчья злость.
!.. Не бойтесь, что мы не умрем,
что мы — из бессмертного теста,
что вам не останется места
и ваше мы время пожрем..!

1992

Страшно богиня устала сидеть в этой позе,
ноги распухли, болит поясница, но главное — сухость.
Всякий козел молодой сочиняет про самое козье —
здравствуйте, я вас люблю! — но богиня ссылается на тугоухость.
Сердце ее износилось и больше не хочет, спасибо.
Нечего ждать и надеяться не на что... Утро
вечера не мудреней, это шарканье мальчиков — невыносимо.
Слава — не лишняя вещь, но по сути — помада и пудра
масок общественных, мнение причесок, готовых к отклейке
на сквозняках новизны. А поэзия в общем — не тряпка,
чтобы ей модною быть. Да и чаще бросают копейки
просто в реку...

1994

Здесь превращают

* * *

Мы будем жить, немного погодя...
Переплывем сначала эту реку,
потом — сквозь лес и далее везде,
в упор не видя, мимо проходя,
заглядывая в каждую прореху,
не находя ни в пице, ни в воде, —
шуршащие от ветра и дождя,
с песком в сандалях, исходивших Мекку,
за тем холмом, где в желтой борозде
пылится куст, как мумия гудя,
и ночью видно пьяную комету,
и комнату, и то мгновенье, где
мы будем жить, немного погодя.

1991

Камни морские в стеклянной чаше
лежат под широкой водой.
Для человеческого глаза краше
всё, что на дне и прозрачной средой
зálито... Мы их собрали зá лето,
ныряя за каждым во сне.
А на вокзале-то, на вокзале-то
было — как на войне,
грузили обмороки, корзины,
раздавленный тёк под ногами плод.
Эта жизнь была из такой резины,
которая лопнула через год.

1992

Роща звенит за окнами,
словно листва стеклянная.
Музыка одиночества.
Молчанья прозрачный звук.
Осень плывет волокнами
утреннего тумана
над памятниками зодчества
ласточек и разлук.

Струится рука воды,
холодная, серебристая,
рука ее, протекающая
по моему лицу,
пока облаков гряды
ласточкой перелистывая,
каплет рассвет, пока еще —
перышком по крыльцу.

Что остается после
памяти?.. Вся прилежность
воспоминаний — лжива,
чем подробнее —
тем мертвей.
Но что остается возле
Божьего страха?..
Нежность?
Узкий клинок вложило
утро в просвет ветвей.

1991

Ты — моя девочка,
ты — моя нежная,
ты — моя сладкая.

Лежит она горкой
в пахнувшей хлоркой палате,
думает кожицей на голове:
я помираю для здесь,
а для там — неизвестно...

Стряпай, стирай, — она говорит
глазами, — чисти ботинки,
брейся, и галстук...

Вата на палке горит,
делают банки
кому-то.

Пошел покурить.
Доктор работал в Шри-Ланке,
тысячу взял: не волнуйся, мужик,
не будет ей больно, —
сделаю, чтобы во сне.
Палтуса хочешь с капустой,
лишняя порция?..

Палтусом пахнет с капустой,
Господи, он подъедает
в больнице объедки,
не унижай его, Господи,
это — мой мальчик,
дай ему вдовую девочку
в чистой одежде.

Так они жили когда-то
и так умирали,
наши «совки», —
отключали им летом горячую воду,
был еще сахар, и на зиму
вишню варили, малину,
мяту сушили, смородинный лист
и шиповник...
Дурно история пахнет,
а личная жизнь ароматна.

1992

Приходишь домой, а там — казино или пицца-хат.
На каждом газоне — свой президент и вице.
При вате приватизации — кавалерист-девицы.
Мэристо и префектно запахивая халат,
пьет охраняемый член голландское пиво из банки,
в это время по факсу ему сообщает фирма,
что пипифаксу четыре вагона меняет Бирма
на подводную лодку. Кровавый понос в Госбанке,
деньги кончились, бобик сдох, казначею дурно.
— Дерьмократы проклятые, мать их через губу! —
выражается очередь, не умеющая культурно
свое место занять в гробу...
Клио, лично меня никакая помощь не унижает,
но учти, что она не доходит, — полно ворья,
все красавцы, все гении, все мозги уезжают,
остаются такие бездари и дураки, как я.

1991

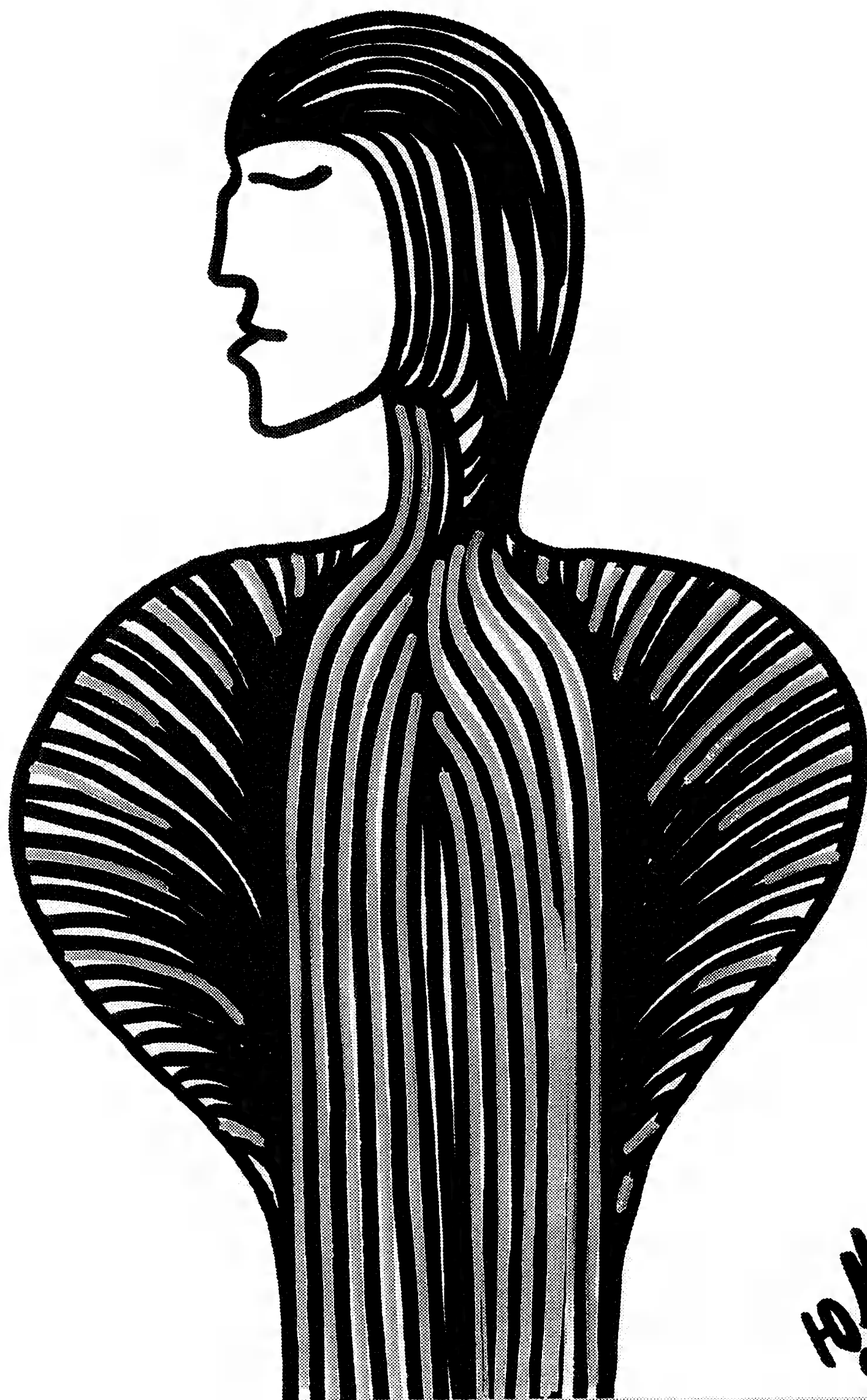
На мокрой бумаге
я тушью китайской
рисую слова,
где в снежном овраге
прозрачны и наги
живут деревья,

их птицы — на юге,
их листья — под снегом,
их ветви — во мгле.
Китайские слуги
согнулись, как дуги,
в мечтах о тепле.

Озябшие ноги
звенят на морозе.
Фонарик зари
трепещет в дороге,
в китайской тревоге,
пространства внутри,

где древние книги
светают в пещерах,
сияя, знобя,
в тишайшие миги,
на умственном сдвиге
ушедших в себя.

1991

10.5

Нагие ветви за окном туманным,
сугробы отливают синевой,
столетие кончается романом
Берлина сытого с голодной Москвой,
нам подают, как нищим под забором,
Европа нас боится, как чумы, —
трещат ее границы под напором
российских беженцев,
которых тьмы и тьмы.
От нашей мощи кровью моросило.
Владыки необъятных площадей —
мы самая дешевая рабсила,
и в ней — богатство деловых людей.
Все войны выиграли, всех завоевали,
теперь, с такой же яростью молясь,
мы будем деньги делать на привале
между резней и вдавленностью в грязь.
...Не высыпай из пепельниц окурки,
я научилась ими рисовать
наш дым отечества и разные фигурки,
в нем тающие, чтоб существовать.

1991

Утро, свинцовые крыши,
фантазии нечем лжить.
Каждый не столько дышит,
сколько знает, как надо жить,
жать эту жуть в прибыток,
попробуй-ка тут не спать,
отчаянье хуже пыток —
нечем любить и спать.
Завидуют дети странам,
где жар — как в сковороде.
Бананам, хотя бы драным,
завидуют, всем, везде.
За их унижение нищее
нам самая малость — плеть.
Я уже ненавижу пиццу
и на цены ее смотреть.
Дети уходят в прерии,
потому что мы все — дерьмо.
Присуждайте друг другу премии
за изысканное письмо.

1991

* * *

Воздух зеленый, север восточной весны,
солнечный ветер на скулах,
в гулах окраин, в игольчатой дреме сосны.

Много беременных, веки опухли, уста —
неги тяжелые дрожжи, —
в тряске и дрожи
им уступают места.

Белое зарево яблонь цветущих и груш
мимо окна пролетело...
Здесь превращают тела, лишённые душ,
в души, лишённые тела.

1992

Туман развеялся, скопился свет в стекле,
пузырь из лужи вырос, тают горки.
Щекой, искрашенной в моркови и свекле,
пылает барышня, глаза — как две конфорки,
над ней колотится на дереве чулок,
надутый ветром. Юноши на сквере
склоняют барышню вступить в гражданский блок,
но вдруг трамвай распахивает двери,
глотает граждан, публику, толпу
и за углом скрывается. Ворона
взлетает на кирпичную трубу,
добыв на ужин два мясных талона.
Закат червонно-черный над Москвой
слоится, извивается. И вскоре
мы встретим ночь с блаженством и тоской
любовников на тонущем линкоре.

1991

Дева разбила кувшин, и вода истекает,
дети, рожденные девой, умножили скотство —
средство похабной свободы, чье подлое сходство
с чем-то возвышенным
в воздухе пьяном икает,
девью печаль на всеобщее сдав обожанье,
на обнажение, дрожанье, бежанье прозрачной,
струйчатой...

Дети ее сочетаются похотью брачной
с нефтью, могучее нефтепродуктов рожанье,
и среди прочих еще образуется голод
странствий в далекое, хрупкое, из каталога, —
ландыши там продают, и, поскольку расколот
девий кувшин, покупают ей ландышей много.

1991

CORAZON *

Странствий темный лес,
жизней прежних луч,
позабывтый сон,
из-под корня плеск,
кровеносный ключ...
У меня болит
слово «corazon».

Скоро из коры
брызнет сумрак, сок,
искра светляка,
звезды — шары,
звезды — песок,
звезды — капли молока.

Здесь дворы
ветер шевелит:
оливы, агавы, пинии...
Слово, которое так болит,
на лентах ветра —
извивы линии.

1992

* сердце, отвага, любовь, сострадание — многозначное слово (исп.).

У него цыганская гитара,
у него красавица девчонка, —
ох, напева пьяненькая тара
наподобье с краником бочонка!

Виноградник вьется синеглазый,
что-то лисье в скулах этой чащи, —
сколько ты под юбку ей ни лазай,
все равно — чем медленней, тем слаще.

Листья пыльны, ветер любопытен,
а на гроздьях кожица туманна, —
ты попробуй песню эту вытянь,
чтоб струна не дрогнула жеманно,

чтоб волна катилась, на извивах
заплетая те еще словечки —
не для робких и не для брезгливых,
а для жизней, тающих, как свечи.

1991

Отсюда вытекающее лето
из-под калиток льется, заплетая
траву и глину, стелется литьё
растительное, бронзовые листья
в ручьях плывут до самого билета,
где дремлет под мелодию Китая
кассирша и скитается дитё,
смородины отсасывая кисти,
чернила ягод, и еще молочна
зубная пасть, еще полощет око
проточный свет, еще не мучат сны,
еще не роет стыд под горлом ямку,
еще кого-то жаль и мамку любит,
еще зеркал не ищет оболочка —
глядится в лужи, где прозрачней стекол
лежит вода, и лужа у сосны
полна небес, и мокрая сорочка,
как колокол, качается, сверкая
над облаками, оmyвающими ноги,
текут в пыли железные дороги
и вздрагивают рельсы, окликая
тревогу, плавающую свободно.

1992

Все там, брат, чужое,
не по нашей вере.
Не по нашей мере
окна там и двери.

Все чужое, милый, —
не по нашей воле.
Не от нашей боли
воют ветры в поле.

Там глаза чужие,
там чужие губы
да чужая память —
не по нашей глубине,

не по нашей ласке,
не по нашей неге...
Там чужие краски
на земле и в небе.

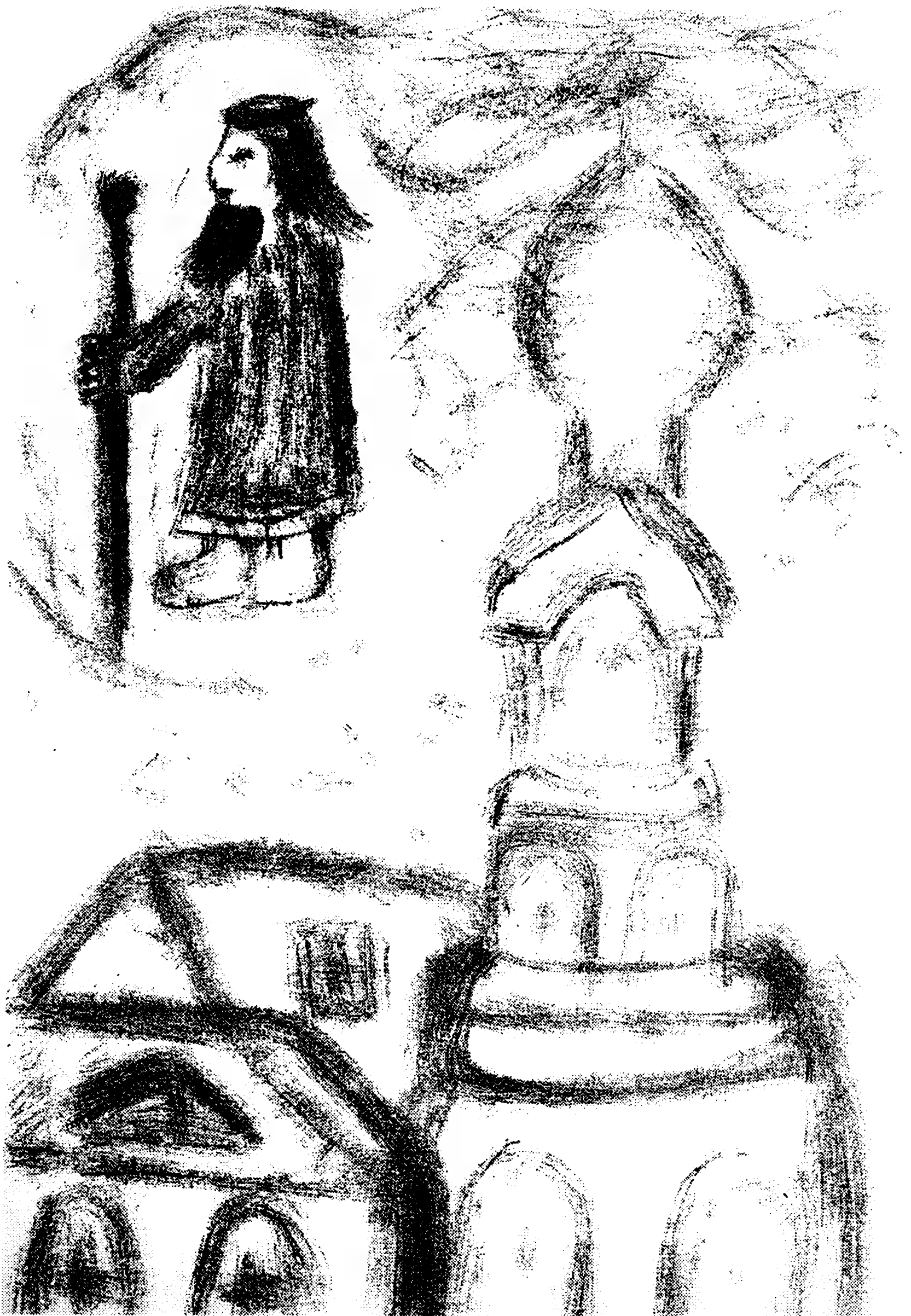
Но всего чужее —
страх чужой при мысли,
что у них на шее
мы с тобой повиснем.

1990

* * *

Тумана мокрою рогожей
дома облеплены, задворки,
мосты... На сквере странник божий,
скрестивши руки, спит, как в морге.
Вороний карк, скрипят качели,
раскачиваемые ветром,
тоска, во все влезая щели,
сворачивается конвертом.
И, в полость ужаса и дрожи
всосавшись, как таежный овод,
звенит рассвет... Вылазь из кожи
и током бей, как рванный провод!

1988

* * *

Все чаще, к сожаленью,
грядущему явлению
могу я предсказать
не только номер года,
но день и час прихода...
От близи отвязать
глаза — и астронавтом
гляди, чего там завтра
проглотит жадный вал,
кого он перемесит,
портреты чьи развесит,
кого помчит на бал
он в тыкве на колесах,
кому вручит он посох
пустынника, слепца,
глядящего без дрожи,
как здесь одно и то же
творится без конца.

1990

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЗАСТАВКА

Обычно этой музыкой покрыт
магнитный голос беглых генералов,
чье войско славное шпионит и мокрит
зонтами ядными — во имя идеалов,
для наслажденья, из любви к деньгам,
к зияньям сокрушительных провалов,
и даже к пытке током по мозгам,
чтоб вытряхнуть из этих минералов
гнилой мешок секретного шпена,
маршруты, явки, шифры, имена,
за бредом бред из глуби выбредает.
Обычно эта музыка слышна,
когда по внутренностям кто-нибудь гадает.

1991

И, вдруг оборотясь, ты застаешь врасплох
столетия конец, возлюбленных скучанье,
актеров без ролей, опричников с ключами
от мозговых машин... Собака ищет блох,
испытывая в том живое упоенье
и пыткой наслаждаясь, от счастья вся дрожит —
не то, что образец, который возлежит
в депрессии от блох, грызущих самомненье.

Набросив старый плащ и сумку на плечо,
как будто в гастроном бегу или на почту,
я мчусь, как та стрела, как ветер, как еще
не долетевший свет, — и попадаю в точку,
где странники живут влюбленной, веселей,
чем узники обид, копители печали,
которой, как в гробу, их черти накачали,
желанья отрубив... Жалей себя, жалей,
обиженность свою укачивай, баюкай,
компоты ей вари!.. Но я еще грешу,
еще мозгами вниз над бездною вишу,
и польза прочих поз не стала мне наукой.

1991

Скоро в Москве несчастной уцелеют одни депутаты,
им воздвигнут за это палаты, виллы и бизнес-сити.
Боже их упаси
возвращаться в провинцию, из которой они изъяты,
чтобы речи произносить, в ступе воду месить.
Раз в пятилетку или в четыре года
уже за других голосами в урну пойдут голосить.
Скоро в Москве останутся одни посланцы народа
и народа штук двести-триста, чтоб то да сё выносить.
Нельзя ничего раскачивать, плавая в этом сите.
Главный цензор Кавказа Черкизов журналистам дает пососати
орган его информации, — осторожно, не откусите,
он и сам ведь охоч пописать.
Конвоируя пыль при пассате,
можно ли не рехнуться — такая идет засыпка?..
От нас улетают дети — куда им себя тут дети?
Искусство, великолепное
как золотая рыбка,
ушло в анекдот, рассказанный в коммерческом туалете.

1992

От потери сознания —
до сознания потери,
от разорванных нитей —
до замкнутых нетей,
все сбылось, как хотели,
домогаясь изгнания
из тоски несобытий
в кислород междометий.

Все сбылось, прекратилось,
кислород — за петлею,
нам-то что?.. под водой ли
дышать, под землею,
мы одними глазами
дышали, как звери,
от потери сознания —
до сознания потери.

Это ваша забота —
безвестности пытка,
похоть славы и речи
гримаса тарзанья,
кислород за петлей
и удушье избытка
от сознания потери —
до потери сознания.

1992

РАЗЪЯТЫЙ ПЛОД

Внутри абрикоса, под косточкой — мякоть глазная, заглазная, розово теплится ткань на просвет — вынутость, выемка, две-три нитки живые оборваны, ими прежде пришитое разное — шероховато, неразгрызаемо, на нем костяная дымка, оно — по волнам приплывшее, самофракийское, издалекое, или родосское, или — еще оттуда откуда-то... если косточку в эту внутренность — происходит скульптура ока, мрамор Фидия, вора золота, древнегрека по части блуда, без которого бледен облик обладающего единственной жизнью плоти, жадно подглядывающей за выкрутасами грешников, за — что из чего растет в этой гуще мясной и лиственной, за обменом веществ Орфея в тени олив и орешников, где уже напились вакханки и похотью рыщут, празднуя, кого бы разъять на такие куски, чтоб — вынутость, выемка, две-три нитки живые оборваны, и чтоб ими пришитое разное брызнуло в мякоть глазную, где Гомера заглазная дымка всасывает мелкое, жалкое, оскольчатое, скользкое, бросовое, жилками сновидений срачивая в бреду, разъятом на брызги, где так чудовищно, чудно все преломляется, и косточка абрикосовая работает органом зренья в упавшем на стол огрызке.

1979

HM

Когда сказал он это в первый раз,
меня от смерти ангел еле спас.
Когда сказал он это во второй —
ребенок спас, голодный и сырой.
А в третий раз когда сказал он это, —
меня спасла в потемках сигарета,
летучий дым, целованный в ночи,
где, прикурив однажды от свечи,
плывущей на ветру в ладье ладоней,
взрастишь дитя и станешь посторонней,
мешая пух и перья примерять.
Зато, когда и от него впервые
услышишь это, — дни как таковые
уж сочтены, не страшно умирать.

1990

АНГЕЛ С БЕЛЫМ КРЫЛОМ И С КРЫЛОМ ПОМРАЧЕННЫМ

Вечер осенний, о Господи, сколько тоски натекло,
за калитку не выйти,
земля налилась и хлюпает, хлюпает,
яблоки плавают в луже,
а яблони бьет колотун, — уж топится печь, да согреться не можем,
так сыро, так зябко...

Ангел с белым крылом и с крылом помраченным играет на лютне,
обидой соленые губы дрожат и воспаленные веки соленые,
однако — смирение и кротость,
понишкой главы сияет стожок золотистый.

Коптит на кленовом столе керосинная лампа.
Две чашки, два пряника, хлеб бородинский, «Ахейская Греция»,
банка китайской тушенки, Четьи Минеи, будильник, Гораций:
«Был бы лишь книг хороший запас да в житнице хлеба на год, —
не жить на авось, не висеть меж надеждой и страхом».

Да как же, любезный Гораций, нам не висеть
меж надеждой и страхом?..

А волны свободно плавающей тревоги?

А переживанья стихийного тела?

А способность любить прекрасное
самым постыдным образом?..

— Прости, — говорит мой ангел, щекой прислоняясь к лютне, —
у меня отвращение к жизни. Не ко всей. Лишь к моей единственной.
Упасая тебя от скорби, я так долго терпел эту пытку,
что воля моя истлела... Пусть мои прекратятся чувства.
Знаешь, я так устроен, что все мои чувства —
поток непрерывный видений, созвучий, картин,
раскаленно вонзаемых в мозг — наподобие терний.
Сделай меня иным, не то я кончусь... —

Руки мои струятся, — и ангел спит, вздрагивая, как в лоне.
Веки мои струятся, губы мои струятся. Я ему навеваю:

— Мой ангел, прекрасный ликом, Богом хранимый ангел,
да отвратятся страхи, мраки твои, тревоги,
да отпадут терзанья, порча и преткновенья,
да отворятся светлы, да утолятся жажды
всякого жизнеспособия, всякого жизнедействия,
да восприимешь сияние Божьего благолепия,
всеобъятного милосердия. Да пребудут с тобою
Вера, Надежда, Любовь и София, сама себя создающая
и всё — из себя самой.

Ложусь на дощатый пол, распластываюсь, удлиняюсь до
бесконечности,
до — сквозь рощу ночную, где плещутся ветер и дождь.
О, иудейско-славянское таинство, наподобие терний,
пригвождающих нас к провороту видений, картин и созвучий
обыденной жизни, где, вечно смешон и унижен,
висишь меж надеждой и страхом.

1989

ДОВЛАТОВ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Огромный Сережа в панаме
Идет сквозь тропический зной,
Панама сверкает над нами
И машет своей белизной.

Он хочет холодного пива,
Коньяк тошнотворен в жару.
Он праздника хочет, прорыва
Сквозь пошлых конмаров муру.

Долги ему жизнь отравляют,
И нету поместья в заклад.
И плохо себе представляют
Друзья его внутренний ад.

Качаются в ритме баллады
Улыбка его и судьба.
Панамкою цвета прохлады
Он пот утирает со лба.

И всяк его шутке смеется,
И женщины млеют при нем,
И сердце его разорвется
Лишь в пятницу, в августе, днем.

А нынче суббота июля,
Он молод, красив, знаменит.
Нью-Йорк, как большая кастрюля,
Под крышкой панамы звенит.

1990

Как волны листвы, колосьев,
текучих, плакучих трав,
уйду, никого не бросив
и ничего не взяв.

Оставляю я вам в наследство
свой угол с луной в окне, —
дивное это средство
излечит печаль по мне.

У памяти есть глазница,
где гаснет прощальный свет, —
я вам перестану сниться
уже через восемь лет,

а в остальные годы
сон обо мне любой —
всего лишь прогноз погоды,
внезапная стужа, зной.

Я знаю, как было дело
с другими, примеров тьма:
у памяти есть пределы,
чтоб не сойти с ума.

Лишь тот, кто не терся рядом,
не видел меня живьем,
не взыскивал жадным взглядом
ни пользы, ни быть вдвоем, —

тот память свою не выскреб,
детальки собирая в горсть...
К нему, воплотясь по искре,
буду я светлый гость.

1990

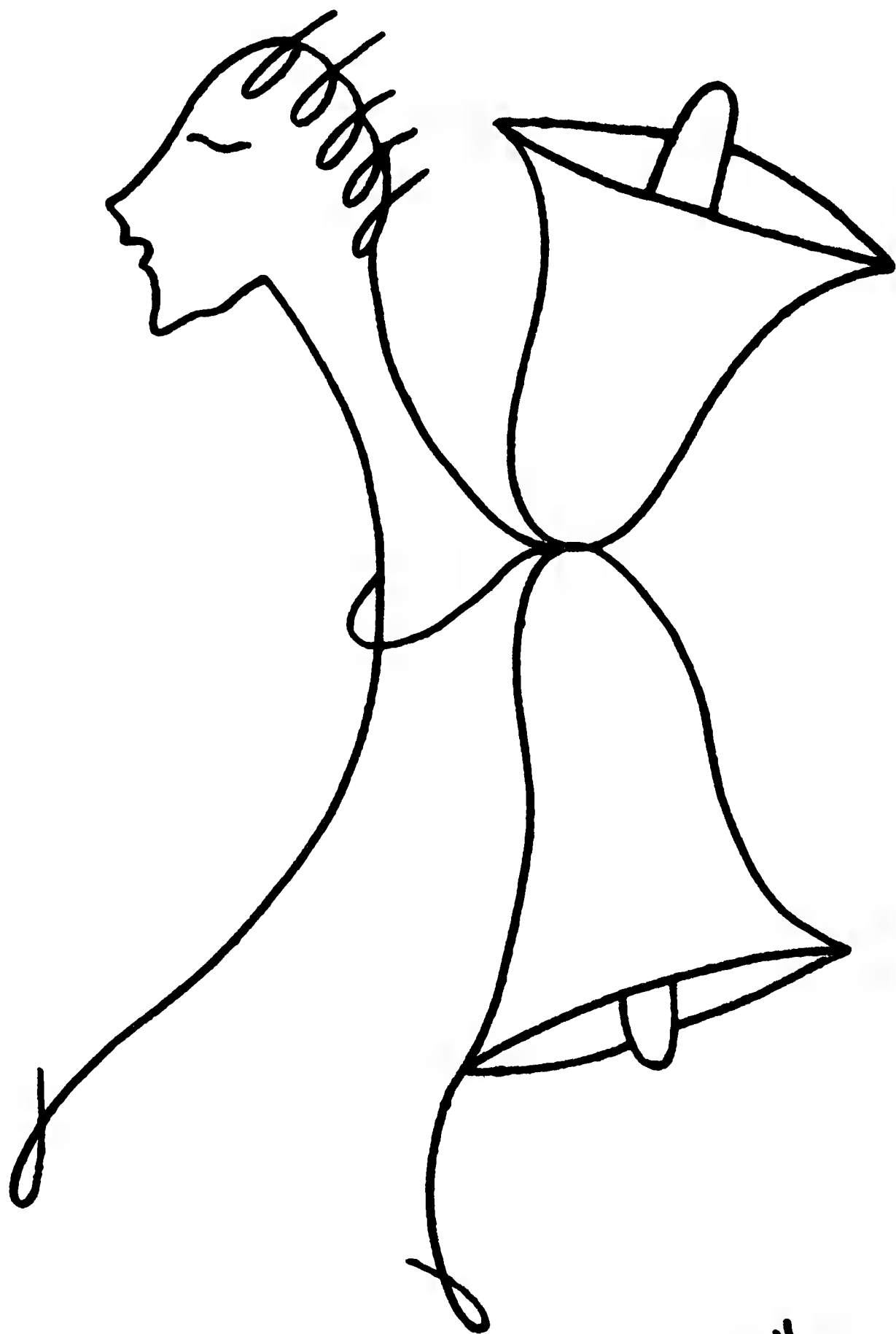

HOM
98

Amant alterna Camēnae
Камены любят чередование

С каменами играя

10M
99

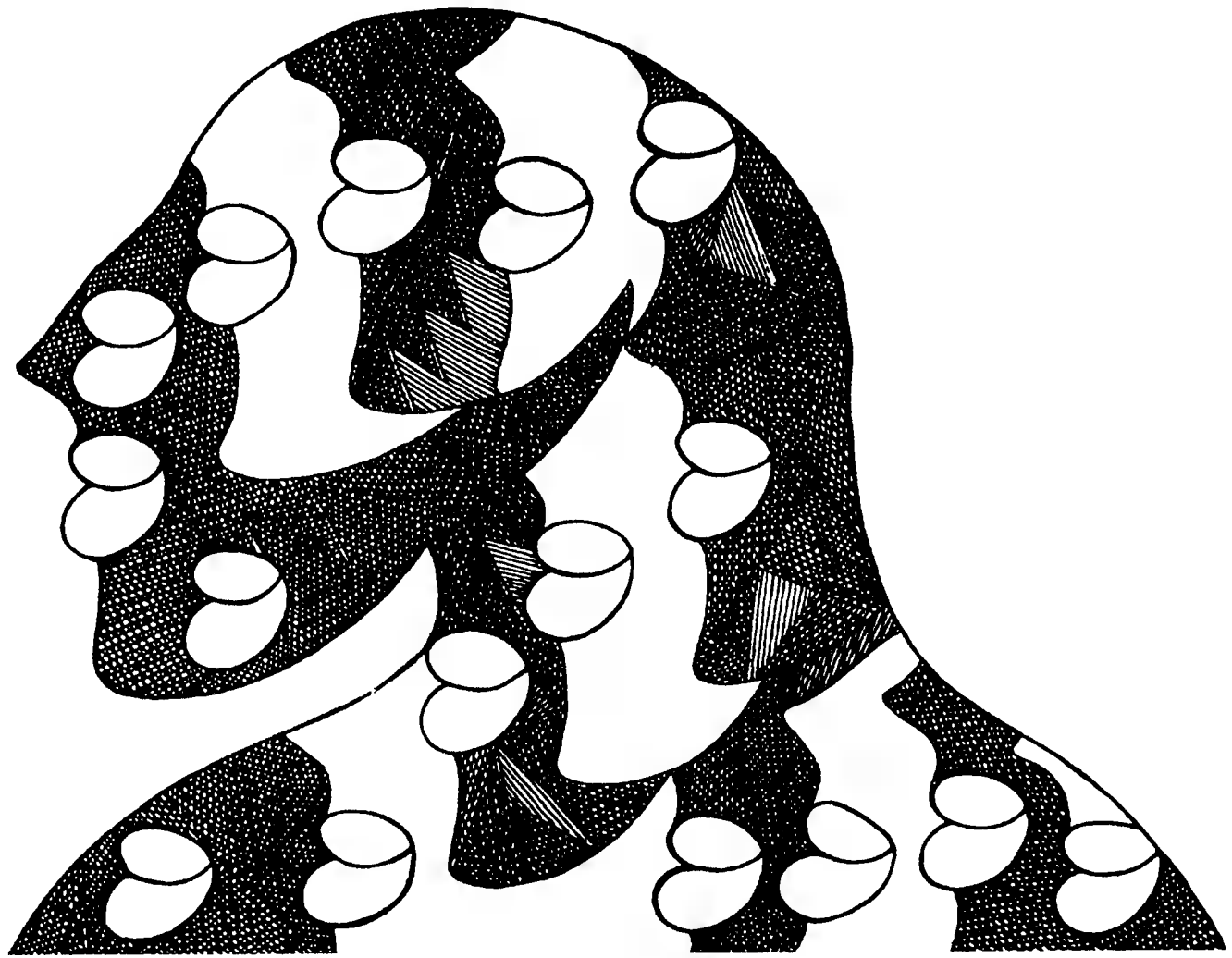
* * *

Небо стальное
в городе зимнем
пахнет снегами.
Всё остальное
пахнет бензином
и сапогами.

Носится мята
во рту для общенья.
В моде текстильной
рифма изъята
из обращенья —
стала нестильной.

В этом проёме
я выступаю
с аккордеоном.
Песенки кроме,
вся утопаю
в горько-солёном.

1998

Даты сражений, побед, поражений, имена полководцев,
названия мест, городов и рек, где всё это было, —
ничего я не помню, в каком-то бездонном колодце
память моя на такие вещи растворилась, как мыло.

Численность армий, количество жён и трахнутых мальчиков,
имена перевалов горных и перешейков,
вооружений качество, драгоценностей, срубленных с шеек и
пальчиков
цариц и рабынь из гаремов царей, королей и шейхов,

механизмы интриг, шпионства, железных масок и каменных,
казней и козней, предательства и фаворитства —
это мы проходили!.. Шпаргалки, отметки, экзамены,
знала я назубок и в лицо эти крепости, хитрости, лица...

Но, выходя на улицу, где сирень цвела и черёмуха,
всё забывала начисто: полководца и войско в панике,
имена короля, кардинала, роль влиятельной сучки и конюха, —
особенно даты... Нет у меня сексуальной памяти.

1998

ТЕЛЕЖКА С ЦВЕТАМИ

В той провинции, где горное эхо
повторяло игру на там-тате,
там тележка по улице ехала,
ехала тележка с цветами.

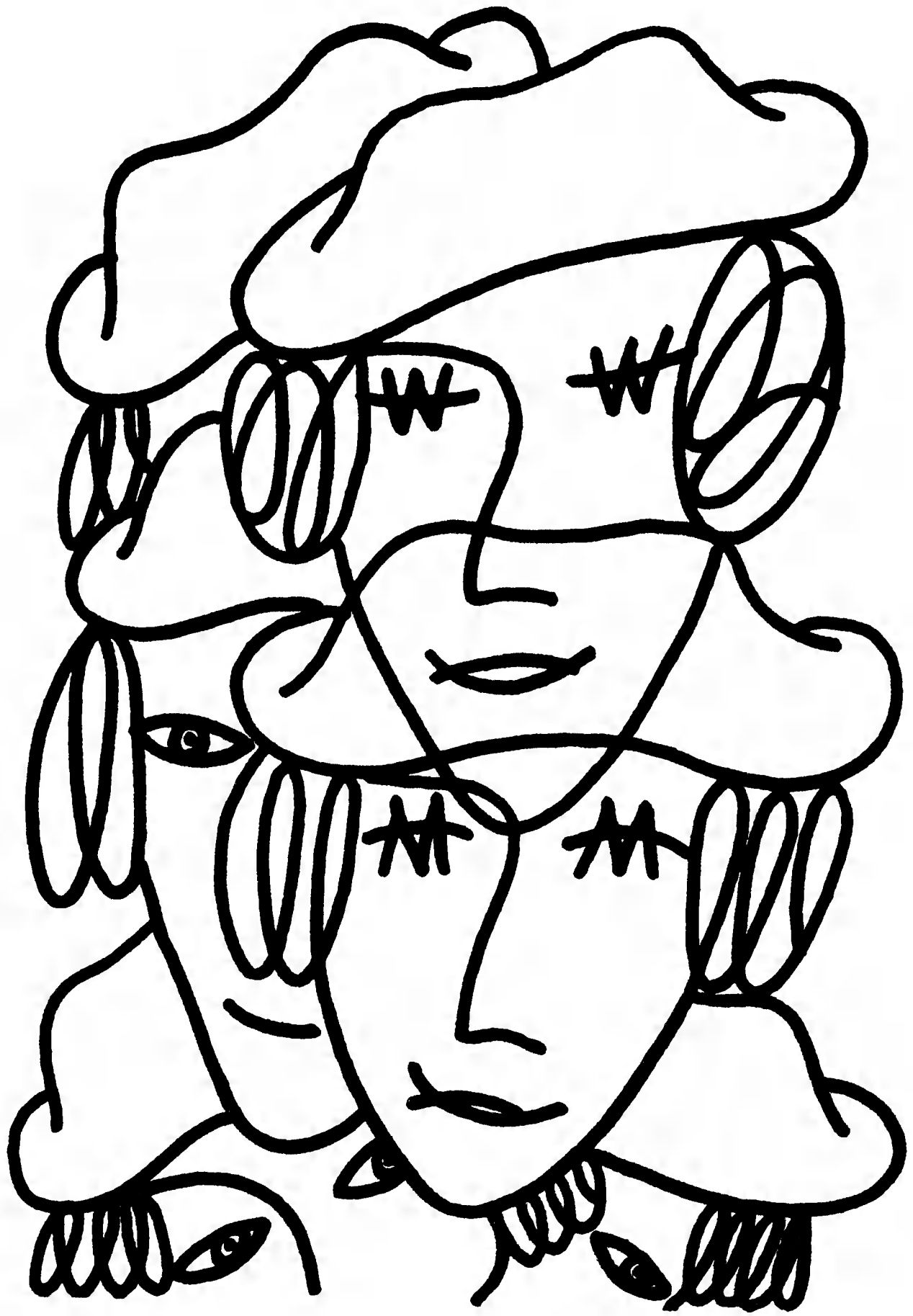
А в то лето нам выпала решка,
были мы влюблены и летали
над землёю, где ехала тележка,
ехала тележка с цветами,

с белой сиренью, жасмином,
а мимо — тележка с рыбкой...
Клин вышибают клином,
мы расстались легко, с улыбкой.

Но там, где ведётся слежка
за тележками, полными слёз,
долго-долго ещё ехала тележка,
развозящая по коже мороз.

Я колёса ей сдобрила смазкой,
чтоб не ныли средь ночной темноты,
и расписала белый лист чёрной краской,
оставляя только белые цветы.

1997

КОНЦЕРТИНА

Я нарисую тебе на память картину —
окурком, свекольным соком, кофейной гущей.
На той картине, держа гармопечку, концертину,
ты будешь играть и петь о волне бегущей.

Двумя руками сжимая-растягивая зигзаги,
где язычки металла — источник музык,
ты улыбнись мне!.. В одном от картины шаге
я затаилась, и лиственный глаз мой узок.

Там будет вокруг тебя синева и зелень,
ткань золотая пляжей, закат над морем.
И так хорошо мы с тобою судьбу разделим,
что красить разлуку не станешь ты чёрным горем,

а в этой картине, написанной чем попало,
ты будешь сидеть на воздухе с концертинной
и видеть, что тень моя на тебя упала,
как тень любви, стоящей перед картиной.

1998

Проспи, проспи, художник,
Добычу и трофей!
Иначе, мой Орфей,
Ты будешь корифей.

Проспи, проспи раздачу
Лаврового листа,
И бешенство скота,
И первые места.

Проспи трескучий бред
Блистательных побед,
Проспи свою могилу
И в честь неё обед.

Проспи, проспи, художник,
Проспи, шалтай-болтай,
Проспи же всё, что можно,
И всюду опоздай!

А катится клубком
За лакомым куском
Пусть тот, кто тем и славен,
Что был с тобой знаком.

Проспи, проспи знакомство
Столь славное!.. Проспи.
Пусть кот не спит учёный
На той златой цепи.

1998

А я, с камнями гуляя чаще многих,
не удивляюсь, что у них извечно в носке
одни и те же платья и причёски,
божественно простые, как листва,
не знающая моды и фасона,
как свет, в листве скользящий невесомо...
И не способны эти божества
нуждаться вовсе в новизне наряда
и стрижки, за собой следить как надо
для взятья там чего-нибудь ещё —
зачем? — всего достаточно камням,
они в сандалиях, они в обыкновенном,
они над бездной подставляют мне плечо.

1998

Дивный какой я зверь!
 Веса в золотом рёвче.
 Шкура моя в цене —
 Завтра, вчера, теперь!

Много идут потоки
 В марков, сделанные из меня.
 Это краснотен стиратель и тоник
 В шубах, сделанных из меня.

... Снес на носу для
 Делаётся небесней.
 Кто-то променялся с нею,
 Сделанный из меня.

Юнна Мориц

* * *

Дивный какой я зверь —
весь в золотом руне.
Шкура моя в цене —
завтра, вчера, теперь!..

Мимо идут потомки
в шапках, сделанных из меня.
Их красотки стройны и тонки
в шубах, сделанных из меня.

...Снег на исходе дня
делается небесней.
Кто-то промчался с песней,
сделанной из меня.

1998

Тут всех на старость повело строчить донос:
не той красы у ней власы, коленки, нос,
а также зубы, — и пора ей в гроб со сцены.
Да что вы знаете о прелестях её,
о тайных силах, презирающих нытьё
и вашу книгу жалоб?.. Драгоценны
её мгновенья, а тем более — года!
О старости, возлюбленной — о да! —
о ней, красавице, я говорю, играя
с её подругами — со стайкою камен,
и в нежный возраст их впадаю без подмен,
как та река, что в край течёт из края...

1998

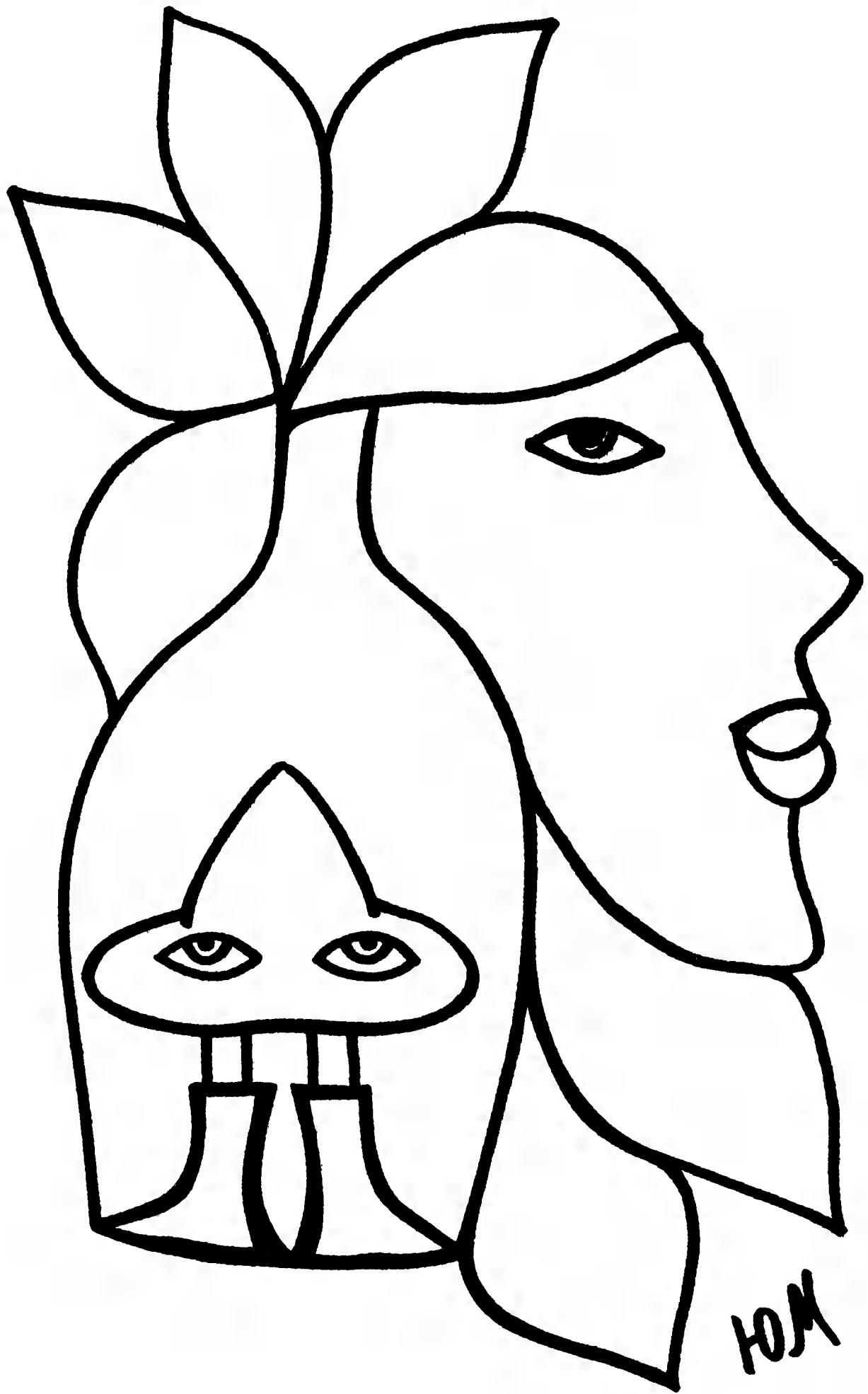
ЗАПИСКА

Положи меня в карман,
я не так уж велика.
У тебя в кармане буду
пусть я крошкой табака.

Мы увидим столько стран,
сколько видят облака.
Ты корми меня в кармане,
как любимого зверька.

Брак небесный — не роман
для печатного станка.
Ты найдешь меня в кармане
даже там, где спят века.

1997

Великих нынче — словно блох в ночежке,
куда ни плюнь — великий человек,
есть семьи, где по пять великих членов,
великие младенцы там пицат,
великие к ним ходят почтальоны,
великие приносят телеграммы,
великие им письма от великих.
Какое счастье — быть не в их числе!..
Быть невеликим в невеликом доме,
в семействе невеликих человечков,
с любовью — не крупнее земляники,
с букетом мелких полевых цветов,
с малюсенькой звездой в окне вечернем, —
я в данный миг подмигиваю ей,
насвистывая песенку-малютку.

1997

БРОДЯЧИЙ МОТИВ

Игра не стоит погребальных свеч.
Едва успеешь в гроб глазурный лечь, —
уж тут как тут всюду идёт примерка
твоей судьбы на каждое бревно,
которое само себе равно,
и твой покрой на нём глядится мелко.

Ты — ватник, фрак, охапка барахла,
тебя напаялить может хоть метла,
чтоб небеса мести на том участке,
где огурцы искусства таковы,
что желтизна их кланчит синевы
для получения огуречной краски.

Ты пуцен с молотка, о том и речь.
Игра не стоит погребальных свеч,
и суеты вокруг себя, и спешки
на торжества посмертные свои,
на те концерты «пушкинской струи»,
где ложь воспоминаний — хуже слезки.

Кто виноват?.. Что делать?.. Против лома
приёма нет и в штате Оклахома.
Тебя за ручку тащат школяры,
футболят, на тебе съезжают с горки...
Прощай! Забвенье лучше и задворки,
и уличная песня для дыры.

1998

Камена прекрасная крутит романы
и выскочек бесит, как сок белены.
Тщеславные юноши с нею жеманны,
завидуют славе и славой больны.

Они сочетаются с нею на фото,
строчат дневники, а позднее — мемуар.
Она выдаёт им себя за кого-то,
кто — мрамор и юмор, Хайям и Омар.

Стройна и легка, словно гибкая ветка,
листвясь над пирушкой во время чумы,
она предсказует им зорко и едко
их жадную взятость у ней же займы.

Играть они примутся в жадные игры,
оттачивать стиль и лавруху жевать.
Как много руна золотого настригли
с охотницы этой над Данте дремать!

Но ей непотребно столь потное дело,
как лавры жевать и оттачивать стиль...
Ей ведома страшная тайна предела,
где высший порядок — музейная пыль.

1998

Я пришла в 8. Но-
силь меня пере-
мещать! Целую.

Балет — искусство поз,
поэзия — иное...
На улице — мороз
и мой сурок со мною.

В Европе расцвела
магнолия и пахнет,
в России — снег и мгла,
и колокол распахнут.

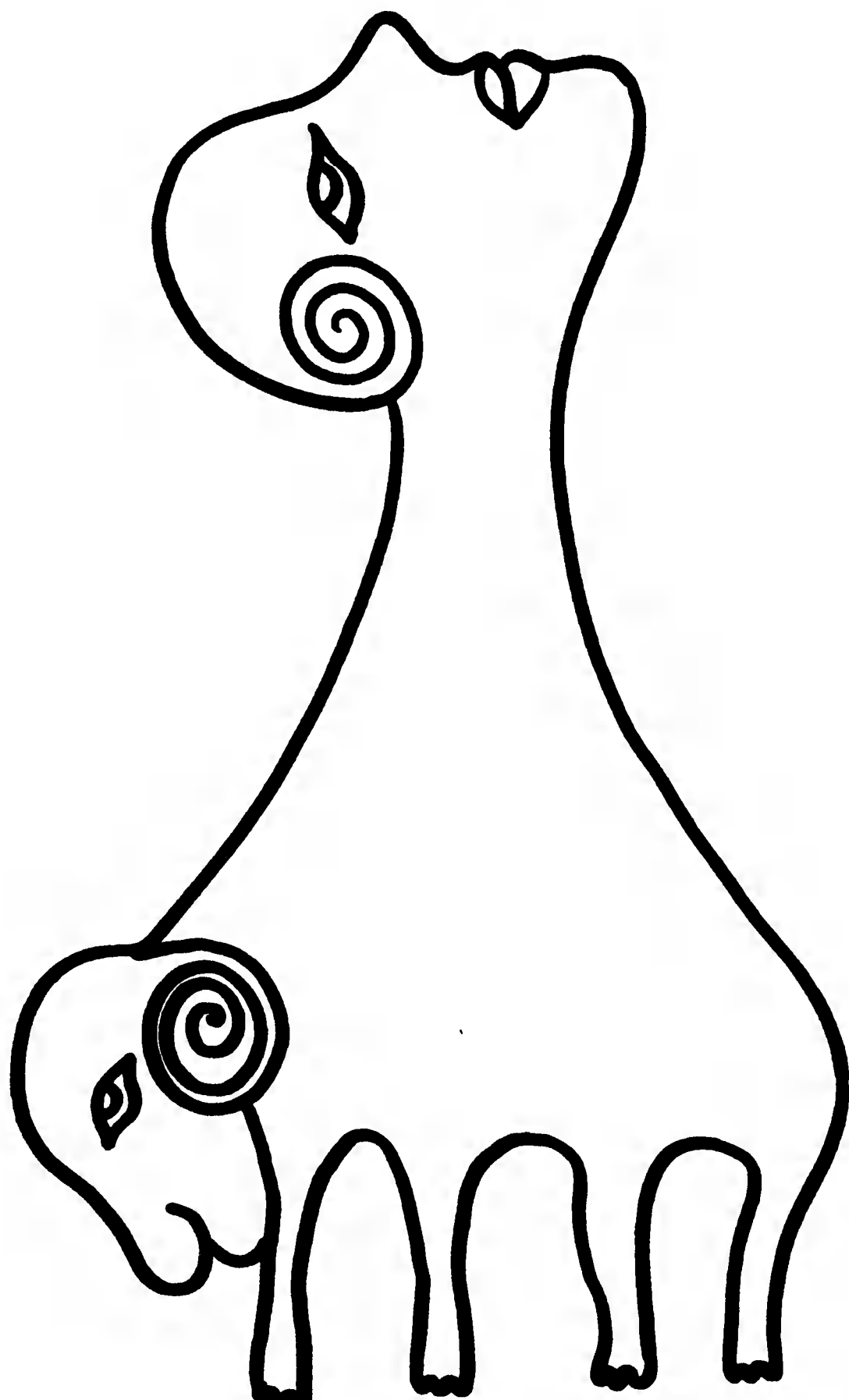
Копаясь, как в добре,
в помойном баке с пищей,
лохматый том Рабле
выуживает нищий

и, подмигнув — кому? —
находку из помойки
кладёт себе в суму,
где много птицы-тройки.

Багаж его дорос
до знанья тех предметов,
что ставят под вопрос
всю фабрику ответов,

а фабрика поёт
и пляшет под фанеру,
и дуракам даёт
поцеловать химеру!..

1998

* * *

Выходит овен за калитку,
пасётся беленький в траве,
как будто дёргают за нитку,
привязанную к голове.

За нитку голода в спектакле
марионетку теребя,
себя скрывающий — не так ли
всё время дёргает тебя?..

К зелёной пице белый овен
склоняется сто тысяч раз,
и в ритме жертвы безусловен
его печалью пьяный глаз.

1992

КАМЕЯ НА КОРАЛЛЕ

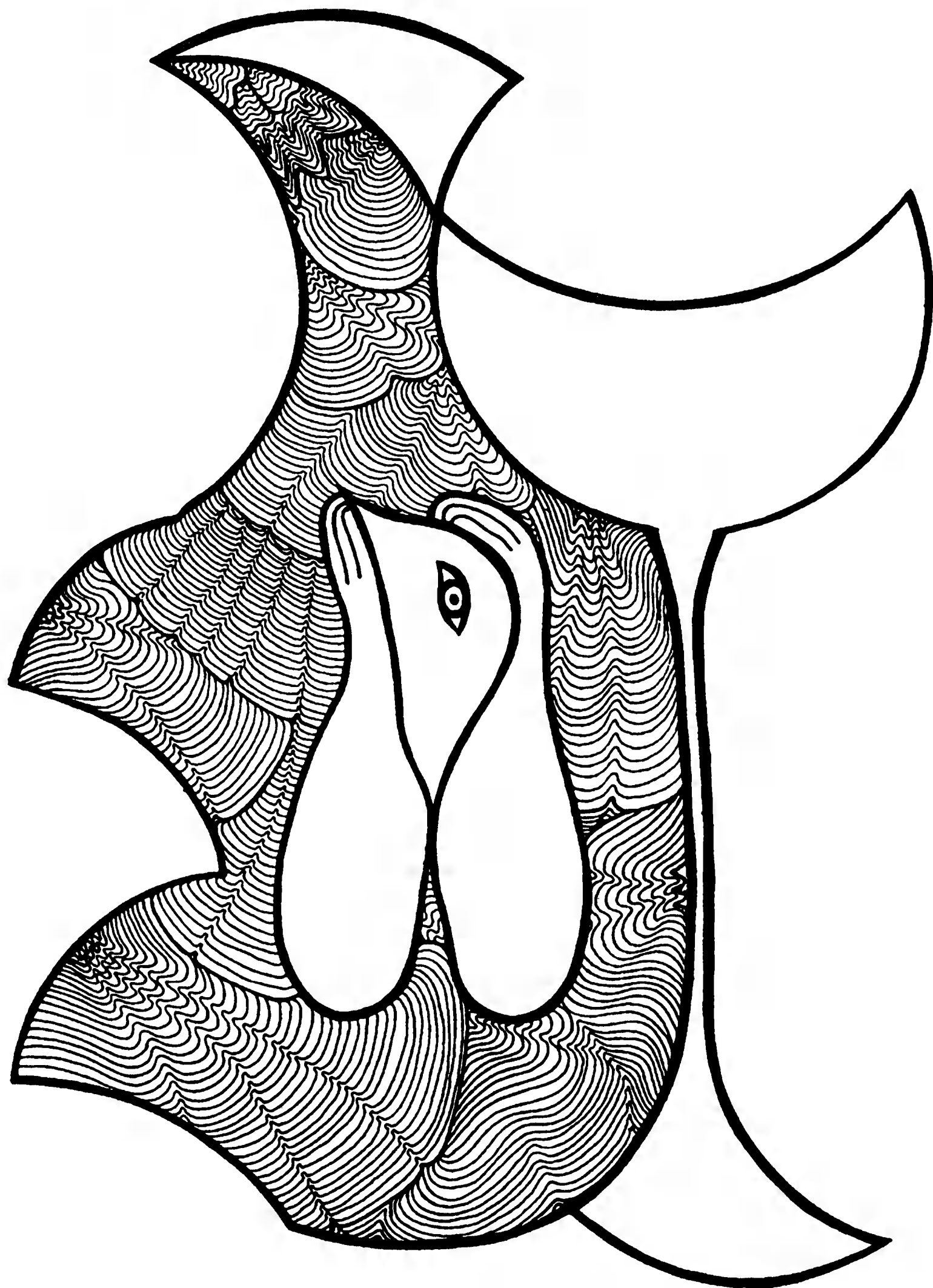
О славном юноше с лицом порочной девы,
с проклятым гением в подвальчике ума,
с улыбкой дивной палача и королевы,
с пыланьем тьмы, где всех тщеславий закрома, —

о нём ли разве не играют здесь на струнах,
на звонких нервах героинческих чудес,
на длинных дудочках галлюцинаций лунных,
где вьются прелести воздушные телес,

где в Сиракузах из ручья растёт папирус,
осоки брат, с насквозь светящейся листвой?..
О славном юноше, о том, чтоб он не вырос
из тела нежного с кудрявой головой,

чтоб не утратил этой плавности змеиной,
звериной грации... Ужели не о нём,
не о себе ли, посох, двигаясь долиной,
ты сам с собою говоришь, цветя огнём?

1993

«Видно, такой уж народ: все нападают на дверь!
 Если кто-либо где неладное что-то приметит,
 Сразу набросится: «Дверь, в этом виновница — ты!»

Катулл

Книжным базаром иду, полон базар сочинений,
 дивные опыты в них писаны жаром светил,
 знающих, как воспринять из мухомора и мака
 сильные соки чудес, чтобы звездело везде...

Юноша с девой, деля это звезденье мираклей,
 видят иные миры, и весьма развиваются там,
 и достигают всего, и потом ничего им не надо,
 кроме грибов, спорыньи, мака — и вроде того...

Плавая в этих мирах, где расцветают прозренья,
 когда мухоморы и мак преображают мозги,
 юноша с девой ведут образ возвышенной жизни,
 не унижая любовь гадким соитием трудом.

Главное — не доводить это прекрасное дело
 до возлежанья в гробу, в тапочках белых, в цветах.
 Юноша ноет: «А как?!» «А так, — я ему отвечаю, —
 лечит в Тибете монах розгами этот недуг».

Юношу ломка гвоздит, он уж на розги согласен,
 ищет монаха, Тибет, что-то несёт продавать
 и покупает в кафе шарик себе героина,
 чтоб до Тибета дойти, с розгой монаха найти.

Дверь виновата во всём!.. Полон базар сочинений,
 дивные опыты в них — мак, мухомор, спорынья,
 славный такой агитпроп психоделических штудий,
 гумтехнологий сквозняк... Дверь виновата во всём!

1998

Подумаешь, повесился!.. Ха-ха.
Его проблемы. Психов тут навалом.
Несчастливы только те, чьи потроха
отравлены тоской по идеалам, —
да ну их к черту, пусть они висят,
включают газ — и головой в духовку.
Могли бы кур держать и поросят,
держали могли бы речь, держали винтовку,
держали конюшню, баню, скипидар,
грузовичок, прогулочную группу,
себя в руках держать, держать удар
и светлый путь за травкой в Гваделупу,
так нет же — путь свой держат в самый гроб...
И хлад вселенский держит чью-то душу,
которая ладонью держит лоб,
рисую песню кисточкой и тупью.

1997

КРОЛИК

Кто не имеет ничего,
тот всё-таки имеет Нечто,
чего никак иметь не может
тот, кто уже имеет всё...

Имея всё, никак нельзя
иметь отсутствие всего,
что жить мешает налегке
и быть любимым не за то, что —
увы! — умеешь всё иметь.

Умеющие всё иметь,
имеющие всё уметь,
уж никогда не поймеют,
не поумеют никогда

поймку Кролика, чьи лапки
нам постоянно разгребают
холмы и холмики сокровищ,
которых я не назову,

чтоб те, кто всё уже имеет,
не оторвали эти лапки
от Кролика, от нас с тобою,
кто не имеет ничего

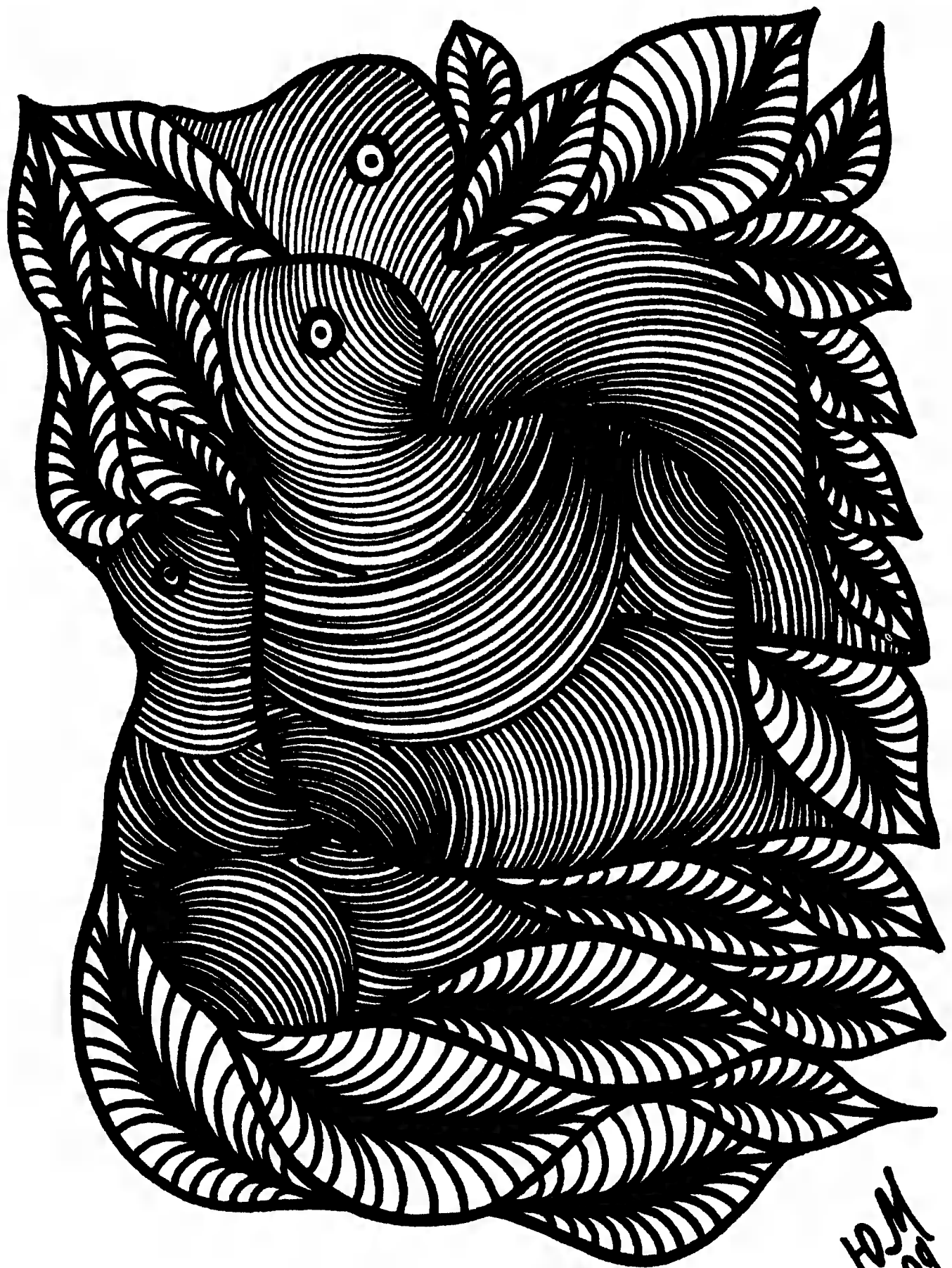
такого, то-есть барахла,
которое имеют все,
кто здесь уже имеет всё, —
всё, кроме Кролика Сокровищ.

1998

БАБОЧКА

Когда за ручку мать меня вела,
на красоту её оглядывалась улица.
Когда за ручку вёл меня отец,
всегда он музыку насвистывал чудесную.
Теперь их тайна смерти обняла.
И бабочка, влетевшая ко мне
в такой холодный, снегопадный день,
она — от них, с любовью и надеждой,
с распахнутыми крыльями картины,
где сам Господь водил рукой ребёнка.

1997

В каждой капле Жизни
Смерть растворена,
Тайны глубина —
Разве не она?..

В каждом из Мгновений
Есть её волна,
Та волна — времён полна,
Шелестит она...

В каждой мысли беглой
Что-то есть о ней —
То ли прелесть кратких дней,
То ли дрожь огней...

И в любом цветке
Есть её цветок.
Её розам безразлично —
Куст или платок.

1998

Как чудесно ты пахнешь, мой милый,
драгоценный, единственный мой, —
пахнешь юностью, яблоней, силой
океана, рождённого тьмой.

В данный миг я держу в своих лапах
кисти мокрые, полные глаз,
и портретом становится запах,
на холсте вспоминающий нас.

Там свиваются розы, улитки,
волноликие трубки осок.
Мы с тобой не исчезнем, как в слитке
золотой исчезает песок.

Наша боль умирает последней,
не надежда, а именно боль —
эта сила не может быть средней,
потому что разлука — под ноль,

но за ней, средь небесных подпалин
что-то есть, несомненно, для нас...
Как чудесно ты пахнешь, мой парень, —
жизнью, парень, ты пахнешь сейчас.

1997

Шестое апреля, восемь утра, снегопад,
звонят из Европы, там расцвела магнолия,
слышу, как раздаётся её аромат
по телефону, по всем проводам, тем более —
изо всех углов, рукавов, стаканов, труб...

— Володя! — кричу я в трубку, задыхаясь в своей Монголии
от астмы, от этого запаха, который как ледоруб
сломал кору, под которой — моя мечта о магнолии,
об окнах не в грязный мрак, а в цветущий куст,
о жизни, где воздух не делает губы синими.

— Юнна!.. Здесь так прекрасно! Зачем тебе тот Прокруст?!.
И я ему отвечаю, что всё это — хруст на линии...

1998

Верба милая, серебряный пушок,
прутья розовые, снежная весна.
Снегом пенится метель на посошок,
все дороги завалила белизна,

и над нею только головы плывут,
только головы и лица ходоков,
серебристого дыханья вербный прут
разрастается кустами облаков.

И несут они детей над головой,
дети старше их намного, и о том —
свет, искрящийся в лавине снеговой,
свет, играющий серебряным прутом.

1998

Я нарисую тебе морячку,
ходит над морем она враскачку —
волны качают её судёнышко,
всем она телом чувствует донышко.

Потом она ходит враскачку по суше,
где на каждом углу — исторический памятник,
но у ней под ногами ничуть не глуше
бьются волны и палуба ходит, как маятник.

Дело её — бездонно и зыбко.
Лиственной лёгкостью отличаясь,
её загадочная улыбка
с тобою спит, на ветру качаясь.

1998

Он любил её, как берег любит волны,
любит волны с кораблями, с якорями
в жизни той, где бессловесны и безмолвны
драмы странников, распатанных морями.

Серебрились на волнах её картины,
проплывали перед ним, качаясь в пене,
чьи божественные брызги обратимы
в миф, использующий волны, как ступени...

А дописывает мелкие детали
подмастерье под навесом корифея,
волоски, соски и профиль для медали —
это всё уже подробности трофея.

1998

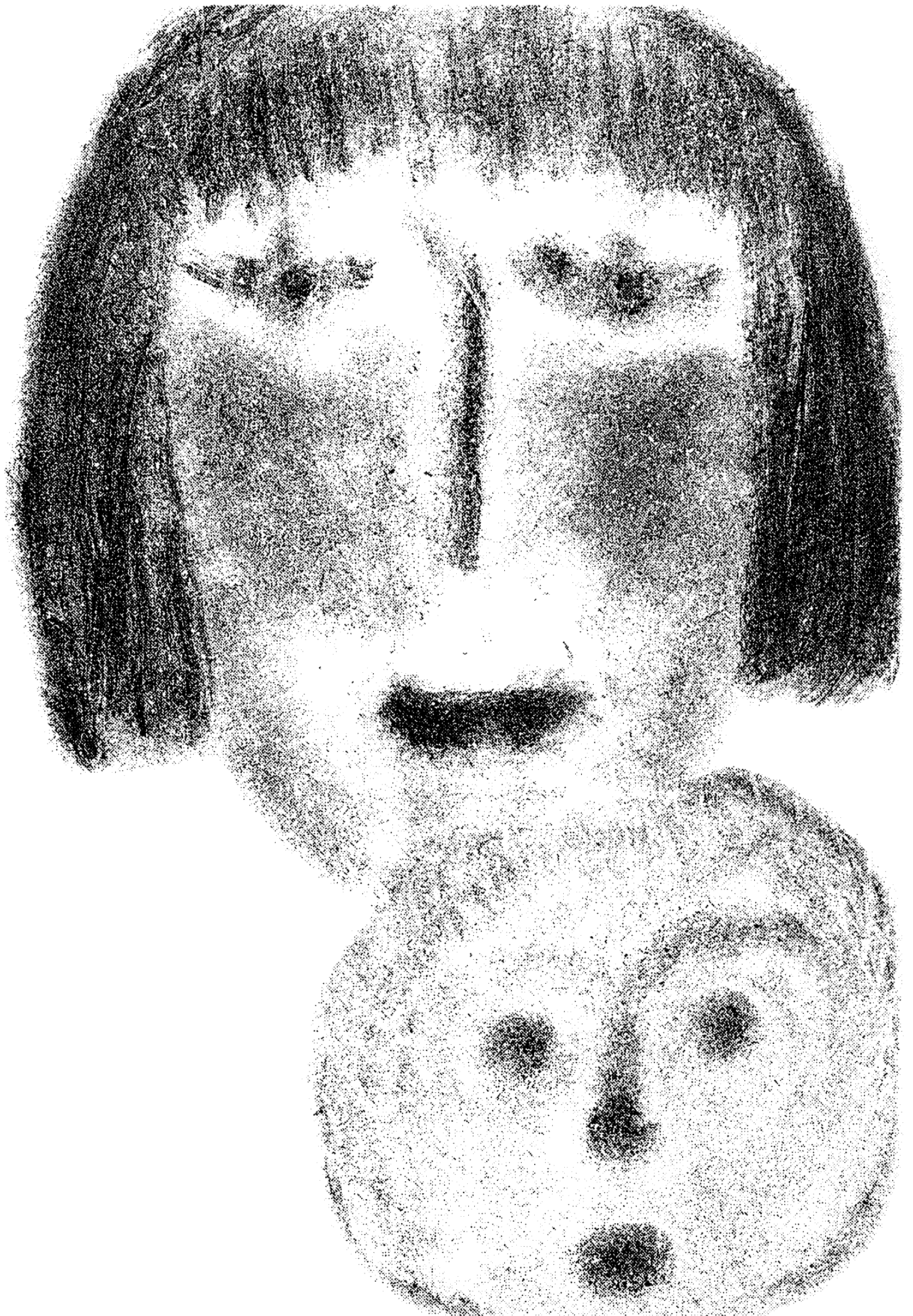

HM
98

ТРЕПЕТНЫЙ ОТБРОС

В подъезде, где огромны зеркала,
лежит на лестнице один живой цветок,
и в каждом из зеркал белым-бела
его тоска предсмертная. Глоток
воды не подадут ему... Когда б
он лаял, выл, мяукал и скулил,
на брюхе ползал, был владельцем лап,
хвоста, ушей, — ему б воды налил
какой-нибудь жилец по доброте
иль по привычке к жалости. Но тут
совсем другое дело: в животе
цветку отказано, и ноги не растут,
и не рыдает золотистый глаз
в семёрке белоснежных лепестков.
Воды бутылку я куплю сейчас, —
и ты найдёшь в ней океан глотков,
и в ней спасёшься... Всем послав привет,
со мной в обнимку выйдешь на мороз.
Четыре дня и миллионы лет
мы будем вместе, трепетный отброс!..

1998

ЛЮБЕЗНЫЙ ФИЛОФЕЙ

Любезный Филофей! Твоя теперь я бабка,
с тобою говорю о сухости в штанах,
поскольку есть места, где очень сердцу зябко,
и там оно дрожит, как на ветру монах.
Три годика тебе, а мне — седьмой десяток,
ты — крошечный блондин, а я — большой седин.
Все пишут для тебя про кур и поросят,
которых иногда мы всё-таки едим...
Ты прибыл в хищный мир, скуластый мой кочевник,
и святость хищных книг завьёт тебя в обман,
как завивает в сон ягнёнка у харчевни
струистый жар, и дым, и вид на океан.
Но ты, любимец фей, не вздумай лезть в повозку,
где дремлет вкусный скот! И вкусным быть не смей!
...Лазурь — в твоём глазу, похожем на стрекозку.
И фейский твой язык — законный мой трофей.

1998

На солнце у древних развалин
сизжу я, зажмурясь как кошка.
Идёт древнегреческий парень,
его бесподобна обложка.

Кончается улица морем,
на рейде качаются бриги...
Папирус в ручье за подворьем
так светится в солнечной книге!

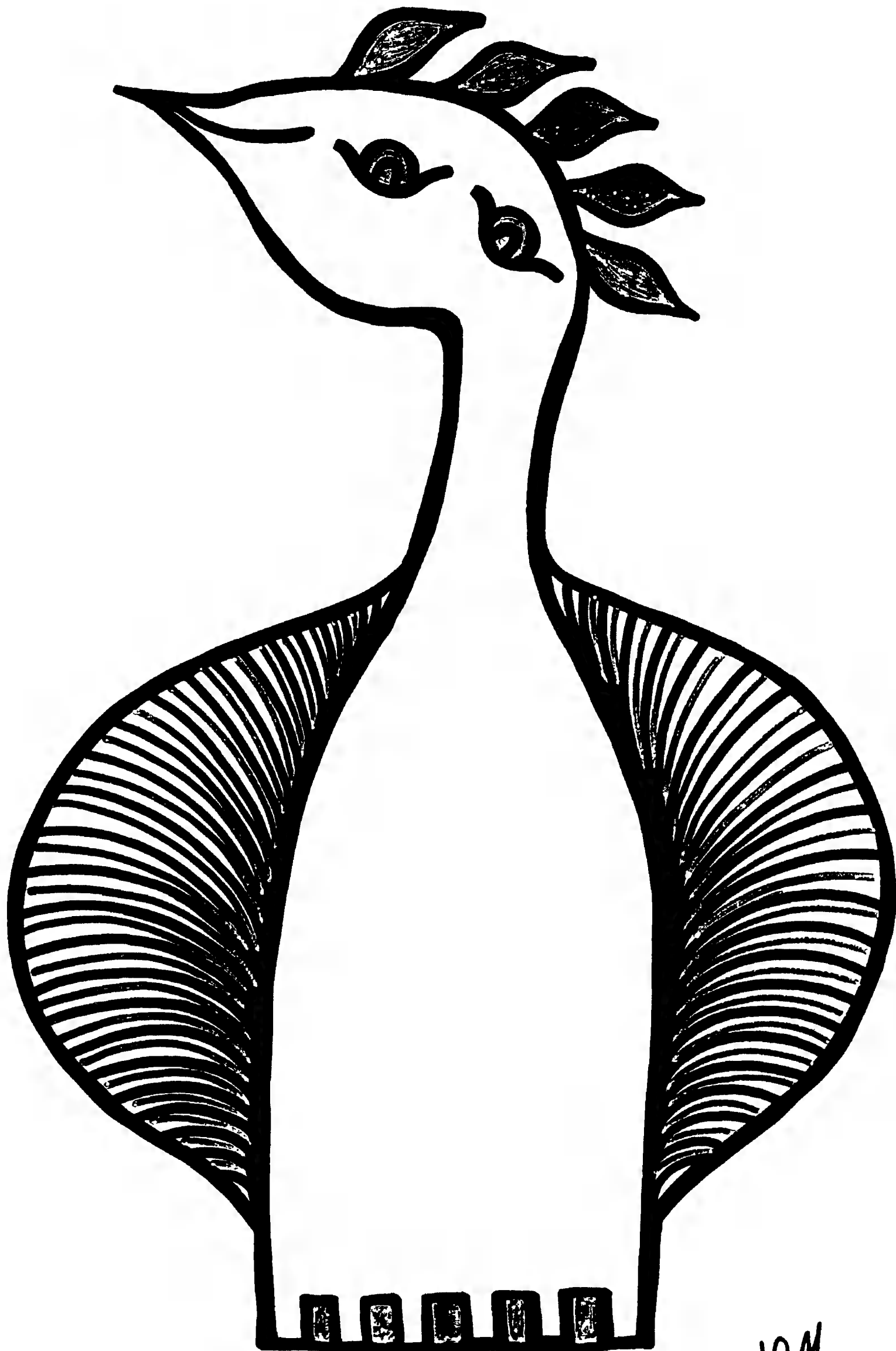
Я странствую, я процветаю,
натуру пишу на продажу,
я людям на счастье гадаю,
сдувая отчаянья сажу.

Кочую, но всюду я — дома,
и мне улыбаются, словно
я каждой собаке знакома
и жителям всем поголовно.

Была я грешна, потакая
неблагодарности чёрной.
Теперь я совсем не такая, —
судьба моя стала просторной,

она благодарна отрыву
от неблагодарного множества,
где хочет волшебную рыбу
иметь на посылках ничтожество.

1998

10M 97

Да здравствуют бандиты, разбойники и воры,
 Их личности отдельные, а также коллектив!
 Они спасут отчизну и все её просторы,
 Своим авторитетом раздоры прекратив.
 И наведут порядок, и сдвинут с места горы,
 Артистов с мордоделами вокруг себя сплотив,
 Чудесные бандиты, разбойники и воры,
 Их личности отдельные, а также коллектив.

Скорее бы, скорей бы начать переговоры,
 Чтоб нас не покидали, себя озолотив,
 Любимые, чудесные, прелестные, известные,
 Великие, могучие, певучие, живучие,
 Прекрасные бандиты, разбойники и воры,
 Их личности отдельные, а также коллектив!

Мы памятник поставим Неизвестному Бандиту,
 И памятник поставим Известному Бандиту,
 И памятник поставим Чудесному Бандиту,
 Летящему, стоящему, сидящему, блестящему,
 Идущему, плывущему, гребущему Бандиту,
 На прежнее на место с восторгом возвратив
 Их личности отдельные, а также коллектив!

И памятник поставим Гениальному Бандиту,
 Сияющему вечно, Идеальному Бандиту,
 Бандитскому Высочеству, Бандитскому Сиятельству,
 Его Бандитской Светлости, Его Бандитской Мудрости,
 Родному, дорогому Бандиту Всех Бандитов —

За то, что нас не бросил, совсем осиротив,
 А также не покинул, себя озолотив.
 Да здравствуют бандиты, разбойники и воры,
 Заслуженно-народные, природно-благородные,
 Их личности отдельные, а также коллектив!

ЭЛЕГИЯ

Хотелось бы остаток лет
прожить вдали от пошлых бед
и людоедских процветаний,
и от художественных скук
в малине круговых порук,
в притоне творческих братаний
на политических пирах,
где только выгода и страх
толкают судеб вагонетки...
Дай Бог, от этого вдали
прожить хоть на краю земли,
бросая в океан любви
мои последние монетки.

1997

Встречаемся крайне редко, но чаще, чем мне бы хотелось.
Я прохожу сквозь тебя — как мысли сквозь стену.
В зале сегодня публика, которая приделалась
за сумасшедшую цену.

То ли подъём упадка, то ли упадок подъёма,
наблюдается экзальтация сплочённых марионеток.
Я не люблю звезденье, люблю я сиденье дома
с кистью, пером и книгой в искрах моих пометок.

Раз в пятьдесят упали тиражи приличных журналов,
потому что цена их выросла в пять и более тысяч раз,
а вовсе не потому, что у новых писгенералов
есть гениальные мысли о смерти читательских масс.

Вот ерунда какая в моих мозгах мелочится,
а крупная публика жаждет лирического ожога,
ей кажется, что поэзия — нечто вроде подохналога.
А поэзия — это кредитная линия Господа Бога.

1998

Тут я давеча клянчила работку,
чтоб родимого спасти человека,
прикупить ему скальпель с наркозом.

Обратилась к одному прохиндею,
гуманисту в ранге министра,
борцу за права чикотилы.

— Помоги мне найти заведение,
где смогу я трудом заработать
хоть какие-то деньги на больницу...

А глаза его, две оловяшки,
стали сикать горючими слезами,
потекла его речь вот такая:

— Ты очнись, оглянись, что творится!
Президент еле кормит семейство!
А уж я обнищал невозможно!

Тут приехала за ним вождевозка,
и помчался он работать бесплатно,
голодать на кремлёвских приёмах,
делить нищету с президентом.

А я мигом нашла себе работку —
подхватила я свой аккордеончик,
в переходе за денежку запела,
в переходе, в подворотне, на крыше,
ветром, ливнем, а также метелью,
заработала на скальпель с наркозом.

Не могу же я работать бесплатно,
голодать на кремлёвских приёмах
да делить нищету с президентом.

1998

СТАКАН С ДОЖДЁМ И ЦВЕТАМИ

Сегодня дождя сверканье —
отрада моей души,
сегодня цветы в стакане —
чудо как хороши,

звёздчатые цветочки,
сорванные в глуши, —
для них в носовом платочке
звенели мои гроши,

когда я дошла до точки,
где в холоде чёрных дыр
звёздные гаснут строчки
и тьма затопляет мир.

...Этот грошовый звон
стакана с дождём и цветами.
Ещё не конец времён
стакана с дождём и цветами.

1999

УЛЫБКА ВИЗБОРА

Юру Визбора кормила я борщом,
даже водки с ним я выпила глоток.
Он принёс мне сочиненье под плащом,
а за окнами висел дождя поток.

Юра Визбор улыбался, как в лесу,
как шиповник в розоватых облачках,
и какую-то чудесную росу,
улыбаясь, он раскачивал в зрачках.

«Ни о чём я не жалею, ни о чём!..» —
пел воробышек парижский... На вокзал
Юра Визбор уходил, и вдруг лучом
стал в дверях и, улыбаясь, мне сказал:

— Не увидимся мы больше на земле.
Обещаю отлететь навеселе.
Жизнь прекрасна, страшновато умирать.
— Что ты, Юра?!.
— Не хочу тебе я врать.

И ушёл он, напевая сё да то
и насвистывая «Порги и Бесс»...
Так теперь не улыбается никто.
Это был особый случай, дар небес.

1998

MODUS VIVENDI

Изменился климат, вымерли подчистую мамонты, динозавры — и что?.. А то, что, сидя на рельсах задницей и протестуя, вы прогрессу мешаете, граждане, как никто.

Изменился климат, вымерли птеродактили по закону природы, не громя никакой режим, никому не хамя: «Катитесь к такой-то матери, а мы на рельсах пока полежим».

Нехорошее дело — умственная отсталость, в стране изменился климат, надо же понимать, что вымерли динозавры и мамонтов не осталось, зато с каким уважением будут их вспоминать.

Климат когда меняется, лучше быть насекомым, также вполне прекрасно всем превратиться в змей, не хулиганьте, граждане, дайте пройти вагонам, ведите себя, как мамонты, — будет и вам музей!..

1997

Когда повесилась, ей стало хорошо,
гораздо лучше, чем в писательской общине,
где репутаций варится горшок,
который был готов к её кончине.

Когда повесилась, ряды, ещё тесней
сплотясь, её выдавливали имя —
и были правы, потому что с ней
такой кошмар творился, а не с ними.

Когда повесилась, десятки лет спустя,
одни её повесить вновь хотели,
другие, лавры для неё сплетя,
носить их стали, как бельё на теле.

Когда повесилась, любой, кто с нею был
едва знаком, заврался мемуарно
и, напуская некоторый пыл
загадочности, выглядел товарно.

Когда повесилась и перестало течь
её дыханье, за неё наелись
и напились, в её крутую речь
своей подливки добавляя прелесть.

Когда повесилась, украсив общий фон,
где так верёвку ей сплетали дружно,
она сочла, взглянув со всех сторон,
что из удавки вылезать не нужно.

1999

БИОГРАФИЯ ПУСТЫНЬ

Идей голодные стада —
они пасутся, пожирая
продукты смертного труда,
которым нет конца и края.

Стада голодные идей,
они устроены особо:
чем больше жрут, тем голодней
их ненасытная утроба.

И мозг не зверский, а людской
плодит их морды и оскалы,
кончаясь воем и тоской
идей, голодных как шакалы.

И пожираем человек
своим чудовищным расплодом
идей, впрягающихся в бег
за пищей, равною народам.

А там, где больше нет людей
и жизни нет следа, —
уж точно пронеслись идей
несметные стада.

1997

УЛЫБКА

Стариков улыбает чудесность,
что во гробе не надобно пищи.
Колорит, отличающий местность,
стариков опускает на днище.

И они подышают от счастья,
что помойку свою не профукав,
там находят заморские сласти
от своих гениальных говнуков.

Старики подбирают объедки,
улыбаясь, как малые детки,
как наивно-дурацкие предки
мудрецов, раскрутивших рулетки.

Нажрались их трудами от пуза
те, кому они нынче обуза, —
этой мысли, свободной как птица,
стариков улыбаются лица.

Стариков добивают спортивно,
стариков обзывают противно.
И, на эту действительность глядя,
старики улыбаются дивно.

Есть в улыбке их нечто такое,
что на чашах Господних витает
и бежит раскалённой строкою
по стене... но никто не читает.

1997

ИЗ ЦИКЛА
«ВОДА С КУВШИНОМ И ЦВЕТАМИ»

Под шелест опадающих пионов
Египетских читаю фараонов
Улыбки, затаённые во мгле
Зеркал, где даты смерти и рожденья
Присутствуют, как дух произведенья,
А не как номер метки на белье.

Хранилищами пахнет эта книга,
Холодной глубиью, ускользаньем сдвига,
Приведшего к гармонии кошмар
Улыбок, пыток, виселиц, пленений,
Измен, доносов, вещей сновидений,
Красу победы — свежей крови пар.

Но всё проложено улыбок лепестками,
Улыбок лентами, улыбок облаками,
Улыбок, время мерящих песком,
Струящихся улыбок и текучих...
Ещё там скарабей в навозных кучах
Священным почитается жуком,
И улыбается он в качестве таком.

1999

СТРУИСТАЯ ЗВЕРЬ

Госпожа собирает баулы,
Ей-то самое время бежать!
Нынче в моде высокие скулы
И на теле струистый пиджак.

Наподобье рождественской ёлки
Пароход в переливах огней...
Госпожа до последней заколки
Соответствует прихоти дней.

А в порту её ждёт перестрелка.
Но, как свойственно звери лесной,
Её тело струисто, как белка.
И в кармане — парик запасной.

С пистолетом по имени Вальтер
Ездока остановит она,
Снимет комнату, снимет бюстгальтер,
Примет души и бутылку вина.

Ездоку она будет зазноба,
Потому что — струистая зверь.
И к утру они смоются оба,
Чтобы я о них пела теперь.

За границу их вывезут мулы,
Проводник, от рожденья немой,
Скалы, реки, ущелья, баулы
Денег, пахнувших сладостной тьмой.

Здесь не будет погони во мраке,
И тюрьма не состарит бродяг, —
Здесь собьются со следа собаки,
Потому что я сыплю табак!

Торжество справедливости этой
Неподсудно, как воля небес,
Отменившая лошадь с каретой,
Но не сказочный к ним интерес.

На костре пламенеет картофель.
С крупной солью который — он мой.
Зверь струистая, дымчатый профиль, —
Где мой в розах платок с бахромой?..

1999

Я десять лет не издавала книг,
но не рыдала, что «сизу в опале».
В какой опале, если ни на миг
ни я, ни мой читатель не пропали?!

Как видите, пропасть не так легко,
гораздо легче молоко рыданий
доить, доить рыданий молоко,
его сдавая множеству изданий.

Подумаешь!.. За эти десять лет
могла я дуба дать — пустяк, но всё же
привет тебе, читатель мой, привет,
здесь чудесам конца и края нет:
чем старше твой Гомер, тем ты — моложе.

1999

Люблю рассветную прохладу
и сине-розовые волны
плывущих в небе облаков,
и воздух, недоступный взгляду,
но всяческих видений полный,
подмигиваний и зрачков.

Нет для меня прекрасней часа,
когда на землю возвращаюсь
я в свете утренней зари
и на ветвях, где раскричался
воробышек, ещё качаюсь,
как ветер с листьями внутри.

1999

ВЧЕРА Я ПЕЛА В ПЕРЕХОДЕ

«В бумажной руке — бумажная чашка...»	5
Плавающий след	6
Цветное стекло	7
«Ты — девочка Господа Бога...»	9
Пуща-водица	10
Получение Рима	12
«Столы съедая после пира...»	13
«Музыка, лунный свет...»	14
«Мою судьбу примерил кто-то...»	15
«С жесткими блестками платье...»	16
Сонет	17
«Рассвета серое, мокрое полотно...»	19
Вошь энд гоу	20
«Все мерзости, которые про вас...»	21
«Не знает Лермонтов, что так теперь не пишут...»	22
«Вялотекущая сказка...»	23
Комедия взаимного узнанья	25
Пароль	26
«Ночь на исходе лета...»	27
«Меня от сливок общества тошнит!..»	29
Славный ворон	30
«Воруй, малюсенький, воруй...»	33
Свежие новости	35
«В сером воздухе рассвета...»	36
Зимний пейзаж	37
Старик и дева	39
«Так много дней...»	41
«Дрожащие губы и скрежет плаща...»	43
Письмо	45
«...жил девятьсот лет...»	47
«Поэзию большого стиля...»	48
Логотип	49
Античный кот	50
С молнией меж лопаток	53
«Сегодня или никогда...»	55
«В небо гляжу по утрам...»	57

«Снег пролетел, пролетела птица...»	61
«Какое счастье — в воду лечь...»	63
Спящая птица.	64
«Синий снег, зеленая луна...»	65
Кафказ.	66
Ночь ветра	67
«Уксус винный, флакон гранёный...»	69
Вторник	70
Письмо	72
«На всю глубину морскую...»	74
Про ногу, которая ходит в ногу со временем	76
«Тише, тише, язычок — мой приятель...»	78
Некоторый момент	79
«Есть особая пытка именами...»	80
«Хотя расщепляется атом...»	81
Античное блям	83
«Кто-то утопил кого-то в чем-то...»	84
Без прикрас	86
Дворец буфетов	87
Скользкая ночь	88
«Есть роскошь, не доступная деньгам...»	90
Мандолинщица	91
Речка во мглу	93
Особый дух.	95
Реплинг	97
Серенада	99
«Ничто ни на ком не кончается здесь...»	101
«Друзей не превращайте в слуг...»	103
«Это — не состоянье дел...»	104

ГОЛАЯ В ШЛЯПЕ С ПОЛЯМИ

Цветочница	107
«Вышла в сад, которого нет...»	109
Белый портрет	111
«Российский хлеб на хлеб японский...»	112
«Здесь всё — воображения игра...»	113
«Снег бросается с крыш, всю ночь грохоча...»	114
«Анатомия тайных ходов...»	115
«Мышленья образ если есть...»	117
«— Опоздали! Отстали!...»	118
«Катались, кутались, и — в общем — не хотелось...»	119

«Она сказала: все висит на волоске...»	121
Нога	123
Новое мышле...	124
Послание античнику	126
Крадким курсом лиферадуры	127
Холст	128
Театральная конфета	129
«Вот она — чудесная машина...»	130
Вырезка	132
Пейзаж	133
«Времени ветер метет людей...»	135
Текущий момент	136
«Еще не вечер... Мы еще покинем...»	137
«Страшно богиня устала сидеть в этой позе...»	138

ЗДЕСЬ ПРЕВРАЩАЮТ

«Мы будем жить, немного погода...»	141
«Камни морские в стеклянной чаше...»	142
«Роща звенит за окнами...»	143
«Ты — моя девочка...»	144
«Приходишь домой, а там — казино или пицца-хат...»	146
«На мокрой бумаге...»	147
«Нагие ветви за окном туманным...»	149
«Утро, свинцовые крыши...»	150
«Воздух зеленый, север восточной весны...»	152
«Туман развеялся, скопился свет в стекле...»	154
«Дева разбила кувшин, и вода истекает...»	155
Corazon	157
«У него цыганская гитара...»	159
«Отсюда вытекающее лето...»	160
«Все там, брат, чужое...»	161
«Тумана мокрою рогожей...»	162
«Все чаще, к сожаленью...»	164
Музыкальная заставка	165
«И, вдруг оборотясь, ты застаешь врасплох...»	167
«Скоро в Москве несчастной уцелеют одни депутаты...»	168
«От потери сознания...»	169
Разъятый плод	170
«Когда сказал он это в первый раз...»	172
Ангел с белым крылом и с крылом помраченным	173
Довлатов в Нью-Йорке	176
«Как волны листвы, колосьев...»	177

С КАМЕНАМИ ИГРАЯ

«Небо стальное в городе зимнем...»	181
«Даты сражений, побед, поражений, имена полководцев...»	183
Тележка с цветами	185
Концертина	187
«Проспи, проспи, художник...»	188
«А я, с камнями гуляя чаще многих...»	189
«Дивный какой я зверь...»	191
«Тут всех на старость повело строчить донос...»	192
Записка	193
«Великих нынче — словно блох в ночлежке...»	195
Бродячий мотив	196
«Камена прекрасная крутит романы...»	197
«Балет — искусство поз...»	199
«Выходит овен за калитку...»	201
Камея на коралле	203
«Книжным базаром иду, полон базар сочинений...»	205
«Подумаешь, повесился!.. Ха-ха...»	207
Кролик	208
Бабочка	209
«В каждой капле Жизни...»	211
«Как чудесно ты пахнешь, мой милый...»	213
«Шестое апреля, восемь утра, снегопад...»	214
«Верба милая, серебряный пушок...»	215
«Я нарисую тебе морячку...»	216
«Он любил её, как берег любит волны...»	217
Трепетный отброс	219
Любезный Филофей	221
«На солнце у древних развалин...»	222
Гимн	224
Элегия	226
«Встречаемся крайне редко, но чаще, чем мне бы хотелось...»	227
Из цикла «Святые униженья»	228
Стакан с дождем и цветами	229
Улыбка Визбора	230
Modus Vivendi	231
«Когда повесилась, ей стало хорошо...»	232
Биография пустынь	234
Улыбка	235
Из цикла «Вода с кувшином и цветами»	237
Струистая зверь	238
«Я десять лет не издавала книг...»	240
«Люблю рассветную прохладу...»	242

Юнна Петровна Мориц
ТАКИМ ОБРАЗОМ
Стихотворения

Ответственный за выпуск А. Доброхотов
Технический редактор Р. Егорова
Корректор А. Гусманова

Компьютерная верстка Е. Пономарева

ООО «Диамант»
ЛП № 000083 от 25.03.99 г.

Подписано к печати 22.12.2000. Формат 60×88 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура тип Kudriashov.
Усл печ. л. 15,5 + 1,5 цв. вкл.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3722

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

55/0

592 07

Новая книга стихов Юнны Мориц,
лауреата премий «Триумф» (Россия)
и «Золотая роза» (Италия),
одного из лучших поэтов
современности,
впервые представляет ее читателю
и как великолепного художника.
Пронзительная, редкая по
откровенности лирика
иллюстрирована
репродукциями
графических произведений
Поэта.
Многие из репродукций
сделаны в цвете.

ISBN 5-88155-444-2

9 785881 554446